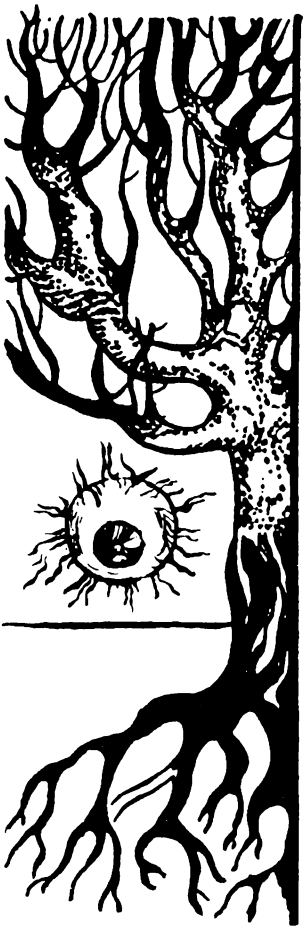
МИРОВОЗЗРЕНИЕ

И. Н. Ульянова

КМ. ПЕРМЯКОВ

К.М. ПЕРМЯКОВ



МИРОВОЗЗРЕНИЕ И.Н. Ульянова-

Ульяновск
"СИМБИРСКАЯ КНИГА"
1995

ББК 85.14
П 59

Рецензенты: **В. Ю. Самедов**, доктор философских наук, профессор Российского независимого института социальных и национальных проблем РАН; **Н. И. Кузнецова**, кандидат философских наук сектора "История науки и логика" Института истории естествознания и техники РАН (б. АН СССР).

Пермяков К. М.

П 59 Мировоззрение И. Н. Ульянова. — Ульяновск: "Симбирская книга", 1995. — 224 с.

В работе освещаются мировоззрение И. Н. Ульянова, одного из виднейших прогрессивных русских педагогов и общественных деятелей второй половины XIX века, его естественно-научные представления, теоретико-познавательная позиция, борьба против догматизма и схоластики в обучении и воспитании. Раскрыты роль и место демократа в русском просвещении, полемика в отечественной историографии и западных исследованиях по вопросу религиозной веры И. Н. Ульянова. В книге использован обширный фактический материал и архивные источники.

ISBN-5-8426-0176-1 **ББК 85.14**

© Пермяков К. М., 1995 г.

Введение

Все честные люди в России отдают дань заслугам Ильи Николаевича Ульянова в истории отечественной педагогики и общественной мысли. Они бережно хранят и изучают наследие выдающегося прогрессивного деятеля, педагога-демократа и просветителя второй половины XIX века, оказавшего непосредственное влияние на формирование революционных идеалов своих детей.

В нашей стране и за рубежом вновь возрастает интерес к миросозерцанию русского педагога, отца В. И. Ленина. Это закономерно и является следствием тех позитивных перемен, что происходят сегодня в нашем Отечестве и его культуре, одним из основных элементов которой является прогрессивное идейное наследие прошлого. Вместе с тем, пока мы не располагаем систематическим изложением цельной концепции мировоззрения И. Н. Ульянова.

В истории русской национальной и мировой культуры проблемы мировоззрения И. Н. Ульянова, закономерностей развития его материалистических взглядов являются вопросами и теоретически, и исторически актуальными. Исследование их позволяет лучше уяснить ту обстановку и среду, в которой родился и вырос В. И. Ульянов (Ленин), а также дает возможность выработать верное представление о крупном общественном деятеле, каким являлся сам Илья Николаевич. М. И. Ульянова писала: "Характеристика отца Владимира Ильича имеет большое значение не только для научной биографии В. И. Ленина... Илья Николаевич и сам по себе был незаурядной личностью для того времени, в которое жил и работал"[1]. Сейчас эти слова звучат особенно актуально, так как чем дальше от нас отодвигается эпоха освободительных движений, тем яснее и величественнее становится подвиг педагога.

Конечно, анализ мировоззрения И. Н. Ульянова необходим не только потому, что он был непосредственным воспитателем Владимира Ильича, но и потому, что его взгляды оказали

влияние на целое поколение народных учителей Поволжья, ставших носителями и проводниками передовой русской демократической культуры. Исследование проблемы умственного и нравственного воспитания в педагогической системе И. Н. Ульянова, правильное понимание его естественно-научных представлений имеют принципиально важное мировоззренческое, познавательное и воспитательное значение для теории и практики современной педагогики.

Книга направлена против упрощенных представлений тех авторов, которые оспаривают тезис о том, что "традиции свободомыслия Владимир Ильич мог в детстве воспринимать... от отца"[2]. Мы полагаем, что наряду с решающим влиянием объективных условий, создававшихся в стране в пореформенную эпоху, на И. Н. Ульянова огромное воздействие оказали свободолюбивые идеи революционной демократии, материалистическая философия. Его естественно-научные взгляды шли вразрез с церковной схоластикой и религиозными догмами, противоречили "Священному писанию". Передовое естествознание, к которому тяготел Илья Николаевич, объясняло все явления природы из их объективных причин и оснований, что в свою очередь подрывало учение церкви о сверхъестественном происхождении мира и человека.

К сожалению, круг первоисточников, на которые можно было бы опереться в освещении столь многогранной проблемы, не очень обширен: архивных материалов, имеющих определенное значение для характеристики философских взглядов И. Н. Ульянова, до нас дошло немного.

Основными источниками, на основании которых возможно выявление сущности миропонимания И. Н. Ульянова, являются его печатные и рукописные работы, эпистолярная литература, а также воспоминания современников, родных, членов семьи Ульяновых[3]. Они позволяют уяснить характер социальной среды, атмосферу духовной культуры, в которой происходило развитие его взглядов.

Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова отражены в трудах историков, педагогов, писателей и художников. Имеется литература, в которой освещены общественно-педагогические идеи, отдельные стороны мировоззрения этого деятеля русского Просвещения[4]. В ней обращается внимание на тот факт, что семья Ульяновых впитала в себя лучшие черты демократической культуры.

Признавая значимость данной проблемы, автор считает возможным использование понятия "просвещения", принимает во внимание феномен "запаздывания" духовных течений в России XIX в. сравнительно с Западом и идейную направленность деятельности И. Н. Ульянова.

Некоторые авторы справедливо подчеркивают, что И. Н. Ульянов в своих научных работах и в преподавании физики, астро-

номии и других наук проводил прогрессивные идеи, способствовал формированию у детей научного мировоззрения. Излагая эволюцию его взглядов в сторону материалистического понимания природы, ученые вносят немалый вклад в разработку данного вопроса[5]. Они усматривают в воззрениях педагога веру в безграничные возможности познания мира.

В освещение мировоззрения И. Н. Ульянова сделаны первые шаги. В то же время следует признать, что многое здесь еще не исследовано. В большинстве трудов о жизни и деятельности просветителя не освещаются его материалистические идеи, не полно дается анализ его мировоззрения, его отношение к религии. Стала ли широким достоянием борьба Ильи Николаевича за передовую науку? Очевидно, нет. А ведь научные исследования и педагогическая деятельность И. Н. Ульянова — доказательство непрерывности славной материалистической традиции в России. Но, с другой стороны, неправомерно, на наш взгляд, и отождествлять миропонимание И. Н. Ульянова с "философским материализмом"[6]. Между тем вокруг данного вопроса не прекращается идейная борьба.

Метафизическое отрицание духовного наследия, демократических и гуманистических идеалов И. Н. Ульянова стало модой. Под предлогом борьбы с идолопоклонством и иконизацией В. И. Ленина, заодно развернулось наступление против его отца И. Н. Ульянова — символа добра и справедливости. У честных людей вызывает чувство протеста нападки на И. Н. Ульянова, необъективность, пристрастное освещение идейного наследия и самого Ленина.

Ирония истории такова, что как раз теперь, когда о материализме и диалектике говорят сквозь зубы, предают анафеме вождя революции, а новые идолы драпируются в евангельские идеалы, имена И. Н. Ульянова и его сына Ленина на Западе чуть ли не канонизированы. Родителей Ильича представляют там как весьма талантливых, интеллектуально и нравственно развитых воспитателей своих детей, которые "все стали революционерами".

Тем не менее, и многие западные исследователи изображают взгляды И. Н. Ульянова в ложном свете, фальсифицируют его демократические идеи, тенденциозно освещают его мировоззрение, принижают их роль в формировании передовых идеалов у его детей.

Автор ставил задачу анализировать мировоззрение И. Н. Ульянова, его противоречия, борьбу И. Н. Ульянова против догматизма и схоластики в обучении, место, роль и функции Христа-Спасителя в его религиозном мировоззрении, объективное содержание его просветительской деятельности как демократа и гуманиста.

Необходимо было, с одной стороны, показать эволюцию отечественной историографии, обладавшей истиной, а также

вскрыть ложные представления некоторых авторов, с немалой долей фантазии трактовавших взгляды И. Н. Ульянова как материалистические, а его самого как просветителя 60-х годов и радикального демократа.

С другой стороны, следовало подвергнуть научной критике концепции западных исследователей. Аргументированное опровержение их утверждений, несостоятельных доводов, приемов и тенденций их историографии общественной мысли, в особенности Просвещения предполагает анализ данного мировоззрения, требует ответа на вопрос, были ли в нем гармония веры и знания и ортодоксия.

Следует отметить, что до начала 80-х годов монографических исследований, посвященных специально мировоззрению И. Н. Ульянова, не производилось. В недавнем прошлом сама мысль о религиозном содержании мировоззрения педагога могла оказаться необычной, противоречила догматическому мышлению и была далеко небезопасной. Не случайно авторы нередко в угоду господствующей идеологии отходили от исторической правды, лакировали действительность.

Хранить наследство — не значит бесстрастно относиться к нему и все без критического разбора зачислять в "наследство", приукрашивать идейную позицию выдающейся личности. Хранить его — это значит развивать все прогрессивное в нем. Уяснение сущности миропонимания И. Н. Ульянова, принадлежащего к славной плеяде русских подвижников-просветителей, необходимо и потому, что стихийный материализм в его мировоззрении влиял на формирование его общественных идеалов, решение проблем нравственного воспитания, являлся тем "устоем" и основой, которые открыли детям Ульяновых реальную возможность развить интеллект, сформировать свои прогрессивные убеждения и рано включиться в борьбу за торжество передовых идеалов свободы и социальной справедливости.

Автор выражает благодарность за ценные советы консультанту Российского независимого института социальных и национальных проблем РАН З. А. Лёвиной и доктору философских наук, профессору В. Ю. Самедову, докторам философских наук, профессорам МГУ П. В. Алексееву и В. А. Кувакину, кандидату философских наук Н. И. Кузнецовой (сектор "История науки и логика" Института истории естествознания и техники АН СССР), кандидату исторических наук Ж. А. Трофимову, старшему библиографу Ульяновской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина Н. И. Никитиной, сотрудникам Центрального музея В. И. Ленина и его филиала в Ульяновске, Центральных архивов и библиотек Москвы, Астрахани, Казани, Ульяновска.

К. Пермяков

I. УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И. Н. УЛЬЯНОВА

Развитие капитализма в России в середине и во второй половине XIX века сопровождалось подъемом передовой общественной мысли, в которой все сильнее звучали демократические идеи. И. Н. Ульянов усвоил лучшие традиции демократической культуры. Его приход к идеологии демократа был обусловлен не только назревшими потребностями общественного развития, условиями, в которых происходило становление педагога нового типа, но и определялся его происхождением — выходца из народа.

1. Изменения в экономической и классовой структуре русского общества второй половины XIX века

Как известно, являясь страной "второго эшелона" развития капитализма, Россия позже других европейских государств вступила на капиталистический путь.

В 50-х годах XIX века она переживала острый кризис в своем экономическом и политическом развитии. В недрах ее феодального строя происходило вызревание новых, буржуазных отношений. Разложение крепостнических отношений заметно ускорилось. Новые явления наблюдались в промышленности. Возрастало применение машинной техники, пришедшей на смену ручному труду. Быстро развивались отрасли легкой промышленности, использующие преимущественно наемный труд. Однако в металлургии и других отраслях тяжелой индустрии, где применялся в основном труд крепостных рабочих, темпы

роста были значительно медленнее. Число рабочих в России за период с 1804 по 1860 год возросло с 95,2 тыс. (из них 47% наемных) до 563,1 тыс. (из них 87% наемных)[1]. Промышленность постепенно принимала капиталистический облик. Крепостной труд на заводах и фабриках вытеснялся наемным.

В сельском хозяйстве происходил процесс обезземеливания крестьян: помещики при производстве хлеба на продажу за границу стремились увеличить количество товарной продукции своих имений путем расширения барской запашки за счет сокращения крестьянских наделов, увеличивали размер оброка. Это заставляло часть крестьян искать заработки на стороне.

Как известно, необходимым условием создания капиталистического внутреннего рынка является общественное разделение труда. Однако основным тормозом на пути индустриального развития России было крепостное право, при котором давали себя знать недостаток свободных наемных рабочих, слабое развитие товарного производства, медленное накопление капитала[2].

Преобладание барщинной системы в сельском хозяйстве предполагало наличие следующих условий: господство натурального хозяйства, наделение непосредственных производителей "средствами производства вообще и землею в частности", прикрепление их к земле; "личная зависимость крестьянина от помещика", или, иначе говоря, "внеэкономическое принуждение"; "крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой"[3]. Барщина становилась невыносимой для крестьян, приводила к деградации сельского хозяйства, которое переставало обеспечивать крестьянам их полуголодное существование.

Усиливалась классовая борьба за землю и за освобождение от гнета помещиков, увеличилось число стихийных выступлений, бунтов крестьян. В отчетах жандармов III отделения царю сообщалось о том, что крестьяне, увлекаясь слухами о свободе, все больше возмущались произволом помещичьей власти, выходом из повиновения господам[4]. Попытка правительства ослабить противоречия, отвлечь народ от революции Крымской войной 1853—1856 годов была безуспешной. Назревала революю-

ционная ситуация (1859—1861), которая однако не переросла в революцию вследствие слабости и неорганизованности крестьянского движения.

Упадок помещичьего хозяйства, невыгодность крепостного труда, усиление борьбы крестьян против крепостников вызывали у части помещиков настроения в пользу отмены крепостного права и перехода к вольнонаемному труду. Силой, которая заставила царизм провести реформу, была неумолимая логика экономического развития, втягивающего Россию на путь капитализма.

Крестьянская реформа 1861 года, по существу представлявшая собой буржуазную реформу, открыла клапан для развития новой капиталистической формации[5]. К концу 70-х годов в ведущих отраслях промышленности машина в основном вытеснила ручной труд. Ускоренно формировалась буржуазия. Особенности развития капитализма в России накладывали печать на ее облик. Слабая экономически, трусливая политически, буржуазия была тесно связана с самодержавием. Она была классом консервативным, не обладала стройными идеалами и поддерживала царизм, рассматривая его как силу, способную пресечь проявления революционной активности народа.

Неизбежно набирал свои силы рабочий класс, численный рост которого способствовал качественному изменению, осознанию им своих классовых интересов и созданию в 70-х годах первых рабочих организаций. Основная масса населения же — крестьянство, заинтересованное в ниспровержении феодальных производственных отношений — все больше расслаивалось, выделяя из своей среды сельскую буржуазию, с одной стороны, и сельский пролетариат, с другой.

Помещики в своем большинстве пытались сохранить остатки крепостничества. Даже либерально настроенные их них не допускали мысли об уничтожении самодержавной монархии.

Возросла численность интеллигенции. В составе ее определялись различные группы: помещичье-клерикальные "верхи", буржуазная интеллигенция, демократические слои, близкие к крестьянам и городским низам по образу жизни и мысли. Умонастроения части разночинной интеллигенции[6] развивались в русле идеологии революционной демократии.

В 1879—1881 годах в России сложилась новая революционная ситуация, вызванная, с одной стороны, обострившейся нуждой, бедствиями крестьянских масс и размахом крестьянского движения, с другой стороны, волной рабочих стачек, охвативших промышленные центры. Однако и вторая революционная ситуация не переросла в революцию: не было еще политической силы, которая могла бы организовать и повести за собой на борьбу народные массы.

Реформы 60-х годов лишь затронули, но не завершили буржуазных преобразований России. Сохранились противоречия феодализма. Главным из них был назревавший конфликт между помещиками и крестьянами.

2. Идейные истоки становления педагога-демократа

Взгляды И. Н. Ульянова, культура его чувств, его система ценностей складывались под воздействием передовых традиций, свободолюбивых идей русского и западноевропейского Просвещения. Годы его жизни и деятельности совпали с двумя первыми периодами освободительного движения: дворянским и разночинским, революционно-демократическим[7]. В середине 50-х — второй половине 60-х годов XIX века, в условиях кризиса феодального строя и подъема крестьянской борьбы, главным деятелем освободительного движения является разночинец.

Надо отметить, что в России даже в 1861 году народ был не в состоянии подняться на широкую организованную борьбу за свободу. Выстраданные идеи революционеров не могли еще проникнуть в сознание народа, в большинстве неграмотного, находящегося в плену царистских иллюзий, суеверных предрассудков. В такой ситуации основным субъектом революционного процесса выступила образованная прослойка общества — разночинная интеллигенция.

Демократический период, связанный с падением крепостного права, ознаменовался переломом в общественных отношениях. Это был коренной поворот в ходе освободительного движения, та "умственная революция",

подъем передовой общественной мысли, которая нашла отражение в различных отраслях культуры — в естественных и гуманитарных науках, в искусстве. Это время ожесточенной идейной борьбы между разными общественными силами. Под влиянием обострившихся классовых противоречий шло углубление размежевания сил демократии и либерализма в русском Просвещении.

Официально господствующим направлением в идеологии оставалась идеалистическая философия, представители которой выражали интересы помещиков, являясь охранителями основ христианства в науке и политической жизни. Идеологи "православия, самодержавия и народности" М. П. Погодин, С. П. Шевырев и другие приписывали русскому народу религиозность, смирение и покорность. Они пытались подчинить философию и науку религии, доказать единство разума и веры.

Есть основания утверждать, что философия "официальной народности" оказала влияние на И. Н. Ульянова. Сильным было воздействие на молодежь и славянофилов, пытавшихся доказать, что развитие России отличается от развития стран Западной Европы, и в России нет почвы для классовой борьбы и революции. Тем не менее они были противниками крепостного права и считали необходимым его уничтожение. Славянофилы критиковали политические порядки в стране, в особенности бюрократизм. Их выступления в защиту свободы говорят о наличии у них либеральных тенденций, а их отрицательное отношение к буржуазной частной собственности — о том, что они были противниками введения в России такой собственности. Победившему буржуазному обществу Запада они противопоставляли русскую сельскую общину, еще цельную и не затронутую разложением.

В философии славянофилы не поняли и не оценили гегелевскую диалектику. Принцип развития духа был невыносим для них, ибо дух как "всецельный" не может быть несовершенным. Согласно концепции "цельного знания" И. В. Киреевского, разум в данном способе мышления добровольно подчиняется вере. Он в таком знании действует в соединении с волей, нравственным чувством. Славянофилы связывали критику рационализма с критикой индивидуализма. А субъектом истории считали народ. "Содействовать к просвещению народа не

есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать?"[8], — писал И. В. Киреевский.

И. Н. Ульянов испытал влияние западников. Данное направление философии 40—60-х годов включало представителей радикально-демократической идеологии и складывающегося буржуазно-помещичьего либерализма. Их объединяло отрицательное отношение к монархии и крепостничеству и официальной идеологии, стремление к ликвидации российской отсталости и к европеизации России. Вместе с тем, между ними возникли различия во взглядах. В философии буржуазно-дворянские либералы, проявляя свободомыслие по отношению к религии, не принимали атеизма и материализма радикальных демократов. А западник А. И. Герцен требовал сочетания материализма с идеей развития. Он усвоил диалектику Гегеля, характеризуя ее как "страшного тарана", разбивавшего все, мешавшее разуму. Он называл ее "алгеброй революции". Герцен не принял политическую и философскую позицию славянофилов, хотя ошибочно видел в их взглядах на общину зародыши, сближавшие эти взгляды с "русским социализмом".

Таким образом, идеалистической философии противостояло учение радикальных демократов — система философского материализма, проникнутая духом диалектики. Это учение выражало интересы наиболее обездоленных крестьянских масс в их борьбе за свободу против феодальных отношений. Революционные демократы подвергли резкой критике политику правящего класса, идеализм и религию, метафизическую концепцию развития и старую педагогику с ее авторитарной системой воспитания.

В те годы зарождается революционное народничество, представляющее идеологию крестьянской демократии. Родоначальниками его, отмечал В. И. Ленин, "считают Герцена и Чернышевского"[9]. В 1861 году возникает тайное революционное общество "Земля и воля", ставящее своей задачей сплотить все революционные и оппозиционные силы. В состав его "Центрального русского народного комитета" входили: А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, Н. И. Утин и др. Землевольцы развернули нелегальную деятельность, надеясь поднять народ на революцию. Однако после 1863 года крестьянское движение пошло на спад, восстание в Польше было подавлено. К весне 1864 года "Земля и воля" распалось. Это была первая крупная революцион-

но-демократическая организация 60-х годов, оказавшая серьезное влияние на развитие освободительного движения. Ее идейное воздействие не только на молодежь, но и на широкие передовые слои русского образованного общества было долговременным и прочным.

И. Н. Ульянов воспитывался на лучшем наследии российской культуры. Его деятельность на ниве народного просвещения показывает Илью Николаевича как активного и самобытного педагога, усвоившего и развившего демократические традиции общественно-педагогической мысли 60-х годов. И. Н. Ульянов опирался на труды К. Д. Ушинского, его антропологию и теорию развития целостной личности при решающем воздействии воспитания и обучения.

Н. К. Крупская отмечала, что они с Владимиром Ильичем были люди одного поколения, "росли приблизительно в одной и той же среде, в среде так называемой "разночинной интеллигенции"[10]. Разночинцы воспитывались на передовых идеях революционных просветителей. От В. Г. Белинского И. Н. Ульянов воспринял веру в могучие силы народа, которая рождала исторический оптимизм и ненависть к произволу. Выразителем надежд и чаяний, властителем дум молодого поколения, воспитателем новых людей, вступивших в борьбу за гуманистические идеалы, наряду с Белинским являлся Н. Г. Чернышевский. И. Н. Ульянов разделял и проводил в жизнь демократические идеи просветителя. Большое влияние на него оказали педагогические взгляды Н. А. Добролюбова, которые он воплощал в практику. Этика революционных демократов была источником, в котором И. Н. Ульянов черпал свои нравственные силы.

Он находился под благотворным влиянием шестидесятников, представителями которых являлись Д. И. Писарев, М. Е. Салтыков-Щедрин и другие демократы, которые продолжая концепцию Чернышевского, критиковали идеализм и защищали материалистические взгляды.

В 70-х годах революционное народничество приобрело широкое распространение в освободительном движении и передовой мысли. Его идеология претерпела эволюцию. Руководствуясь идеями демократии и утопического социализма, народническая интеллигенция переходит к практическому осуществлению своей доктрины.

Народники 70-х годов полагали, что интеллигенция находится в неоплатном долгу перед народом и настало

время, когда личность, осознавшая несправедливость существующего строя, должна посвятить себя служению народу. Эта идея нашла отклик в кругах разночинной молодежи и вызвала массовое "хождение в народ". Однако под влиянием неудач социалистической агитации среди крестьян и усилившихся репрессий большинство народников стали склоняться к другому методу борьбы с царизмом. Под знаменем "Народной воли" они перешли к тактике террора. Тем не менее в тех условиях их программа и революционная деятельность служили делу борьбы против царизма.

В середине 80-х годов народничество вступает в период кризиса, обусловленного, с одной стороны, неудачей социалистической пропаганды народников и разгромом "Народной воли", с другой — ростом пролетариата и развитием его борьбы, эволюцией крестьянства, его расслоения. В народничестве возобладало либеральное течение, отказавшееся от борьбы с царизмом.

Большое значение на мировоззрение И. Н. Ульянова оказывали и прогрессивная литература прошлого, а также современная ему. Н. К. Крупская писала: "Илья Николаевич любил стихи Некрасова и поэтов "Искры"[11]. Искусство поэтов-демократов пробуждало у него любовь к народу и ненависть к угнетению и произволу.

3. Естественно-научные предпосылки развития материалистических идей И. Н. Ульянова. Основные этапы его жизни и деятельности

Эпоха, в которой жил и трудился И. Н. Ульянов, характеризуется дальнейшим крушением старых понятий в науке. Развитие промышленности практически выдвинуло вопрос о взаимосвязи между теплотой и механическим движением. Открытие механического эквивалента теплоты устранило представление об особом веществе "теплороде". В химии была отброшена теория флогистона, объяснявшая горение выделением летучих, невидимых и невесомых частиц материи. Период, в который вступило естествознание примерно на рубеже XVIII и XIX веков,

явился продолжением и развитием тех процессов, которые начались на предшествующем этапе. Как известно, первую брешь в метафизическом представлении на природу пробила космогоническая гипотеза И. Канта и П. Лапласа[12]. Ученые доказали, что Земля, Солнечная система — результат длительного развития материи.

Новый период захватил почти весь XIX век. В странах Запада он совпал с эпохой капитализма с его развитой индустрией, выросшей из промышленной революции конца XVIII века, и ознаменовался лавиной открытий. Закон сохранения и превращения энергии наносил удар по метафизическим представлениям о постоянстве мира и изолированности явлений. Учение о клеточном строении растений и животных доказывало единство и взаимосвязь всех явлений органического мира. Теория Ч. Дарвина в противовес религии установила, что животные — продукт исторического развития природы и сформировались путем длительного отбора.

Развивалась русская наука. Она не отставала от западноевропейской, но шла с нею вровень, а в некоторых областях опережала ее. Работы по электричеству и магнетизму (В. В. Петров, Э. Х. Ленц, Б. С. Якоби), химическому анализу вещества (Н. Н. Зинин и др.), создание периодической системы химических элементов (Д. И. Менделеев) и другие исследования подрывали представления об универсальном характере законов механики, подводили ученых к идее о качественных изменениях вещества и новых видах движения материи. Среди русских ученых звездой первой величины являлся Н. И. Лобачевский, создатель новой геометрии. Годы его творчества связаны с Казанским университетом, в котором он в течение 19 лет (до 1845 года) был ректором.

Следует иметь в виду, что развитие науки совершалось не гладко и не плавно. Этот процесс протекал противоречивым образом. Старое метафизическое мировоззрение подрывалось и разрушалось в результате каждого открытия. Однако в силу естественной склонности человека к консерватизму, в силу сложившихся традиций мышление самих естествоиспытателей не могло сразу вырваться из привычных рамок и подняться на более высокий уровень. Метафизический способ мышления навязывался ученым и извне, с помощью религиозной идеологии[13]. Вместе с тем наиболее передовые ученые-материалисты России

заняли прогрессивную позицию, выступая против идеализма и религии. Русское православие в отличие от западного христианства было более консервативным и, хотя все больше испытывало на себе усиливавшийся натиск научного знания, оно по-прежнему действовало, используя лишь меры отрицания и запрещения, что приводило его к возраставшему противоборству с наукой. Тем не менее прогрессивные идеи все шире распространялись в среде ученых.

* * *

Илья Николаевич Ульянов родился 26 (14) июля 1831 года в городе Астрахани в семье бедного мещанина. Его отец Николай Васильевич был родом из русских крепостных крестьян Нижегородской губернии. В поисках лучшей жизни Николай Васильевич в 1791 г. вышел на оброк и, уехав в низовья Волги, не вернулся под власть своего барина. В списке помещичьих крестьян, прибывших в Астраханскую губернию до 1793 года, числился "Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии Сергачской округи села Андросова помещика Степана Михайлова Брехова крестьянин отлучился 791 году"[14]. Позднее он перешел в разряд государственных крестьян, а затем был приписан к мещанскому сословию, стал портным. Н. В. Ульянов скончался в бедности, когда его сыну Илье было всего пять лет.

Не надо забывать, что взгляды И. Н. Ульянова формировались тогдашним русским обществом, в котором религиозные устои были крепки. Заметное влияние оказали на него семья и школа. И. Н. Ульянов рос в среде с религиозными традициями. Его крестным отцом был протоиерей церкви Николы Гостинного в Астрахани Н. А. Ливанов. Будучи священником, он продолжал преподавать в уездном училище, в котором учил началам русской словесности, латинскому языку, географии братьев Ульяновых — Василия и Илью. Николай Агафонович покровительствовал семье деда Ильи Ульянова по матери — А. Л. Смирнова и, как полагают, впоследствии помог Илье Николаевичу, выходцу из бедного сословия, поступить в гимназию[15]. Ульяновы очень рано познали нужду и лишения. Им пришлось преодолеть немало трудностей, с которыми в условиях царизма было связано получение образования для выходцев из народа.

Мать И. Н. Ульянова Анна Алексеевна, дочь бедного русского мещанина Смирнова, после смерти мужа жила на иждивении старшего сына Василия Николаевича[16]. Илья Николаевич своим образованием всецело обязан брату, оставшемуся единственным кормильцем семьи и "заменившему ему отца". Как один из способных и преуспевающих учеников уездного училища, Илья поступил в гимназию. Учеба в ней была пронизана духом православия, важнейшими предметами являлись Закон Божий, священная и церковная история, по которым, как и по другим предметам, И. Н. Ульянов "оказал успехи". Первым из выпускников гимназии он был награжден серебряной медалью. Больше всего интереса Илья Николаевич проявлял к естествознанию и гуманитарным наукам. Передовые учителя способствовали выработке у него критического взгляда на окружающую действительность. Они сознавали, что эта действительность требует перемен, сочувственно относились к судьбам народных масс.

Мировоззрение И. Н. Ульянова формировалось в первую очередь под воздействием освободительного движения, науки и просвещения. Жизнь и опыт борьбы многонационального Поволжья были одним из источников познания им социальных противоречий. Знакомство с фольклором — преданиями, легендами и песнями о воле и вождях крестьянских войн воспитывало у него чувство любви к народу, гражданские идеалы[17]. Прогрессивно настроенные учителя гимназии прививали любовь к реалистической литературе и искусству. Среди учителей были те, кто окончил в свое время философский факультет Казанского университета, например, А. В. Тимофеев, работавший старшим учителем русской словесности и логики. Это был образованный лингвист, знакомый со многими запрещенными произведениями и имевший ряд собственных научных работ. Он увлекательно преподавал свой предмет и заслужил глубокое уважение учащихся. Будучи секретарем совета гимназии, Александр Васильевич способствовал изучению ими основ права, западных и восточных языков. В своем отчете он с гордостью отмечал: "В гимназии, сверх общего положения, преподаются: законоведение и судопроизводство, языки: персидский, татарский, арабский и армянский"[18]. Это давало возможность преуспевающим гимназистам выступать на торжественных актах. Так, на одном из них ученики читали

речи на латинском, французском, немецком, персидском, татарском и арабском языках. Сверх того, практиковались литературные беседы для учеников VI и VII классов с целью "усилить занятия отечественным языком", которые происходили в присутствии директора и учителей.

Курс русского языка в гимназии вел другой воспитанник философского факультета — Н. Т. Навродский, а географию с октября 1845 по январь 1846 года преподавал Ф. Г. Толь, впоследствии участник кружка петрашевцев. Все они объективно способствовали формированию у детей реализма и здорового эстетического вкуса.

Сочинение И. Н. Ульянова "О сатирическом направлении в русской литературе" (1850), прочитаннос им на литературной беседе, не сохранилось. Вместе с тем, его содержание высвечиваст отзыв адъюнкта Казанского университета В. А. Сбоева, представленный в донесении Н. И. Лобачевскому. В нем отмечается, что И. Н. Ульянов избрал интересную, обширную и трудную тему: "исследовав теорию сатиры, он высказываст несколько замечаний о древних русских сказках,... распространяется о Слове Даниила Заточника,... потом вдруг переходит к Кантемиру, подробно занимается изложением его сатир" (Известен всей России. И. Н. Ульянов, с. 299). Он находит резкое обличение пороков общества в произведениях других писателей XVIII—XIX веков, вошедших в историю русской философии. Его труд "заслуживает полнос одобрение", — заключал помощник профессора.

По-видимому, И. Н. Ульянов знал афоризмы Даниила Заточника (XII в.). Ему была понятна мысль о том, что князю при дружбе с советчиками следует обращать внимание не на знатность рода и богатство, отличать людей не по одежде, а усиливать внимание на ум и знание. Человек может быть бедным, но разумом богатым и парить мыслью своею, как орел по воздуху. Автор "Слова" умоляет князя: "Не лишай хлеба нищего мудреца, не возноси до облаков богатого глупца"[19]. Нищий, но мудрый — как золото в грязном сосуде, а без ума богач — как подушка в дорогой ткани, соломой набитая.

Можно предположить, что Илья Николаевич не только познакомился с сатирами А. Д. Кантемира, в которых с позиций Просвещения высмеивалось невежество, как понимал его писатель, — главное зло современной ему эпохи, противник петровских реформ. Он писал о "Сати-

ре I... К уму своему" (1729). Типы, приведенные в ней являются представителями тех классов общества, которые мнениями и деятельностью обнаруживали вражду к науке: это ханжа, который, прикрываясь религиозной ревностью, считает науку матерью ересей и расколов, источником безбожия и рушителем древних обычаев. Другой тип — дворянин, порицает науку за то, что она не ведет к быстрому обогащению, считая учение занятием недостойным аристократа. Поклонники Вакха говорили, что учение губит здоровье, вселяет рознь среди друзей. Щеголь, побывавший в чужих краях, поглощен страстью к модам, смотрит на философию с презрением, предпочитая парикмахера Сенеке, а портного Цицерону. "Гордость, леность, богатство, мудрость одолело, — пишет Кантемир. — Наука ободрана, в лоскутах обшита, из всех почти домов с ругательством сбита" (Сочинения, письма и избр. переводы князя А. Д. Кантемира. СПБ, 1867). В его сатирах обличались другие пороки, пустившие глубокие корни в обществе: лихоимство судей, жестокое обращение помещиков со своими крепостными, невежество духовенства, честолюбие знатных родов.

Выражая критическое отношение к действительности, И. Н. Ульянов находит сатирические пьесы у Г. Р. Державина, затем обращается к комедиям Д. И. Фонвизина, давшего образы поборников старины. Он, вероятно, писал о властолюбии Простаковой, не обладавшей нравственными качествами, не имевшей представления об общем благе, о ее сыне "недоросле", с его отвращением к труду, учению, умственным убожеством. Стремясь сохранить свое право, она руководствуется чисто животной привязанностью к своему детищу Митрофанушке, для которого она готова на все: является полною рабою его прихотей. Осуждались самодурство, обскурантизм Скотининых и пр., их уродливая система воспитания, корыстолюбие, чинопочитание, карьеризм придворной челяди. Подобные люди возбуждали ненависть, презрение и протест против деспотизма класса имущих.

Рассматривая силу и значение сатиры "в целом направлении литературы" как едином в многообразии, И. Н. Ульянов обнаруживал ее дух в произведениях Н. В. Гоголя, в которых выведен образ нового хищника, "подлеца", "приобретателя", порожденного стадией первоначального накопления капитала, для которого есть один Бог — деньги. Как отмечено в отзыве, он видит

острую сатиру в творениях других писателей, давших меткие оценки социального зла.

Искусство извлекает из действительности ее сущность. Эту идею В. Г. Белинского Илья Николаевич проводит в другом сочинении — "О вдохновении". Его главная мысль направлена на поиск источника вдохновения — самой действительности, которая отражается в образах. Он пишет, что вдохновение "зависит сколько от внешних каких-нибудь побуждений, столько от внутреннего стремления души — выразить себя"[20]. Некоторые исследователи даже усмотрели в рассуждении автора "философскую глубину заложенных в нем идей"[21], хотя и не дают его философского анализа. В работе юноши достаточно ясно обозначена его эстетическая позиция и влияние на него учения революционных демократов.

Проводниками передовых идей в естественных науках в гимназии были ученики Н. И. Лобачевского — Н. М. Степанов и Ю. О. Оземблювский, преподававшие физику и математику. Они стремились приобщить учащихся к чтению научных журналов, ознакомить их с достижениями науки за рубежом, увлекались астрономией. Их занятия по естествознанию выходили за рамки учебной программы, например, актовые речи "О постепенном развитии физики" Оземблювского, "Исторический очерк астрономии" Степанова и другие, имеющие большое значение в выработке у детей материалистических представлений о Вселенной.

Прогрессивно настроенные преподаватели способствовали развитию у Ульянова интереса к естествознанию и сыграли большую роль в становлении его демократических взглядов. Они оказали "благотворное влияние на формирование мировоззрения гимназиста И. Н. Ульянова"[22]. По мере овладения элементами критического реализма в литературе, с одной стороны, и естественнонаучными знаниями, с другой, у него могли зарождаться сомнения в истинности догматов христианского вероучения. В своих сочинениях юноша с точки зрения светской нравственности и науки высказывает свой взгляд на мир, не упоминает Бога, обходится без привлечения его в качестве причины движения "души".

За успехи в науках И. Н. Ульянов в гимназии дважды — в 1848 и 1849 годах — получал награды. Курс обучения в ней он окончил одним из первых с серебряной медалью,

впервые присужденной за время существования гимназии с 1806 года. Завершение его совпало с новыми потрясениями на Западе, охваченном буржуазными революциями в Германии, Австрии и других странах.

Надо сказать, что после грозной волны революций 1848 года в Европе правительство в страхе перед русскими социалистами и нигилистами шло на свертывание курса философии, не задумываясь над тем, что допускает тем самым ошибку: запретный плод всегда сладок. В 1850 г. состоялось повеление о том, что с упразднением преподавания философии светскими профессорами возложить чтение логики на профессоров богословия или на законоучителей. Наблюдение за ее преподаванием возлагалось Синодом на ректора духовной академии. Даже само название одного из факультетов философским было признано опасным, и его два отделения "переименованы" в самостоятельные: первое — в историко-филологическое, второе — в физико-математическое.

На юридическом факультете, куда намеревался поступать И. Н. Ульянов, были отменены до времени чтения государственного европейского права. В годовом отчете о состоянии университета сказано, что другою чрезвычайно важною мерою в ходе образования было упразднение отдельной кафедры философии в университете... как бы в знак того, что **самая высокая философия имеет свой источник в божественном откровении** и что все мудрствования умов, не проникнутых и не направленных чистою верою, суетны и ведут скорее к заблуждению, нежели к познанию "света истины". Правда, "безбожник" **Н. И. Лобачевский**, каковым считало его начальство, с горечью отмечал, что история ума человеческого то же, что история заблуждений, и "философия в нынешнем ее состоянии не нуждается в математике". О, если бы великий математик увлекался одной эмпирией родоначальника английского материализма, проповедуя его индуктивный метод, и не следовал рационалистической философии, пытавшейся объяснить логическую природу всеобщности и необходимости математических истин и теоретического естествознания, он бы не сделал открытий.

И. Н. Ульянов решил избрать физико-математический факультет Казанского университета, на котором были сосредоточены лучшие силы преподавателей. Успешно выдержав вступительные экзамены, он в 1850 году посту-

пил в университет. Естественные науки и математику И. Н. Ульянов постигает здесь под руководством выдающихся профессоров — астрономов И. М. Симонова и М. А. Ковальского (первый учился вместе с Лобачевским), учеников и сотрудников Лобачевского — математиков А. Ф. Попова, И. А. Больцани и других ученых, наследников и продолжателей передовых традиций в естествознании.

Крупный вклад в науку внес профессор М. А. Ковальский, отстаивавший позиции материализма в астрономии. Основным свойством всего сущего он считал движение, которое происходит в пространстве и охватывает не только Солнечную систему, но и другие миры[23]. Как декан факультета Ковальский поставил перед Советом университета вопрос о переиздании трудов Лобачевского. Он оказал непосредственное влияние на формирование мировоззрения И. Н. Ульянова[24]. Ковальский являлся научным руководителем Ильи Николаевича при подготовке им диссертации на соискание ученой степени кандидата математических наук. Под его руководством в мае 1854 года И. Н. Ульянов завершил научную работу на тему: "Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года" и представил ее ученому совету факультета. Работу одобрил и Совет университета. И. Н. Ульянов был утвержден в ученой степени кандидата математических наук.

В мае 1855 года Илья Николаевич получил назначение на должность старшего преподавателя математики и физики в высших классах Пензенского дворянского института. Он был допущен профессором Н. И. Лобачевским (в то время помощником попечителя учебного округа) и к ведению метеорологических наблюдений. Одновременно он вел научные исследования в области атмосферного электричества и метеорологии.

Пензенский период жизни и деятельности И. Н. Ульянова характерен тем, что в это время началась его общественно-педагогическая деятельность, шло дальнейшее формирование его демократических убеждений. Илья Николаевич сближается с В. И. Захаровым и другими учителями, проводящими в преподавании идеи революционных демократов. Отличавшийся демократическими

взглядами В. И. Захаров подозревался властями в симпатиях к Н. Г. Чернышевскому. Вокруг него группировалась радикально настроенная молодежь. Общение с передовыми деятелями имело существенное значение в эволюции мировоззрения Ульянова.

Некоторые авторы утверждают, что "Н. А. Ишутин и его двоюродный брат Д. В. Каракозов (основатели тайного революционного общества в Москве. — К. П.) одновременно с Ульяновым жили у Захарова на квартире"[25]. Однако в действительности дело обстояло не совсем так. М. И. Ульянова пишет, что В. И. Захаров "был дружен с Ильей Николаевичем, который жил у него на квартире". Далее она отмечает: "В числе его учеников были и будущие члены ишутинского кружка, а Ишутин и Каракозов жили в одно время у Захарова на квартире"[26]. Имеются сведения и о том, что И. Н. Ульянов "живет в угловой комнате у своего коллеги Захарова, рядом жил раньше воспитанник Ишутин, а сейчас квартирует другой". Следовательно, двоюродные братья жили на квартире Захарова, по-видимому, не в одно и то же время с И. Н. Ульяновым. Но оба учителя оказали влияние на формирование их революционных идеалов. Как показали исследования Ж. А. Трофимова, преподаватели Пензы настояли перед начальством о чествовании памяти В. Г. Белинского.

Важно учесть, что глава пензенских разночинцев, талантливый педагог-филолог В. И. Захаров умел влиять на молодые умы, "заставлял" гимназистов читать лучшие произведения классиков. По отзыву из Казанского университета на его речь "О жизни и сочинениях Белинского", подготовленную в связи с 50-летием со дня рождения революционного демократа, В. И. Захаров "с сочувствием выразил мысль свою о самопожертвовании тружеников". Не случайно жандармы доносили III отделению, что В. И. Захаров "имел весьма вредное влияние на учащуюся молодежь, внушая ей враждебные мысли против существующего порядка". В другом донесении говорилось о нем как о человеке "весьма опасном, по его направлению и искусному умению расположить к себе юношество"[27]. Воззрения Захарова на воспитание у молодежи высоких нравственных принципов разделял Ульянов, взгляды которого в целом были умереннее.

И. Н. Ульянов был близок В. И. Захарову не только по совместной службе, демократическим взглядам и любви к

профессии, но и активной общественной деятельности. Вместе с ним он добровольно и безвозмездно работает преподавателем, а затем и распорядителем воскресной школы, открытой в 1960 году для обучения детей бедноты. В действительности же цель демократов была более высокой. Предложенные А. И. Герценом, эти школы являлись одним из средств проведения демократических идей в массы. Устройство их рассматривалось руководством тайного общества "Земля и воля" как одна из важнейших линий легальной работы, развертывания революционного просветительства через систему народного образования[28]. Учитывая возросшее влияние воскресных школ на различные слои народа, правительство по повелению царя в 1862 году решило их закрыть.

В 1863 году И. Н. Ульянов работает в Нижнем Новгороде старшим преподавателем математики и физики в мужской гимназии и других учебных заведениях. Здесь он сближается с радикально настроенной интеллигенцией, противостоящей "партии" либералов. Вместе с ним в городе трудились товарищ Н. А. Добролюбова по учебе в Петербурге Б. И. Сциборский, А. Ф. Мартынов, прибывший из Саратовской гимназии, где он был дружен с Н. Г. Чернышевским, и другие.

Их вдохновляли гуманистические идеалы свободы. Передовые разночинцы понимали, что истины и принципы социальной справедливости оплачены кровью их убежденных сторонников, ради торжества своих идей шедших на костер и виселицу. Примечательно, что сохранилась приветственная телеграмма учителей Нижегородской гимназии, направленная ими в Прагу в 1869 году по случаю 500-летия со дня рождения Яна Гуса. Под ее текстом — подпись И. Н. Ульянова[29]. Чем мог покорить их сердца чешский реформатор? Не только мыслью о познании истинного пути к спасению, о воспитании. Понятое разумом Священное писание он считал орудием преобразования общества. Данный принцип приводил к отказу от признания церковного авторитета, индульгенций, власти феодалов и к радикальным выводам о праве народа на национальное освобождение.

Время деятельности И. Н. Ульянова совпало с волной репрессий. В составе одного из тайных обществ, создан-

ного Ишутиным, были воспитанники Пензенского дворянского института Н. П. Странден, Н. П. Петерсон и другие, которые тоже учились у Захарова и Ульянова. Они проявили себя разного рода протестами и войдут в историю российского освободительного движения как его яркие представители, как люди исключительной цельности и моральной чистоты, воплощение революционной нравственности.

Существенно подчеркнуть, что по заданию организации Странден должен был отправиться в Сибирь. На нем лежала обязанность освободить Н. Г. Чернышевского. Однако попытка эта закончилась неудачей. Странден был арестован и приговорен к каторжным работам. В тюрьме Александровского завода произошла его встреча с Чернышевским, который высоко оценил его подвиг. "Николай Гаврилович, — писал С. Г. Стахевич, — заметно благоволил из числа обитателей "полиции" (т. е. тюрьмы. — К. П.) к Страндену и Юрасову и свое мнение о них высказал мне однажды такими словами: "Эти двое как были при народе, так и всегда при народе останутся"[30]. Что касается Петерсона, то он надеялся поселиться в Нижнем Новгороде, о чем писал И. Н. Ульянову. Илья Николаевич не медлил с ответом. "Я передал Владимиру Александровичу (Ауновскому. — К. П.) Ваш поклон и вместе с тем мою мысль предложить Вам занять место учителя"[31], — сообщал он своему бывшему ученику. Однако после неудачного покушения Каракозова на царя 4 апреля 1866 года организация, возглавляемая Ишутиным, была разгромлена. План Петерсона сорвался, и его переезд в Нижний Новгород не состоялся. Странден в своих показаниях следствию говорил о знакомстве с И. Н. Ульяновым. Фамилия Ульянова упоминалась несколько раз в делах каракозовского процесса, но он не был привлечен к суду.

В эти годы Илья Николаевич участвует в составлении многих учебных программ. Всего им было написано 32 программы по физике, космографии, естественной истории и математике[32]. В них он оставался верным духу того естествознания, которое явилось фундаментом материализма. Не случайно руководство нижегородской гимназии причисляло его к лагерю нигилистов. Так, его бывший ученик В. Г. Арнольд писал: "Наше начальство... старалось избавиться от таких педагогов, считая, что они сеют среди нас нигилизм"[33]. Особую тревогу это вызвало

у законоучителей, поскольку научные истины явно противоречили религиозной вере.

В Нижнем Новгороде окрепли демократические убеждения И. Н. Ульянова, который выработал свою концепцию обучения и воспитания.

В 1869 году он покидает Нижний Новгород и назначается инспектором народных училищ Симбирской губернии, а затем (с 1874 года) — директором этих училищ. В его деятельности наступил новый этап, связанный с организацией народного образования.

* * *

В пореформенный период в Симбирской губернии несколько ускорилось развитие промышленного производства. В 1875 году здесь действовало 345 фабрик и заводов, на которых трудилось 15 тысяч рабочих. Наиболее заметными "по своей производительности и качеству получаемых продуктов", отмечает статистика, были 3 чугунолитейных завода, 4 механических, 25 суконных фабрик, 18 винокуренных, 13 водочных заводов, асбестовый завод и другие[34]. Росли объемы производства кожевенных, овчинных, поташных, красильных, маслобойных и других предприятий, на которых в 1879 году был занят уже 20861 рабочий. Если в 1875 году фабрики и заводы выработали продукции на сумму свыше 10 млн. рублей, то в 1879 году они произвели ее на 14,7 млн. рублей[35]. Большинство предприятий были мелкими. Так, по отчету губернатора за 1870 год, на 28 фабриках и заводах Симбирска трудился всего 271 рабочий. Однако, как показали исследования Ж. А. Трофимова, с учетом различных мастерских численность рабочих и ремесленников в городе достигала около четырех тысяч[36]. В губернии процветали кустарные промыслы: производство саней, телег, колес, рам, деревянной посуды, плотничество, бурлачество, портняжничество, пчеловодство и другие. В них было занято более 30 тысяч человек, которыми было выработано продукции на сумму около миллиона рублей.

Все это свидетельствовало о том, что в губернии развивался процесс капиталистического накопления, активизировалось частное предпринимательство.

С другой стороны, развитие капиталистических отношений здесь шло медленно, робко, т. к. в деревне поре-

форменной поры были еще сильны остатки крепостничества.

В 1876 году в губернии проживало 1324241 человек, из них 1181082 человека составляли крестьяне. Дворян насчитывалось 6250, духовенства — 13807, купцов — 4307, мещан — 49216 человек.

По национальному составу главную часть населения составляли русские — около 72%; 12% — мордва, 8% — чуваши и 8% — татары. Большее число нерусских было в Курмышском уезде (49%). Мордва населяла преимущественно Ардатовский уезд, а чуваши и татары проживали в Буинском[37]. Они также вовлекались в экономические связи, занимались промыслами, отличались "коммерцией", вступали в сношения с городом. Нуждались в развитии самобытной культуры.

Потребности экономического развития губернии диктовали необходимость подготовки грамотных людей для промышленности, сельского хозяйства и торговли. А предприятия работали не только на внутренний рынок. Несколько ускорилось развитие внешней торговли. В городах и промышленных селах насчитывалось 86 ярмарок. В 1875 году на них было продано товаров на 6196141 рубль. В 1879 году было продано уже на 9314000 рублей[38]. Особое внимание купечества было приковано к сборной ярмарке, проводимой ежегодно, на которую съезжались купцы из Москвы, Казани, Астрахани, Саратова, Нижнего Новгорода и других городов. Среди тысячи купцов были негоцианты из Англии, Ирана и других стран.

Это свидетельствовало и о связи российских купцов с западными и восточными торговцами. Из Симбирска восточные товары из Китая, Индии, Турции, ханств и эмиратов Средней Азии распространялись по всей России и в Европе (см.: Шкунов В. Симбирская сборная ярмарка, Ульяновская правда. — 1991. 12 октября). Развивался купеческий промысел. Превращая хозяйство непосредственных производителей в товарное, капитализм тем самым создавал себе рынок.

Тем не менее Симбирск как губернский город отличался от промышленно развитых центров России. Здесь не было крупных заводов и железных дорог. По уровню промышленного развития и торговли он отставал от бурно развивающегося Нижнего Новгорода с его 50-тысячным населением и знаменитой на весь мир ярмаркой. В 1876

году в нем проживало более 28 тысяч жителей. Из них дворян — 8,8%, духовенства — 0,8%, купцов — 3,2%, мещан — 57%, крестьян — 11%, военных — 17,7%, лиц прочих сословий и иностранцев — 1%[39]. Основная масса населения города принадлежала к мещанскому сословию, состоящему из мелких торговцев, ремесленников, низших служащих.

Развивалась наука, возникали новые учебные заведения. В 1809 году в городе была создана гимназия с преподаванием древних языков (греческого и латинского), были открыты кадетский корпус, духовные семинария и училище. Классическое образование было направлено и на то, чтобы воспрепятствовать распространению среди учащихся материалистических взглядов, выработать мировоззрение, чуждое трудящимся массам. Но открываются и народные школы нового типа, мужское трехклассное, женское двухклассное училища, фельдшерская школа, чувашская учительская школа, 13 городских начальных училищ, татарская медресе и другие учебные заведения.

"Отцы" города поощряли развитие храмового зодчества. В Симбирске действовали 3 собора, среди них Троицкий Кафедральный собор, малая копия Казанского собора в Петербурге — творение искусства, 16 приходских и монастырских церквей, 8 домовых церквей, единоверческая, лютеранская церкви, римско-католическая капелла, мечеть, еврейский молитвенный дом[40]. Заметим, что число духовных учреждений и организаций в губернии составляло 603 и превышало число школ[41]. Им оказывалось всяческое покровительство.

Однако не следует изображать Симбирск нечто вроде идиллии, в полном согласии, безмятежном бытии. Его дворянство как сословие не было единым. Крепостники не помышляли расставаться со своими привилегиями, были и духовные сестры Салтычихи. Среди них процветали жестокие нравы. В мыслящих людях сохранилась память о трагических событиях прошлого. Чтобы навсегда вытравить ненавистный дух вольнодумства, покончить с вольтерьянством, по приказу властей сжигали не только сочинения просветителей. В 1736 году по доносу своей жены начальству, подсказанному ей на исповеди попами фанатиками, был осужден и на площади сожжен на костре посадский человек, врачеватель травами, знахарь Яков Яров. Из его показаний известно, что он изучал "еретиче-

скую книгу", отрекся от Бога, но не отрекся от Христа. Признавал, что чтит дьявола и сатану как владык. Клянется им "быть постоянно в их дьявольской воле, призывает себе еретиков Дионисия и Варлаамия"[42]. Здесь под именем Дионисия значился дьяк Крестецкого яма Новгородской губернии, под именем Варлаама — протопоп Псковского собора — проповедники раскола.

Костры, казематы крепостей, тюрем, виселицы, расправы с ересями, инакомыслием, горе и стон народа пробуждали к протесту и активной деятельности лучших представителей из дворян. В Симбирске жили образованные люди своего времени, принесшие славу России. Под влиянием Отечественной войны 1812 года, заграничных походов русской армии и знакомств с западной философией формировались взгляды мыслящих офицеров. Просветительские идеи гуманизма, гражданского долга и любви к родине, чести и достоинства явились одной из предпосылок мировоззрения дворянских революционеров. Близок к декабристам был поэт Н. М. Языков, которого пытались вовлечь в свою деятельность руководители Северного общества. Его дружба с А. С. Пушкиным идейно обогащала поэта-симбирянина. В Симбирске в 40—50 годах жил и творил Н. П. Огарев, друг радикальных демократов, вокруг которого сплачивались прогрессивные силы. На поэта и мыслителя посыпались доносы в столицу. По "особому повелению" из Петербурга прибыл жандармский генерал. 24 февраля 1850 года Огарев был арестован. Его и его товарищей обвинили в "причастности к коммунистической секте".

Почет и признание в России и за рубежом приобрели симбиряне братья Тургеневы, Александр Иванович и Николай Иванович, декабрист, эмигрировавший за границу, заочно приговоренный к смертной казни, а также критик и литератор П. В. Анненков, поэты Минаевы — отец Дмитрий Иванович и его сын Дмитрий.

Племянников Н. М. Языкова, а также П. В. Анненкова, брата писателя И. А. Гончарова Николая Александровича и других деятелей культуры знал по совместной общественной деятельности И. Н. Ульянов.

Симбирск считался одним из дворянских гнезд того времени, отмечала А. И. Ульянова-Елизарова, "и чиновничество, поддерживающее знакомство по ведомствам, строго считалось с табелью о рангах". Реакционные поме-

щики же развернули программу возврата дворянству всех его прав, с его паразитизмом Обломовых.

Против демократии выступила и церковь, проповедовавшая идеи избавления общества от нигилистов и атеистов, обращения в христианство даже упорных безбожников. "Только тогда в мире настанет царство истинной свободы, — писал Симбирский архимандрит Анатолий, — когда христианство... всею полнотою света и жизни водворится во всем человечестве"[43]. Фанатически настроенное духовенство яростно преследовало свободомыслие, отличалось непримиримостью в борьбе против передовых идей просвещения. С тревогой следило за движением народников. Бессилие подавить последнее путем репрессий побудило правительство обратиться к обществу с призывом о содействии в борьбе с революцией, волна которых прокатилась на Западе. В страхе перед новой бурей оно продолжало политику "искоренения" крамолы". Школа же тщательно ограждалась от освободительных идей, находилась под его строгим надзором.

От И. Н. Ульянова требовалась поистине мудрость педагога и талантливого организатора народного просвещения, чтобы преодолеть косность, рутину старой крепостнической системы образования и нести высоко свет знания в народные массы.

4. Земское просветительство: ценностная ориентация

Осуществленная под влиянием освободительного движения земская реформа 1864 года представляла уездным и губернским управам "попечение о народном образовании". Перед народными училищами ставилась цель: "утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания". Управление училищами поручалось двум ведомствам: Министерству народного просвещения (все училища, кроме церковноприходских) и Синоду (церковноприходские училища). Так наряду с бюрократическим управлением возникло местное самоуправление, в сословном строе была пробита брешь, в которую постоянно входили новые начала, ведущие к демократизации общества.

Земства являлись выборными органами. Для выборов в уездное земское собрание учреждались три курии — землевладельцев, городских обществ и сельских обществ. Земское собрание и земская управа (из председателя и двух членов) избирались на три года. Председатель управы утверждался в должности губернатором, губернской управы — министром внутренних дел. Надо сказать, что министерство отклоняло любые неугодные правительству ходатайства земств, а губернаторы вмешивались в их повседневные дела.

Реформа устранила сословное начало представительства и основала его на буржуазном принципе имущественного ценза. Вводя органы самоуправления, Положение позволяло воспользоваться этим правом на местах, а это зависело от инициативы и предприимчивости горожан, их умения "приращивать капитал".

Однако царизм обеспечил в земстве решающую роль дворянства. Так, в уездных земских собраниях в Симбирской губернии в 1866 году дворянам принадлежало 45% всех мест; духовенству — 5,8%; крестьянам — 35%; купечеству — 8%; остальные места доставались волостным старшинам (3%), потомственным почетным гражданам, мещанам и однодворцам. В губернских земствах же дворяне составляли 74% всех гласных, остальные места занимали гласные от других сословий[44].

Земства играли заметную роль в развитии местной промышленности, средств связи, дорог, здравоохранения, просвещения. Царизм же стремился ограничить их роль, рассматривая их как уступку революционному движению 60-х годов. Не случайно, вводя институт местного самоуправления, он весьма опасался его последствий. "Слово земство наводит страх в высших сферах", — писала великая княгиня Елена Павловна Н. А. Милютину (1862) (Джанишев Г. А. Из эпохи великих реформ. СПБ, 1893, с. 308). Учитывая это и равнодушие буржуазных слоев и крестьянства к реформе, В. И. Ленин считал, что представленные в земствах гласными дворяне и др. сословия суть демократы, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества.

Значение земства, как фактора в борьбе за политическую свободу он видел в следующем. Во-первых, эта организация представителей имущих классов противо-

поставляет выборные учреждения бюрократии, вызывает конфликты между ними, поддерживает недовольство и питает оппозицию самодержавному правительству. Во-вторых, "земства, втиснутые как пятое колесо в бюрократической повозке, стремятся упрочить свое положение", усилить свою роль и "бессознательно идут" — к конституции, хранят дружественный нейтралитет по отношению к революционерам и оказывают им несомненную услугу, внося колебания в репрессивные меры правительства (Полн. собр. соч., т. 5, с. 64). По этим вопросам шла борьба между государственной бюрократией и земством, требующим расширения самоуправления от волости до центрального земского учреждения и свободы действий.

В конечном счете противоречия между ними разрешались не в пользу местного самоуправления. Даже предводители дворянства (в земстве) обращались в бегство, не желая исполнять полицейские обязанности. А если земства проявляли "излишнюю" настойчивость и отстаивали свои позиции, выходя за рамки правительственного контроля, правительство прибегало к полицейским мерам и временно закрывало их. Опасаясь их нравственного влияния на народ, оно оттесняло земство от действительного заведования народным образованием. Инструкция (1871 г.) предоставляла И. Н. Ульянову устранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными. Земства освобождались от руководства и управления учебной частью школы. Их роль сводилась к заботе о материальном благосостоянии последней.

Назначая И. Н. Ульянова инспектором народных училищ, правительство рассчитывало на него как на своего государственного чиновника. Надеялось, что он, соблюдая благочестие, будет верным до конца престолу и отечеству. Оно вынуждено было считаться с ним, с его энергичной деятельностью и награждать его. Кроме ордена св. Владимира 3-й степени, полученного 1 января 1882 г., И. Н. Ульянов в 1867 г. был награжден орденом св. Анны 3-й степени, в 1870 г. — орденом Станислава 2-й степени, 21 декабря 1874 г. "за отлично усердную службу" был награжден орденом св. Анны 2-й степени, а 1 января 1886 г. — орденом св. Станислава 1-й степени. В 1877 г. ему был присвоен чин действительного статского советника, дававший ему право на потомственное дворянство.

Эти награды и звание он получил как знаки его личного достоинства, за административную деятельность в народном просвещении, выполняя свой долг перед народом.

Тем более, что самые крупные успехи земства имели в сфере народного образования. Однако подозрительное отношение правительства к земской деятельности в нем, не выходившей за рамки буржуазного просветительства, объяснялось тем, что эта деятельность привлекла значительное число представителей передовой части разночинной интеллигенции.

Надо признать, что земское просветительство не освещено в литературе. Как следствие буржуазных реформ, оно имеет свои особенности. Одна из них — русское просвещение наступило позже, чем на Западе и испытало воздействие западной просветительской мысли. Важнейший ее элемент — вопрос о воспитании, вера в разум, в то, что путем убеждения, распространения знаний можно построить общество на разумных началах. При этом, не всякую демократическую мысль, связанную с борьбой против крепостного права, следует относить к Просвещению, а только такую, которая отлита в особую форму идеологии с ее подъемом борьбы с религией и защитой научного знания. С другой стороны, в русском Просвещении к 40-м годам XIX в. сформировалось революционно-демократическое направление, противопоставленное либерально-реформистскому, противоположное тем свойствам просветителей, которые верили в "просвещенного монарха, его способности ввести справедливые законы.

Мы вводим понятие "земское просветительство", означающее прогрессивную общественную деятельность, распространение передовых идей и знаний среди народа средствами земских школ, созданных органами местного самоуправления. Данные школы отличались от министерских и церковноприходских новым качеством. Они имели трех-четырехлетний срок обучения, лучшую постановку занятий, иной состав преподавателей. Они привлекли внимание и силы не только местных общественных деятелей. Ими было усвоено и развито все ценное, что было выработано в 60—70-х годах К. Д. Ушинским, Л. Н. Толстым. Н. А. Корфом и др. Из бюрократического учреждения школа превратилась в демократическое. Как "на смену полицейскому государству приходит государство правовое", писал М. Ф. Суперанский, так и тип земских

школ сделался у нас господствующим, а школы других ведомств "усвоили его существенные черты; даже школы церковные, возникшие как антитезис земских школ, все более приближались к этим истинно народным школам".

В результате земского просветительства в школе на смену бессознательному обучению, враждебному отношению к ней крестьян, отрыву теории от практики шли сознательное усвоение материала, уважение к школе и связь с практикой, с жизнью. Более того, губернская управа предложила земскому собранию обсудить вопрос об обязательном обучении всех детей и, при положительном решении его, принять все расходы на земство. Не сознавала, что это была утопия: достаточными средствами для этого земства не располагали.

Тем не менее земское просветительство отвечало потребностям буржуазного развития губернии, нуждавшейся в квалифицированных кадрах. Несмотря на то, что главенство в земствах принадлежало дворянам, самому образованному классу общества, а сами земства были поставлены в условия противоборства с государственной бюрократией, они оказались жизнеспособной системой и решали вопросы, которые для правительства казались "гордиевым узлом", в особенности проблемы образования. Лишь с появлением земств, на место прежней школы, существовавшей в дореформенный период при волостном правлении, церкви, помещичьей конторе, караульном помещении пришла новая школа, построенная благодаря усилиям земства, превратившего народное образование в разветвленную систему финансируемых учреждений, самоуправления, органы которого располагали штатами высокопрофессиональных работников.

Под влиянием общественного движения земства предприняли серьезные шаги по развитию образования. Самый многочисленный отряд их интеллигенции — учителя, по замыслам земских деятелей, был призван осуществлять их благородные цели, стойко отстаивать демократические свободы, нести народу свет знаний. Он был не только объектом общественной борьбы, но являлся ее субъектом. В условиях подъема освободительного движения 70-х годов он стал крупным явлением, оказавшим огромное влияние на развитие русской демократической культуры. Земство как орган коллективного творчества создало

народную школу, усвоившую и развившую лучшие традиции передовой отечественной и западной педагогики, превратив ее в новое живое общественное дело народных масс.

Знаем ли мы, что симбирское земство в 60-х годах заметно отставало от прогрессивных земств в создании и народных школ? Как отмечает М. И. Ульянова и другие исследователи, оно в этом отношении было "консервативным", обладало "малоактивной творческой силой", слабо двигало вперед народное образование. Наряду с реакционным духовенством, обвинявшим земских учителей в вольнодумстве, председатель уездной земской управы (г. Алатырь) А. Д. Пазухин, доносивший в округ о политической неблагонадежности учителей, воспитанных в семинарии, был одним из реакционных деятелей земства. По словам Ф. И. Родичева, это "был человек бескорыстно темных настроений. Он был добросовестный крепостник и думал, что весь народ склоняется перед авторитетом дворянства"[45]. Не случайно старая крепостническая система образования, надломленная реформами 60-х годов, еще не была разрушена. Суровое принудительное обучение не привлекало учеников в школу. Крестьяне не были заинтересованы посылать детей в училище, стремились использовать их труд и откупиться от этой "повинности". Кроме того, существовало много фиктивных школ, числившихся на бумаге в отчетах администрации.

Перед земством стояли сложные задачи: не только заинтересовать крестьян в обучении детей грамоте, но и удовлетворить потребности капиталистического развития деревни. Необходимо было для этого создать новую земскую школу, установив за ней административный контроль. Интеллигенция все больше сознавала, что местное самоуправление основано на принципе самостоятельной деятельности выбранных населением его представителей, действующих лишь под надзором.

В силу исторической необходимости подготовки грамотных людей для промышленности, сельского хозяйства и торговли дело народного образования и в Симбирской губернии не могло не двигаться вперед. Под влиянием общественного мнения и потребностей развития производства оно пришло в движение, которому придали ускорение лучшие люди своего времени, преданные интересам народа и проявившие невиданную до сих пор энергич-

ную деятельность в сфере народного просвещения. Среди них особенно выделялся И. Н. Ульянов. Он не был чиновником, который мог бы удовлетвориться формальным отношением к своим обязанностям. "Искренне преданный делу народного образования, он вложил в него всю свою душу, посвятил ему все свои силы, — писал М. Ф. Суперанский, опираясь на воспоминания В. Н. Назарьева. — Он не мирился с мишурою отчетов, согласно которым в губернии во второй половине шестидесятых годов числилось более 600 школ; он посещал эти школы и раскрыл официальную ложь, с которой уже успели сжиться училищные совсты. Он вскоре выяснил, что "большинство училищ существует только на бумаге, что батюшки и матушки (числившиеся учителями и учительницами) вовсе не бывают в школах, а их ученики не знают ни грамоты, ни самых употребительных молитв"[46].

Преодолевая огромные трудности, И. Н. Ульянов развернул напряженную кипучую деятельность по наведению порядка, организации и укреплению существующих народных школ и созданию новых. Он боролся с темнотой и неграмотностью крестьян. В его социальной утопии порицается существующий порядок вещей в обществе и предполагается, что только благодаря просвещению можно искоренить пороки, дурные нравы и создать идеальное общество. Он покончил с фиктивными школами, укрепил действующие, произвел качественные преобразования в обучении и воспитании. Делясь богатым опытом, способствовал гуманному обращению с детьми, оказывал учителям методическую помощь в совершенствовании учебного процесса. И. Н. Ульянов открывает в 1869 г. двухгодичные педагогические курсы, а затем проявляет инициативу и деятельно участвует в создании в 1872 г. учительской семинарии в с. Порецком.

Предметом его заботы было улучшение народных школ. Так он в 1872 г. обратился в Симбирскую земскую управу и "покорнейше просил" представить на рассмотрение вопросы оказания пособий воспитанникам семинарии, улучшения жизни и быта преподавателей. А жизнь учителей подвергалась всевозможным случайностям. Ничто не гарантировало учителя от них, никакие заслуги. Его терзали материальная необеспеченность, тяжелая зависимость от окружающих (начальства, помещика, священника, волостного старшины, писаря, урядника и высшей администрации).

Земство, хотя и знало о том, что из семинарии выходят нередко атеисты, нигилисты и другие неблагонадежные в политическом отношении учителя, что вызывало беспокойство у духовенства, было вынуждено идти навстречу И. Н. Ульянову. Оно, по настоянию И. Н. Ульянова направило на курсы, открытые в 1869 г., сначала 20, а затем 40 стипендиатов. "Считаю долгом засвидетельствовать перед губернским земским собранием, — говорил он в 1873 г., — что педагогические курсы приносят несомненную пользу для народного образования" и новые учителя подготовленные по своей специальности "придают училищам характер правильно организованных школ". Впрочем, свой, местный учитель нужен был земству: мог быть лучше обеспечен материально и обязан земству своим образованием, как казалось земцам и мог стать проводником их идей среди крестьян.

Надо отметить, что прогрессивная интеллигенция, стремившаяся в земские школы, усваивая идеи Просвещения придавала большое значение разуму и чувственному опыту, влиянию среды на формирование личности. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что она широко применяла лучшие методы обучения (звуковой, аналитико-синтетический метод, уроки объяснительного чтения, наглядность и т. д.). Как сообщала "Симбирская земская газета" 19 сентября 1876 г., метод, демонстрированный бароном Корфом на международной педагогической конференции во время Венской всемирной выставки, по отзыву ее участников: 1) "представляет совершенно неизвестный и новый в Европе и Америке способ обучения грамоте"; 2) он лучше всех других способов возбуждает самодеятельность учащихся и 3) в интересах подрастающего поколения следует "применить основное начало этого способа в обучении чтению и письму и в других европейских странах". Все это поднимало авторитет школ.

Что касается источников содержания их в 1878 г., то они были различны: от сельских обществ — 51,2%, от земства — 25,1%, от городских обществ — 11,8%, от казны — 5,6%, от частных лиц — 5,4%[47]. Таким образом, сельские общества участвовали в содержании училищ более, чем половинною долей. В России же возросли ассигнования земств на просвещение, которое обходилось без государственного финансирования. В 1879 г. они составляли более 4 миллионов рублей, а Министерство народного просвещения

выделило 4 миллиона рублей. Не случайно Симбирское земство нередко отказывало И. Н. Ульянову в ходатайствах о выделении средств для постройки школ или ограничивалось формальным рассмотрением данного вопроса на собраниях. Так, Ульянов в 1875 г. просил Карсунскую уездную управу предложить земскому собранию рассмотреть вопрос об ассигновании на постройку дома для училища 1500 рублей. Управа доложила собранию и просила училищный совет выделить из ассигнованных денег часть на постройку дома, но от уездного училищного совета ответа не последовало. Лишь с приездом И. Н. Ульянова в Карсун деятельность совета заметно оживилась.

А старый председатель Симбирского уездного училищного совета, твердо стоявший "за безграмотность и усердно хлопотавший о том, чтобы ежегодно делать экономию из 100 рублей, жертвуемых земством на нужды школы, добровольно уступил место другому" отмечает В. Н. Назарьев. Председателем совета был избран Н. А. Языков, племянник поэта, один из немногих людей, бескорыстно жертвующих собой для общего блага, человек редкой честности и преданный долгу. Во время заграничных поездок он усердно изучал немецкую школу, ее "законы". Он, как и И. Н. Ульянов, оказался человеком, понимавшим святость призвания, решительно неспособным уживаться с формализмом и показным благополучием. Между ним и И. Н. Ульяновым установились близкие отношения, полные взаимоуважения и дружбы. Они безвозмездно шли на жертвы.

Члены училищного совета докладывали земскому собранию в 1874 г., что школы заброшены и лишены средств даже в богатых селениях, где "между крестьянами находятся весьма много крупных капиталистов", а в с. Криушах и других "дозволено открыть и содержать питейное заведение и трактиры, общество получает от 1500 до 2400 рублей в год; а между тем училища находятся в крайне жалком положении"[48]. В этих трудных условиях, преодолевая сопротивление властей, И. Н. Ульянов совершает по истине подвиг, увлекший за собой многих просвещенных людей его времени.

Не надеясь получить в этом большую поддержку со стороны земства, он находил главную опору в сельских обществах. Однако и крестьяне сначала по своей бедности и темноте при сборе средств на нужды училищ были

равнодушны, "сторонились от непрошенного педагога". Медленно, но неуклонно изменялось их сознание. Крестьянин, отмечает А. А. Красев, "всегда как-то немного сжимался, иногда ворчал, бывал при разговоре как будто несколько грубоват и неприветлив". Но когда школа была построена, не хотел уже вспоминать об ассигнованиях, стоял перед своим училищем "с некоторым даже к нему благоговением". Росло доверие к ней, у детей повысился интерес к знаниям.

Большая роль в народном образовании принадлежала инспекторам районов, которые, по мнению И. Н. Ульянова, не должны быть пассивными зрителями открываемых при ревизиях беспорядков и обязаны на месте принимать меры по их устранению. Глубоко осознав его программу, инспектора земских училищ внесли огромный вклад в развитие просвещения народов Поволжья. Примером для них был сам И. Н. Ульянов. Он являлся "единственным двигателем земства, единственным просветителем одной из богатейших приволжских губерний", — писал член Симбирского уездного училищного совета В. Н. Назарьев. Он "был строителем училищ, архитектором, вечным просителем, назойливо, но в большинстве случаев тщетно вымаливавшим у земства лишний грош на школы; руководителем основанных земством при городском приходском училище курсов; добрым гением учителей и учительниц, не раз спасавшим их от крайней нужды и безвыходного положения"[49]. Активизировалась его деятельность и росло его влияние на земство: он обладал не только научной подготовкой, сознанием долга и авторитетом, за ним стояло общественное мнение.

Благодаря его энергии число школ в губернии в 1878 году составляло 425. С усилием училищного контроля заметно сократилось число фиктивных школ. Новые школы по тому времени были лучше из всех типов начальных школ, отличались от церковноприходских школ: в них наряду с обучением чтению, письму, арифметики и закону Божьему сообщались сведения по "мироведению" (природоведению), географии и истории.

Надо отметить, что к начальному образованию относилась сеть высших училищ с четырехлетним сроком обучения, строившихся на базе начальной школы, и двухклассные училища с пятилетним сроком обучения, первые три года которых соответствовали начальной школе. Среднее

образование в основном проводилось в гимназиях и реальных училищах. Духовное ведомство имело духовные училища, семинарии и епархиальные училища. Высшее образование было представлено институтами, университетами и академиями.

Что касается точки зрения В. Н. Назарьева и других авторов, согласно которой И. Н. Ульянов как герой-одиночка противопоставил свою деятельность правительству, она оказалась несостоятельной. Исследования С. Л. Сытина показали, что Илья Николаевич был одним из немногих самобытных представителей прогрессивного направления официальной политики, "опирающегося на левое крыло земства, существовавшего наряду с консервативным направлением" (Сытин С. Л. И. Н. Ульянов и его дело. — Ульяновская правда. — 1991. — 9 июля). И как можно пройти мимо активной деятельности земского врача Л. В. Персиянинова, увлекавшегося Л. Фейербахом, Н. П. Огаревым и др. запрещенными философами? О том, что их сочинения Лев Васильевич получал из Москвы, стало известно жандармам в результате обыска в квартире арестованного врача, который находился под бдительным полицейским надзором. Было же основание для беспокойства властей.

В августе 1862 г. Министерство внутренних дел уведомило III отделение о Персиянинове и др. лицах, "с весьма вредным направлением, противодействующим правительству и распространяющих запрещенные журналы и прокламации". В донесении упоминается, что на вечеринке у Персиянинова 12 января 1862 г. в день основания Московского университета, "пели возмутительные песни, пили за свободу,... поклонялись портрету Герцена (Сытин С. Л. Пели возмутительные песни... — Нар. газ. — 1993, 19 октября). Не случайно опасного поднадзорного власти перемещают из Зарайска в Касимов и др. города, пока судьба не забросила его в Большой Чилим Буинского уезда Симбирской губернии (1869). Персиянинов не только безвозмездно лечил крестьян, вел борьбу с пьянством. Он построил новую школу, был ее добрым попечителем.

И. Н. Ульянов писал о нем в своих отчетах (1873), ставил его в пример. Дети Персияниновых — двое гимназистов — в свое время жили у него на квартире. Мальчики не успевали, в особенности по французскому и латыни. И здесь им на помощь пришел гимназист Владимир Ильич

(см.: Трофимов Ж. А. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, 1976, с. 84).

Действительно, без взаимной поддержки таких деятелей, как В. Н. Назарьев, Н. А. Языков, Л. В. Персиянинов и др., благоволивших просвещению народа, бескорыстно служивших идее общего блага, являвшихся "сеятелями знаний" и добра, деятельность И. Н. Ульянова не могла бы быть успешной, принести желаемых результатов.

Верно, замечает Т. М. Брылеева, что он отдавал предпочтение светскому образованию. Не случайно ученики причисляли его к нигилистаам. Но не следует представлять его культивирующим атеизм: "Не хотел, чтобы учителя, даже Закона Божьего, заменил церковник. Крутые у него были схватки с церковниками по этому поводу, и его объявляли чуть ли не врагом церкви"[50]. Истины ради скажем, борьба шла и на почве злоупотреблений лишь некоторых священников. Если же следовать логике вывода, то И. Н. Ульянова надо причислить к лагерю атеизма, который характеризуется уважением к Западу. И как можно игнорировать его религиозные убеждения и гуманизацию образования? А если элементы его атеизма были русским явлением, да и то на определенном этапе истории 60-х годов, то это нужно аргументировать.

Проявляя толерантность по отношению к служителям религиозного культа, И. Н. Ульянов ценил и одобрял деятельность тех священников, преподавателей Закона Божьего, которые честно выполняли свои обязанности. Его мировоззрение, как увидим, было сложным и противоречивым. И, не дай Бог, в России вернутся к догматическому мышлению, которое трактовало его как материализм. Но, несомненно, И. Н. Ульянов испытал влияние философии Просвещения.

Не случайно некоторые философы говорят о необходимости восстановления традиций русской школы и образования: в свое время (в конце XIX века) в России была "сильная методологическая и методическая школа", образцово поставленное гуманитарное образование. Вместе с тем они же заявляют противоположное в отношении западной системы обучения. Так, В. М. Розин полагает, что "классическая модель образования фактически исчерпала себя"[51]. Верно, в наш технотронный век нужна новая философия образования, ориентиры на автономность, создание альтернативных школ и т. д. Но разумно ли

мефистофельское отрицание значения, которое имели университеты Италии в Болонье (1158) и других городах? Они являлись самоуправляющимися корпорациями, независимыми от городских магистратов и церкви: сами вырабатывали распорядок жизни, избирали ректора, имели свой суд. Столетиями оставались цитаделью классического образования Оксфордский (1168) и Кембриджский (1209) университеты в Англии. Все это было связано с развитием производства, товарно-денежных отношений. Города принадлежали королю, церкви, баронам. В конце XII в. начался процесс их освобождения. Условием была покупка вольностей. Нужно было уплатить взнос королю или сеньору. В итоге к концу XIII в. большая часть городов получила самоуправление.

Игнорировать классическую систему образования, сложившуюся веками, развитую под влиянием идей Просвещения, было бы невозможно, да и опасно: человечество занимается воспитанием с первобытной эпохи, и общество без образования обречено. Об этом писали древние философы, выдвинувшие стройные системы воспитания. Так, в 500 г. до н. э. греческое образование не ограничивалось гимнастикой и музыкой, отступившими на задний план. Участник политической жизни должен владеть риторикой и ознакомиться с философией. Начали складываться "Семь свободных искусств": грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Большое внимание философия уделяет развитию интеллекта. Нус (ум) Анаксагора состоит из тончайшей материи, является источником движения и приводит хаос в порядок. Впоследствии ум определяется как главная способность мыслить.

Правда, позднее было доказано, что одностороннее увлечение задачей развития ума так же, как и задачей приобретения готовых полезных знаний было неправильным. Оно противоречило законам развития человеческого духа. Изощрять рассудок вообще есть дело невозможное, писал К. Д. Ушинский, так как сознание обогащается только а) приумножением фактов и б) переработкою их. "Чем больше фактических знаний приобрел рассудок и чем лучше он переработал этот сырой материал, тем он развитее и сильнее"[52].

Разумеется, культура мысли предполагает изучение всего предшествующего наследия человечества, его кри-

тическую переработку, трансформацию его в личное достояние субъекта, деятельную меру движения интеллекта. Аристотель считал, что добродетель не может появляться в изолированном индивиде. Природа только представляет возможности для ее развития, а эти возможности превращаются в действительность в результате воспитания и деятельности человека. Без активной деятельности он не мыслил назначение человека и его высшего блага — счастья. При наличии добродетелей двух видов (мыслительной и нравственной), писал Стагирит, "мыслительная возникает преимущественно благодаря обучению и именно поэтому нуждается в долгом упражнении, а нравственная (этика) рождается привычкой (этос)"[53]. Его этика сыграла большую роль в развитии педагогики, которая долгое время была частью философии. Она указала на необходимость для искусства сохранять высокое идеальное содержание, наиболее прекрасные черты людей.

Идеал образованного человека, в концепции новой философии, это образ не только "знающего человека", но и подготовленного к жизни. Личности, способной осмыслить свое место в мире, самостоятельно действовать с любовью к истине. Гегель так указал на идеал человека. У него вечное обновление культуры происходит через выявление противоречия в составе наличной стадии знания и нравственности, разрешение данного противоречия путем снятия. То, что в этих идеалах есть истинного, писал он, сохраняется в практической деятельности, только от ложного, пустых абстракций должен отделаться человек и завершить свое образование и "добывать себе средства к существованию, приступив к деятельности на пользу других". "Одно только образование еще не делает его совершенно законченным человеком; таким он становится только благодаря собственной рассудительной заботе о своих насущных интересах"[54].

Поэтому нет оснований считать, что классическая парадигма образования, сложившаяся в XVIII—XIX вв., сейчас разрушена. Напротив, она обеспечила успехи европейской культуры и цивилизации. "Общая и обязательная система начального и среднего образования, которую сформулировал целый ряд мыслителей, — отмечает А. П. Огурцов, — ...воплотилась в практике не только нашей страны, но и всех европейских стран"[55]. Разрушить ее фундамент — дело безнадежное. К сожалению, до сих пор не разрабо-

тана сама концепция местного самоуправления, места и роли в нем системы образования. Бюрократия же как социальный организм на протяжении своей истории является результатом противоречий, конфликтов между государством и обществом. Эти конфликты не могут быть отражены адекватно государственными чиновниками, пораженными такими пороками, как формализм, конформизм, демагогия, косность, лицемерие и предательство интересов народа.

Бюрократия стремится взять под контроль не только настоящее, но и прошлое, чтобы скрыть последствие своих действий от будущих поколений (см.: Вопросы философии, 1993, № 2, с. 9). Это для того, чтобы вытравить из памяти людей идеи истинной демократии, предать анафеме народных просветителей. Между тем не только в семье И. Н. Ульянова "детям представлялась известная свобода в выборе", его мораль была несовместимой с апологетикой государства и его порядка управления. Тем более нельзя отождествлять систему образования с просветительским образом науки, с идеей всеобщего единого Разума. Просветительство требовало прогресса, основанного на выводах науки, на концепции которой базировалась система образования.

Философская концепция образования подводила к гуманитаризации обучения и воспитания, к утверждению прав личности на образование, к поиску путей создания правового государства, смены авторитарных методов воспитания демократическими.

Отметим, что в отличие от западного, русское Просвещение развивалось дворянством, самым образованным классом общества. Большинство же земских учителей выходило из крестьян и духовенства, из которых только немногие могли воспринять его идеи. По данным на 1880 год в России было учителей — детей из крестьян — 36%, детей священников и низших церковных служащих — 36%, мещан — 10%[56]. Были учителя и из дворян.

Состав же преподавателей Симбирской губернии по степени их подготовки за 1878 год выглядит следующим образом. Из всех 728 учителей среднее образование имели 393, их них 300 — законоучителей; 70 — окончили учительские семинарии и педагогические классы; 236 преподавателей были с низшим образованием; 29 — с домашним образованием[57]. В итоге, число преподавателей, окончив-

ших учительские семинарии, было незначительным. Поэтому огромная роль в повышении качества подготовки учителей принадлежала ежегодно созываемым И. Н. Ульяновым съездам народных учителей. Как отмечал И. Я. Христофоров, съезд учителей 1874 года, проведеный И. Н. Ульяновым, "оставил самое приятное впечатление в душе тех лиц симбирского общества, которые заинтересовались его деятельностью". На нем обсуждались вопросы дидактики, умственного и нравственного воспитания, укрепления дисциплины, проблемы формирования мировоззрения учащихся в связи с развивающейся наукой.

Таким образом, создавались не только идейные, но и материальные предпосылки формирования земской школы, что выразилось прежде всего в подготовке новых учителей в духе демократических традиций.

Деятельность И. Н. Ульянова встречала ожесточенное сопротивление справа (реакционные помещики, фанатически настроенное духовенство, бюрократы-чиновники и т. д.). Тем более, в политике правительства обострялись противоречия по вопросу образования, создания нового типа народных школ, свободных от засилия церкви.

Следует отметить, что среди многих либерально настроенных земских деятелей зрело сознание того, что с развитием народного образования в духе идей Просвещения наступит такой момент, когда изменится государственный строй и осуществится народный идеал. Обнаруживая в их деятельности демократические элементы, всемогущая чиновничья клика не могла ужиться с выборным сильным представительством и начала травить его. Выстрел Д. В. Каракозова в царя (1866 г.) стал сигналом для реакционного курса правительства. Обвинения земства раздувались официальными органами, которые видели в идее организации местного самоуправления "детище" западноевропейских революционных идей. Реформы, проведенные в 70-е годы, вызывались стремлением поддержать помещиков. Эта установка была реализована в школе в форме усиления вербализма в обучении, умаления значения естествознания и пр., в соответствии с классицизмом.

Проблема соотношения сильной центральной власти и местных органов самоуправления, то есть самостоятельности, свободы творчества снизу и волеизъявления народа, его самодеятельности, и жесткого ограничения со

стороны центральных органов не утратила своей остроты в современных условиях. Решение ее имеет большое значение для создания правового государства, а в нем — демократических форм обучения и воспитания. Оно будет успешным, если каждый элемент образования как системы будет составлять единое целое, а качество каждого элемента будет обуславливать качество целого. Данная система находится в процессе постоянного изменения, который охватывает не только систему в целом, но и ее элементы.

Не случайно авторы предлагают использовать ценное наследие русской и мировой культуры на основе принципов и законов диалектики, связи всего положительного в новом и старом в развитии педагогики, в обучении и воспитании. Необходимо сберечь и развить наследие в просветительской деятельности земств, опыт земской интеллигенции, учителей, которые своим поведением оставили о себе прекрасное мнение в обществе как о профессиональных, честных и бескорыстных работниках. Исследователи даже уверяют, что логичнее было бы реформировать выборные представительные органы "с учетом опыта земского самоуправления, особенно в области образования"[58]. А не подвергать их остракизму. Критически относясь к их деятельности, надо **обращаться к интеллектуальным и нравственным ценностям самоуправляющихся систем, за которыми будущее**, развитым формам демократии, гарантирующим каждому индивиду права и свободы. В этих системах должны править закон и демос не сами по себе, а во взаимодействии и согласии. Когда И. Н. Ульянов и его единомышленники мечтали о новом государстве, идущем на смену полицейскому, они имели в виду западные государства, где лишь отрабатывался механизм демократии правового государства и гражданского общества, которые при их жизни в России только созревали.

Земское движение не следует рассматривать в виде какой-то идиллии, без борьбы. Само оно позволяет представить зарождение и развитие демократических, правовых отношений, "вызвать типы и виды противоречий, в них возникающие", пишет А. Дегтярев (Что могло земство? — Неделя, 1990. № 46). Идеологическая грань его опыта состоит, с одной стороны, в том, что общественное самоуправление укрепляет в народном самосознании чув-

ство ответственности за свой край, страну, за судьбу Отечества, замечает автор. С другой стороны, его идеология способна привести к децентралистским тенденциям. При одних условиях это может стать социальным благом, а при других — вести к потрясениям. Вставала проблема добра и зла, диалектических противоречий.

Тем не менее борьбу добра и зла не следует трактовать упрощенно и прямолинейно. Спорно и не доказано в этой связи утверждение А. Замалеева о том, что когда провалы государственной централизации порождали параллельные властные структуры, это "упрочивало в общественном сознании анархическую идеологию" (там же). Правда, это обстоятельство вело к национальному обособлению, выступало фактором противодействия развитию местного самоуправления.

Добро и зло вступали в схватку, в которой земства являлись объективно добром, а полицейское государство — злом. Могли ли эти властные структуры укрепить в народном сознании идеи анархизма? Не могли. Истины ради скажем: земские деятели не были носителями идей анархизма, отрицания всякой государственности, стремились к идеалу правового государства, просвещенного человека. А истина объективна, когда она конкретна. Поэтому следует рассматривать конкретно и государство. Против полицейского государства вели борьбу и демократы-просветители. Однако они не выступали против государства вообще, а боролись против царизма, деспотизма, самодержавия и крепостничества.

По убеждению анархистов, в будущем "свободном" обществе не существует никакого авторитета, так как авторитет, государство — абсолютное зло. Представления о добре и зле же изменчивы. Не случайно классики философии, начиная с античности, указывали на относительный, переходящий характер истины в морали. Сведение морали к абсолютным требованиям антиисторично. Также неправомерно сведение ее к классово-служебным явлениям: оно ведет к релятивизму, отрицанию прогресса нравственного разума. Поэтому неразумно считать философию анархизма как следствие существования параллельных властных структур. Ее истоки лежат глубже: ее социальная база — мелкий собственник, непонимание роли крупного производства, защита частной собственности, авантюристическая тактика "прямого действия" и

требование немедленной социальной революции, уничтожение всякого государства.

Спрашивается, ставили ли эти проблемы царская бюрократия и земское самоуправление? Боже упаси, нет. Другое дело, бюрократия всегда ограничивала местную власть, травила прогрессивных земцев. А правовое государство не может допустить анархии. Полномочия его властей позволяют им сдерживать своеволие местных органов самоуправления, идти на компромисс, достигать консенсуса, согласия с земством, даже приостанавливать на время их деятельность. Разрешать конфликты же в данном цивилизованном обществе принято в интересах общества и личности.

По нашему разумению, ближе к истине те авторы, которые утверждают, что противостояние бюрократии и общества, государства и местного самоуправления неизбежно, но не необходимо, что противоречия между ними могут нарастать. Каким же способом они должны разрешаться? Только в рамках закона. Другой вопрос, будут ли закон и нравственность, право и мораль регуляторами общественных отношений? Они должны править в обществе и только рука об руку должны идти к достижению и утверждению добра и истины. Тем более, что истинное добро является обоснованием нравственного долга, совести и чести. Важнейшие моральные качества человека общественного, считал Руссо, — трудолюбие, простота быта и нравов, честность и гражданственность, самоограничение личного интереса во имя интересов общества. Разве не этими качествами обладали передовые земские деятели? Их этика была истоками, откуда черпали свои нравственные силы поколения российских учителей.

Земское просветительство как особая форма деятельности в сфере народного образования располагает духовными силами, обладающими субстанциональным содержанием и особенностями. Во-первых, опираясь на практику земств как органов местного самоуправления, оно в большей степени было заинтересовано в проведении идей русского и западного Просвещения. А радикальные демократы возлагали свои надежды на развертывание своей революционной деятельности через систему образования. Во-вторых, земское просветительство в лице земских служащих и учителей представляло из себя наиболее образованную, квалифицированную часть русской интел-

лигенции. Земства разрабатывали планы всеобщего обучения, пытались влиять на содержание обучения, разрабатывали новые программы, учебники, учебные пособия, а для народов, не имеющих письменности — азбуку и буквари. В-третьих, просветительской деятельностью, кроме учителей, занимались врачи, агрономы и другие профессионалы. Они также несли народу естественнонаучные и гуманитарные знания, принимали деятельное участие в борьбе с темнотой и невежеством крестьян. Все это способствовало развитию массового образования.

Педагогическая система И. Н. Ульянова является составной частью институциональной системы народного образования — организованного, юридически санкционированного (закрепленного в законах), целенаправленного и общественно значимого учреждения в системе государственного механизма. Как социальный институт она создавалась, организовывалась и развивалась в системе государственного устройства, отражала существующий социально-экономический строй, поддерживалась им материально, в то же время зависила от других социальных институтов, взаимодействуя с правом, моралью, искусством и иными формами общественного сознания.

Генезис системы образования же показывает, что она обслуживает интересы господствующих классов и на отдельных этапах исторического развития может быть в союзе с церковью и выступать против науки, устанавливать контроль над религиозно-нравственным воспитанием. Поэтому в просветительской традиции лозунг: "знание — сила" имел глубокий философский смысл. Чтобы его превратить в практику, внедрить в народные массы, была нужна определенная структура образования. Благодаря данному институту функционирует общественный организм, осуществляется социализация индивидов, обеспечивается преемственность в использовании культурных ценностей, передача норм поведения человека в семье, обществе.

Памятник И. Н. Ульянову в Ульяновске.
Скульптор М. Г. Манизер.

II. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И. Н. УЛЬЯНОВА

До сих пор бытует мнение, что верующий ученый может иметь материалистическое мировоззрение, которое непоследовательно, содержит религиозные наслоения. Отдельные авторы, не избавившись от догматического мышления, не обошли стороной и И. Н. Ульянова (см.: Введение). Выходит, у физика и математика было два мировоззрения. Данная позиция явно несостоятельная.

Во-первых, мировоззрение как феномен сознания, подчиненное общим законам развития, есть система взглядов на мир, определяющая отношение человека к действительности, его идеал, образ жизни и деятельности. Его основной вопрос — что представляет собой мир в целом и каково место человека в мире.

Во-вторых, по глубине проникновения в сущность явлений, достоверности оно может быть обыденным (стихийным) или теоретически обоснованным, сознательным; ненаучным или научным. В зависимости от того, совпадают ли интересы класса с объективным ходом истории или нет, мировоззрение этого класса формируется как передовое или отсталое. По содержанию и значению оно может быть революционным или нереволюционным и даже реакционным.

В-третьих, выделяются различные типы мировоззрения: мифологическое, религиозное, философское. Внутри них существуют разные формы; например, в философии — материалистическое и идеалистическое.

Надо сказать, что в качестве важнейших элементов в религиозное мировоззрение входят религиозная вера и культ, определяющие поведение верующих. При этом, если для него и других типов мировоззрения присущи переживание, понимание и объяснение, то в философии, для которой характерно свободомыслие, объяснение обретает большое значение. А нерелигиозная вера не отвергает рациональные аргументы, доказательства.

Знания превращаются в мировоззрение тогда, когда они формируют политическую, нравственную и эстетическую позиции человека, обретают характер убеждений, осознаются личностью и становятся нормой, законом ее поведения, даже перед угрозой плахи и виселицы.

В мировоззрении И. Н. Ульянова нашли свое отражение противоречия российской деятельности, обусловленные борьбой прогрессивных и реакционных начал во всех сферах жизни общества.

Здесь мы сталкиваемся с двумя мнениями по вопросу об отношении И. Н. Ульянова к религии, о том, какое место она занимала в его жизни и деятельности вообще; как, в частности, он относился к официальной церкви.

Образованнейший человек своего времени, он оставался сыном своего времени, эпохи крушения крепостничества и, по словам А. И. Ульяновой-Елизаровой, "был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей" (Воспоминание о В. И. Ленине. Т. I, с. 26). Этой точки зрения придерживается и М. И. Шахнович, полагая, что дети Ульяновых пришли к атеизму вопреки его воле и желанию под влиянием идей радикальных демократов (см.: Шахнович М. И. Ленин и проблемы атеизма. М.—Л., 1961, с. 9—10). Вместе с тем религиозные верования, усвоенные И. Н. Ульяновым в детстве в результате воспитания, т. е. задолго до того, как он начал заниматься наукой, впоследствии подвергались изменениям.

Религиозная вера И. Н. Ульянова не носила элементов фанатичности, догматизма. Отдельные исследователи считают, что в "отношении к религии он был свободомыслящим человеком, хотя... ему приходилось, во избежание служебных преследований, отбывать все формальности"[1]. Последнее означало участие в культовых действиях. Данное положение требует уточнения. Не следует представлять его как человека, который был "верующим" по необходимости, в силу занимаемого им поста, должности в губернской администрации.

Чтобы выяснить истинное отношение И. Н. Ульянова к религии, надо посмотреть, как он относился к тому, что является в ней наиболее важным, т. е. к Богу. Из его работ по естествознанию видно, что он не оказывает должного почтения всемогущему, вездесущему и всеведующему Богу. Он просто не упоминает его в исследовании природы.

А суть в том, что у верующего естественника вера и знания относятся к различным предметам. В своей специальной области, в физике, астрономии, естественной истории, математике, где И. Н. Ульянов имеет дело со знаниями, он обходится без религии.

Следует учесть, что правовые нормы, охраняющие религию, занимали особое место в своде законов Российской империи, включали раздел о предупреждении и пресечении преступлений против веры. В русском обществе И. Н. Ульянов занимал весьма высокое социальное положение: он был официальным и далеко не рядовым деятелем системы народного образования. А вера в Бога считалась первым признаком политической благонадежности. К тому же в губернской администрации И. Н. Ульянов был призван осуществлять контроль и за преподаванием Закона Божьего в народных школах, сообщать об этом в учебный округ. Так, однажды он обязан был констатировать: "Дети знают по Закону Божию очень немного, нетвердо владеют приобретенными ими сведениями, часто смешивают исторические лица и события, часто обнаруживают колебания и неуверенность в ответах и почти всегда полное незнание той святой страны, в которой жил и учил Христос Спаситель"[2]. Это упоминание И. Н. Ульяновым о сыне Божьем, признание им историчности Христа не может в полной мере характеризовать мировоззренческие установки Ильи Николаевича. Кстати, и многим радикальным демократам и естествоиспытателям свойственна была подобная двойственная трактовка личности Христа. Например, В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю отзывался о нем как о первом проповеднике, возвестившем людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлевшем, утвердившем истину своего учения. Но о каких-либо уступках богословию говорить не приходится.

И. Н. Ульянов не проявлял склонности к культу Христа. Он там же упоминает Галилею, в которой, согласно Библии, выступал с проповедью Христос, и не смотрел на этот условно-исторический образ как на некий универсальный идеал. Хотя гуманная сторона религиозного учения, опирающаяся на нравственный опыт человечества, и привлекала к себе русскую интеллигенцию, раннее христианство И. Н. Ульянов использовал не для обогащения своего мировоззрения последовательным религиоз-

ным учением. Напротив, обращение к нему объективно предоставляло И. Н. Ульянову дополнительную аргументацию против религиозной ортодоксии.

1. Истолкование природы и общих свойств тел по взглядам И. Н. Ульянова

Коль скоро речь идет о мировоззрении Н. И. Ульянова, было бы вопиющим отступлением от исторической истины оставить в стороне его отношение к религии и официальной церкви. И как представителя естествознания его не следует причислять к философским материалистам. Во второй половине XIX века в России о природе, движении материи писали не только материалисты и диалектики, но и идеалисты и метафизики, а также представители догматического богословия.

Если мы пойдем по пути, которым идут наши авторы, то идеалистам в русской истории философии вообще не останется места.Поэтому следует признать, что мировоззрение И. Н. Ульянова было религиозным. По типу религиозных индивидов он принадлежал к верующим, у которых религиозная ориентация подчинена другим.

И. Н. Ульянов усвоил основные христианские представления, посещал богослужения, соблюдал праздники, совершал обряды, выполнял заповеди, которым церковь придавала особое значение, поддерживал их в быту. "Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, — писала А. И. Ульянова-Елизарова, — религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме "Тишина", отрывки из которой отец любил цитировать, именно это место, где говорится о храме божьем, пахнувшим на поэта "детским чувством веры"[3]. Но можно ли на этом основании заключить, что обращение к поэме радикального демократа объясняется присущими И. Н. Ульянову смирением, покорностью воле провидения? Напротив, произведение по содержанию далеко от примирения с российской действительностью, в которой, по убеждению поэта, не все разумно.

В ней Н. А. Некрасов выразил чувства любви к родине. Прекрасное рождается у него, "когда он входит в божий храм и вспоминает о народе,... о народе-герое, который в борьбе суровой не шатнулся до конца", — писал рецензент "Русской речи". "Вся природа в глазах поэта принимает праздничный вид, все улыбается ему, все манит в братские объятия"[4], — отмечалось в другой, анонимной рецензии в журнале "Светоч". Читая Некрасова, И. Н. Ульянов словно входил в другой, высокий мир духовных сокровищ просвещенных людей и следовал тернистой тропой пантеизма. Впрочем, и религиозное искусство храма привлекало его и эстетической функцией.

Следует обратить особое внимание и на то, что И. Н. Ульянов пишет, чтобы дети сознательно усваивали Закон Божий, произносили христианские заповеди и символ веры, умели передать библейские события, связно и правильно объяснить значение частей литургии и праздников. Говоря о культовой стороне и трактовке Священной истории, он подчеркивал, что "лучшие законоучителя начинают с приучения детей к правильному истолкованию особенно употребительных священных обрядов, затем переходят к изучению более доступных детям свойств Божьих и, наконец, к молитве, как к главному средству нашего обращения к Богу и святым"[5]. Впрочем, сказанное еще не определяет силу его религиозных убеждений.

Этого требовали высшие иерархи русской православной церкви. И цари тоже понимали значение, которое имеет религия народа для устойчивости монархического государства. А митрополиты подчеркивали, что царь должен помнить о божественной сущности своей власти.

Император Александр III и св. Синод в 1883 году предписали Варсанофию, епископу Симбирскому и Сызранскому и всем священнослужителям наставления твердо помнить, "что они поставлены быть учителями Св. Веры Христовой, сокровищницею коей служит **слово Божие и Св. православная церковь**; из сего чистого и животворного источника пастырь должен почерпать и основания, и руководительные начала для своих поучений, последуя Св. Апостолу Павлу, яко от чистоты, яко от Бога, пред Богом, во Христе проповедавшему (2 Кор. 2, 17), и полагая целию проповеди назидание, духовное усовершение к спасению пасомых"[6]. Мог ли эти взгляды духовных руководителей стада Христова разделять И. Н. Ульянов? Скорее, напротив. Не мог.

Самодержавие стремилось строго оберегать религиозно-мистические настроения и идеи в системе образования от проникновения в школу крамолы, нигилизма и атеизма. И сколько мудрости, мужества и толерантности требовалось И. Н. Ульянову, чтобы, оставаясь верующим, проповедовать передовые идеи своего времени.

Его религиозные воззрения не были для него непререкаемыми убеждениями. Он, хотя и не высказывал атеистических взглядов, не был последовательным приверженцем православного богословия.

В вопросах происхождения природы и всего мироздания И. Н. Ульянов никогда не обращался к Священному писанию. Его религиозная вера была свободна от догматов религии, утверждаемых в качестве непреложных истин. Его сомнения в существовании Всемогущего творца усиливались с накоплением научных знаний, возрастанием степени свободы и действия.

По традиции И. Н. Ульянов хранил христианскую веру, необходимую ему в религиозно-нравственном воспитании, а в его сознании вызревали идейные предпосылки противостояния ортодоксальной вере. А чем больше он знал, постигал истины в физике, астрономии, математике, тем меньше он верил в догматическое богословие.

В центре его внимания были реальные, земные силы. Благоговение перед природой, космосом, очарование их красотой, познание их законов, с его точки зрения, выше наслаждения царством Божьим. Единство человека и природы, гармония движения небесных тел в Солнечной системе, подчиненного законам классической механики, для него более существенны, чем закон Божий и его промысел.

В его сознании соседствовали как религиозные представления и традиции, так и стихийно-материалистические элементы, обусловленные его научно-практической деятельностью. Это приводило к тому, что его сознание оказалось внутренне противоречивым. Поэтому весьма важно рассмотреть его естественно-научные представления, чтобы убедиться в наличии у него материалистической тенденции, идущей вразрез исходным установкам религиозного мировоззрения.

Взгляды И. Н. Ульянова на природу и Вселенную основывались на естественно-научной картине мира. В своих работах он проводит передовые идеи, выходящие за

пределы учебных курсов физики, астрономии, математики. Все дело мирообразования он сводит к действию различных сил природы, ее естественных причин.

Природа, в его представлении, творит своими собственными силами, является источником наших знаний. Воображение, вдохновение он называл "идеальной стороной предмета", представлял мир единым связным целым. И в его "Программе естественной истории" все тела логикой соединены в отделы, "три царства природы". Что касается научных абстракций — понятий, законов, принципов и аксиом, то их характер определяется задачами предметной деятельности человека.

В своей актовой речи "О грозе и громоотводах" (1861) И. Н. Ульянов отмечал: "В первый раз мне выпало на долю говорить перед Вами, Милостивы Государи, говорить о предмете, мною изучаемом, говорить о природе. На этот раз я хочу остановить Ваше внимание на явлении, которое имеет большое влияние на человека, на явлении грозы"[7]. Он объясняет данное явление из него самого, не прибегая к идее о потусторонней силе. Его взгляды, основанные на обобщении знаний, проникнуты оптимизмом, уверенностью в постижении тайн мироздания. Они явились результатом усвоения достижений науки, в которой немалое место занимала проблема субстанции природных явлений.

Но можно ли на этом основании объяснения И. Н. Ульяновым одного явления делать вывод о том, что его речь "способствовала распространению и утверждению материалистического взгляда на мир", как об этом пишут Б. Н. Жаданов, А. Л. Карамышев (Известен всей России. И. Н. Ульянов, с. 33)? Нет, конечно. Дело обстоит куда сложнее.

С одной стороны, господствующая идеология в России XIX века навязывала естествознанию концепцию творения, в богословии доказывалась истинность основных догматов "Символа веры": о триединстве Бога, боговоплощении, искуплении, вознесении, крещении, бессмертии души, о божественной и человеческой природе Христа и т. д.

С другой стороны, И. Н. Ульянов был обязан следить за ее внедрением в народном образовании. В своих "Заметках при обозрении некоторых народных училищ" (1870) он подчеркивал: "Ученики старшего отделения,

спрошенные мною, со смыслом отвечали Символ веры с разделением его на члены и с объяснением значения членов" (Ульянов И. Н. Избранное, с. 62). Молитвы и Символ веры ученики знают хорошо, — замечал он.

Что касается Св. Троицы, то И. Н. Ульянов проводил различие между природой Бога и его личностью. У отца и сына одна и та же природа, в единой личности Богочеловека, но они различны как ипостаси, как "исторические лица" (см. об этом гл. IV). И эти представления И. Н. Ульянова подвергались изменениям под натиском развивающейся науки.

А между тем русское православие предлагало последней свою точку зрения. "Мир, рассматриваемый в его внешней красоте и внутренней гармонии, — говорится в "Библейской истории", — представляет собою дивное создание, изумляющее стройностью своих частей, заведенным великим и искусным мастером"[8]. Теологи пытались доказать, что мир не вечен и имеет свое начало. В качестве доказательства они предлагали веру, общие верования народов, предания о начале всех вещей.

Для характеристики мировоззрения И. Н. Ульянова недостаточно указания о его отношении к одному объекту исследования. Весьма важно брать объективность природы в целом. Объективность природы — это не то же самое, что объективность объекта исследования, который имеет в виду наши авторы, причислившие И. Н. Ульянова к философским материалистам.

Тем более, в период господства механистических теорий в естествознании механическая масса вещества считалась главным показателем материальности. Глубина познания объектов не простиралась дальше атомов. Тем не менее, следуя атомистической традиции в науке, И. Н. Ульянов в своей области физики, астрономии и математики, естественной истории обходился без религии. Стихийно, философски бессознательно он приходил к мысли о том, что все свойства вещества не сводятся только к механической массе. В "Программе по физике" (1864) И. Н. Ульянов писал, что необходимо раскрыть "общие свойства тел; отличительные их свойства физические и химические[9]. Здесь мы обнаруживаем влияние на него идей М. В. Ломоносова, Э. Х. Ленца и других ученых. И. Н. Ульянов рекомендует учителям учебники и пособия по физике Ленца, Дагена, Любимова, Писаревского, Криста, Шил-

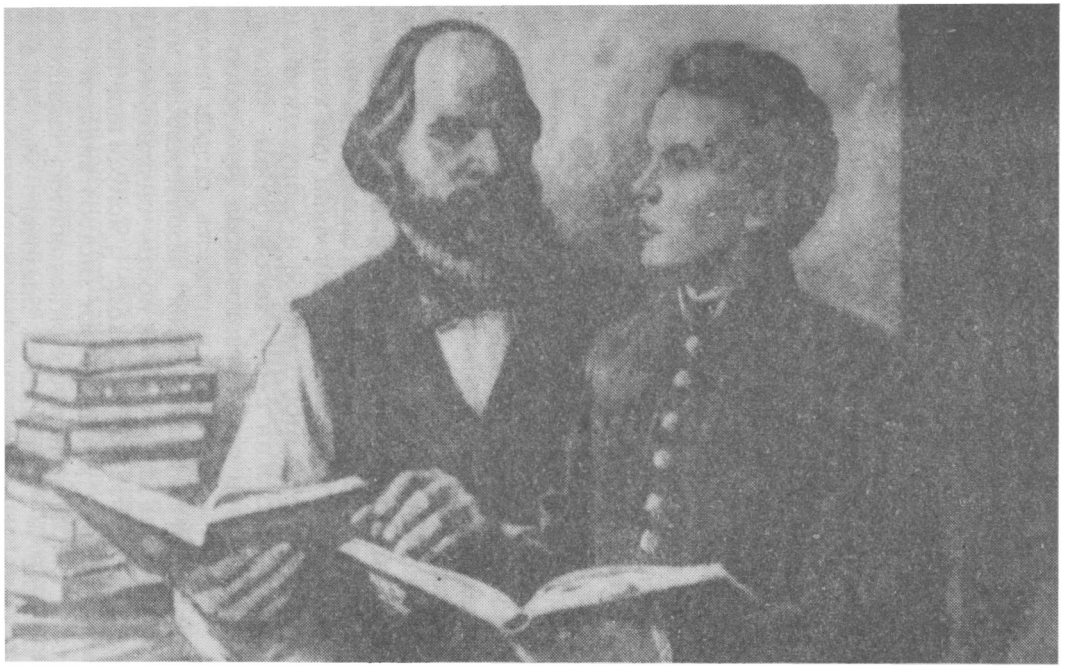


Рис. Б. И. Лебедева. И. Н. Ульянов сознательно рано приучал своих детей к систематическому чтению передовой научной и художественной литературы, развивая у них здоровый вкус к мировому искусству и формируя у старших гуманистические идеалы свободы, братства и социальной справедливости.

лера и Жамена, пишет в основном о тех же свойствах материи, о которых идет речь в "Руководстве к физике" академика Ленца. Рассматривая также свойства материи, как скважность[10], делимость, недеятельность[11], притяжение и, как следствие притяжения, — тяжесть, Ленц поясняет: "Обыкновенно в опытной физике предлагают, что материя состоит из отдельных непроницаемых частиц, или атомов"[12]. Этот взгляд разделяет И. Н. Ульянов. Примечательно, что он не упоминает такое свойство тел, как "недеятельность", которым наделял их Ленц, называет атомы просто "частицами" вещества.

Богословы проповедовали, что природа — дело рук Божьих, что об атомах "наука ничего не может сказать положительного и решительного" и существование различных сил природы "не может быть объяснено из них самих, а для этого необходимо допустить бытие вне или выше их стоящей причины" (то есть Бога. — К. П.)[13]. И. Н. Ульянов, например, полагал, что тайна "частиц" материи может быть изучена и понятна. В его работе "О скрытом и удельном теплороде" дано естественно-научное истолкование понятия теплоты, исследована связь механического движения с теплотой, содержатся оригинальные соображения по данному вопросу[14]. Причина расширения тел, изменения их состояния, по его мнению, заключается не только в механических действиях. Правильное понимание им движения, связанного с гравитационными, тепловыми, магнитными и другого рода процессами, приходило в противоречие со старым понятием "силы" как всеобщей причины движения тел, с абсолютизацией и обожествлением этой причины.

Обратим внимание, когда И. Н. Ульянов стремился создать свою натуралистскую картину мира, он оперировал образами, понятиями, принципами, которые сложились в его профессиональной деятельности. Занятия теорией вынуждали его неизбежно обращаться к философии. До конца XIX в. большинство естественников держались за основы уже устаревшей методологии, верили в авторитет и незыблемость механистической трактовки причинности. Их умами владела механистическая картина мира. Научное мировоззрение же начинается с того, что человек стремится познать истину.

"Сущность" вещей или "субстанция" тоже относительны; — писал В. И. Ленин, — они выражают только

углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека"[15]. Наши представления о строении, состоянии и свойствах конкретных видов материи — естественно-научная картина мира — постоянно меняются. В этой связи рассмотрим подробнее эволюцию взглядов И. Н. Ульянова на мироздание.

2. Естественные законы

Понимание единства материальной субстанции давало И. Н. Ульянову возможность уяснить перемещение тел в пространстве. В диссертации "Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года" он писал, что "действием тяготения тела должны обращаться около Солнца". Он совершал геометрические построения, используя данные "астрономических наблюдений[16]. Это имело большое значение для развития его представлений об изменениях, происходящих во Вселенной. Илья Николаевич считал, что движение планет и комет подчинено естественным законам, а вся Вселенная имеет сложную иерархию. Выдающиеся учителя из Казанского университета, воспитанные Н. И. Лобачевским, вдохновили И. Н. Ульянова на познание пространственных форм и закономерностей движения космических тел.

Не мог пройти он и мимо свойств прямых и кривых линий. Здесь обнаруживается влияние на него не только его научного руководителя М. А. Ковальского, но и идей неэвклидовой геометрии. В рассуждении "Проведение касательных к коническим сечениям" И. Н. Ульянов раскрыл свойства конической поверхности, вывел уравнения касательных к эллипсу, гиперболе и параболе[17]. Он исследовал, при каких условиях замкнутая кривая линия превращается в незамкнутую. Его обращение к геометрическим формам не случайно. На основе закона тяготения И. Н. Ульянов показывал, что если сила, действующая между двумя телами, обратно пропорциональна квадрату

расстояния между ними, то оба тела должны двигаться относительно их общего центра тяжести по коническим сечениям, т. е. по одной из кривых, которые образуются в результате сечения конуса плоскостью. А такими кривыми, как известно, могут быть окружность, эллипс, парабола и гипербола. Он считал, что геометрические свойства тел познаются при измерении объектов.

По его взглядам, тела существуют в пространстве, и протяжение есть свойство тел быть разделенными поступательными сечениями. Эта идея, по-видимому, исходила из геометрии Н. И. Лобачевского и имела философское значение. Великий математик отмечал, что эти сечения "назначают протяжение, по которому тело простирается до бесконечности, когда непрестанно прибавляем от окружного пространства новые части, неприкосновенные через одну "[18]. Реальная возможность получения тех или иных сечений зависит от природы объекта. Сечение может быть только такое, которое задает сам объект. Произвола здесь нет.

Новая геометрия оказала влияние на М. А. Ковальского, идейного и научного наставника Ильи Николаевича, который в свою очередь повлиял на своего ученика. Основная мысль ученого заключалась в том, что природа является единой движущейся материей. Профессор астрономии предлагал начинать исследование в области небесной механики с "первого вопроса", а именно с определения "направления и величины движения солнечной системы в пространстве". Восприняв его передовые идеи, в особенности в изменении и обновлении представлений о движении планет и комет, И. Н. Ульянов считал, что в движении небесных тел действуют лишь естественные силы, в то время как богословы утверждали, что без участия божественной воли "мир, носимый случаем, как вихрем корабль, должен бы был, по причине беспорядочных движений вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться в первоначальный хаос"[19].

На основе астрономических наблюдений, достижений математики и, исходя из теории движения, разработанной М. А. Ковальским, И. Н. Ульянов определял, при каких условиях образуется та или иная геометрическая форма. Он был убежден в том, что геометрия исходит из пространственных отношений, а алгебра — из числовых величин, которые соответствуют земным отношениям и

величинам. Это убеждение явилось новым, оригинальным, важным для своего времени, самостоятельно выработанным и способствовало прогрессу науки.

Рассматривая влияние Н. И. Лобачевского и его последователей на формирование мировоззрения И. Н. Ульянова, отдельные авторы справедливо указывают, что "И. Н. Ульянов был в курсе новейших открытий науки, подходил с материалистических позиций к пониманию их сущности[20]. Заслуга Ильи Николаевича состоит в том, что он воспринял и проводил некоторые идеи новой геометрии, которая большинством ученых еще не признавалась: настолько она была необычной и смелой.

Можно предположить, что И. Н. Ульянов не сомневался в длительной эволюции природы. Анализ "Программы естественной истории" (1867), составленной им, подтверждает это предположение. Основные элементы этой программы во многом базируются на материале знаменитого труда Ж. Бюффона "Естественная история". По учению французского натуралиста, природа имеет длительную историю развития и находится в разные эпохи в различных состояниях.

Философский смысл занятий И. Н. Ульянова по этому предмету состоит не только в том, что на них создавалась естественно-научная картина мира, основанная на объективной реальности бытия природы (последнюю признают и богословы). Точка зрения педагога на возникновение мира в целом противоречила идее божественной целесообразности живой природы, подтверждала вывод о естественном происхождении жизни на Земле. Проповедование ее имело большое значение: оно способствовало утверждению идеи развития планет из вещества Солнца, которая в свое время оказала громадное влияние на успешное формирование у русских ученых начал диалектики и была оригинальной тем, что история природы в ней трактовалась как "история всех субстанций", охватывала все пространства и все времена.

Материя, по убеждению автора "Программы", находится в различных состояниях и обладает определенными качествами. И. Н. Ульянов отмечает "три состояния тел" (твердое, жидкое и газообразное), "общие свойства тел", которые изучаются механикой, физикой, биологией и другими науками. Он рассматривает тела в их взаимосвязях, отношениях, сравнении друг с другом. "Естественная

история", в его представлении, охватывает все материальные объекты на Земле и во Вселенной. Венцом творения природы автор считает человека. Он обнаруживает "общие признаки" и "различия" органических и неорганических веществ. Каждая часть природы, по его взглядам, наделена особыми качествами. Природа же самих тел состоит в движении и, следовательно, тела определяются движением.

Аргументами для подтверждения всеобщего характера движения тел и "организмов" как изменения вообще И. Н. Ульянов приводит факты механических, тепловых, химических, биологических и иных действий, совершаемых в природе. То есть он подходил к новому представлению о теплоте как форме движения материи, которое пришло в противоречие со старым метафизическим способом мышления.

И. Н. Ульянов подходит к мысли о том, как происходят изменения в природе, как количественные изменения при определенных условиях приводят к появлению нового качества. Так, в рассуждении "О скрытом и удельном теплороде" физик ставит под сомнение теорию теплорода (количественную теорию теплоты). С тех пор как последняя одержала временную победу (XVIII век), ученые считали, что агрегатное состояние тела зависит от количества в нем теплорода, что количества теплорода, отданного и поглощенного, всегда одно и то же. Наряду с весомыми телами, обладающими атрибутами телесности и другими свойствами, физика включала учение о "невесомых веществах" (теплород, свет, электричество, магнетизм)[21]. Подобно флогистону (невидимому веществу) в химии, теплород в физике представлялся не естественной теплотой, а особым веществом, таинственной невесомой жидкостью, содержащейся в телах и способной якобы собой их пропитывать.

И. Н. Ульянов воспринял передовые идеи своего времени и руководствовался ими в своей научной и преподавательской деятельности. Он на опытах объяснял понятие "скрытой теплоты", раскрывая теплоту как форму движения, которую можно измерить. Вещество же меняет свое состояние в зависимости от условий — температуры, давления. С помощью измерений и определения количества теплоты, выделяемой или поглощаемой телом, Ульянов делает вывод, что "при переходе 1 фунта льда из

твердого состояния в жидкое поглощается 63 единицы теплоты. Здесь к а к б у д т о происходит химическое соединение льда с определенным количеством теплорода, при этом образуется вода. Теплород в этом состоянии не действует на термометр, а поэтому называется скрытым"[22]. Такое же количество теплоты выделяется телом при обратном процессе.

Автор применяет старое понятие "теплород", но имеет в виду под этой формой иное содержание, нарушает традиционно сложившееся представление о теплороде как особой таинственной материи, не оставляет места прежнему носителю нового состояния вещества — теплороду; **в его понимании, теплород, который "не действует на термометр", уже не играет той роли, какую ему приписывали прежде в науке**. Он показывает, что на самом деле теплота есть некое молекулярное движение.

Следует при этом учитывать, что понятие энергии в начале 50-х годов XIX века только входило в физику. Илья Николаевич, считая последнюю, как, впрочем, и другие области знания, опытной наукой, в процессе исследований убеждался, что у некоторых веществ при изменении их агрегатного состояния возникают огромные силы. Объясняя данное явление, он писал: "При изменении положения частиц изменяется также и взаимное их расстояние: это мы видим из того, что при замерзании вода сильно расширяется; так что сосуд, наполненный водой и закрытый со всех сторон, непременно разрывается"[23]. Согласно физике, потенциальная энергия здесь превращается в кинетическую, направленную на кристаллизацию вещества и разрыв сосуда, кинетическая — в механическую.

Исчезнувшая теплота производит работу. Имея это в виду, И. Н. Ульянов считал, что при определенных условиях теплота становится силой, способной превращать одно состояние вещества в другое. Обнаруживая связь механического движения с теплотой, он понимал, во-первых, теплород как скрытую теплоту, запас энергии, которая переходит из одного вида в другой, во-вторых, это преобразование вещества — как переход из одного состояния материи в другое. Хотя И. Н. Ульянов употреблял понятия "сила" и "действие" и не усвоил термин "энергия", объяснение им процессов и явлений, совершающихся в природе, было вполне материалистическим и несомненно передавалось ученикам.

Как известно, в науке в то время еще использовалась старая терминология. Так, старое понятие "скрытая теплота" уживалась с новым содержанием — взаимопревращаемостью различных видов движения. Это не мешало ученым исследовать природные явления, процессы естественно-научным путем. По словам Ф. Энгельса, "физика, в которой царила теория теплорода, открывала ряд в высшей степени важных законов теплоты"[24]. Ученые открыли, что теплота, свет, электричество, качественное многообразие природы вообще представляют собой формы движения природы. Было доказано, что теплота — не всегда единственная или даже главная причина вызывающая горение или взрыв. Другая причина — химический процесс, происходящий, например, во время работы двигателя внутреннего сгорания. Положения С. Карно легли, как известно, в основу первого закона термодинамики.

В работе "О грозе и громоотводах" И. Н. Ульянов стихийно выражает мысль о том, что формы одного и того же движения переходят друг в друга. Так, он считает, что не только механическое движение переходит в теплоту, в электричество, а электричество в магнетизм, но и электричество, в свою очередь, производит механическое движение масс. Указывая на одну из сторон движения — действие, И. Н. Ульянов пишет: "Действия молнии бывают механические, теплородные, химические и физиологические"[25]. Его идея вполне согласуется с учением М. В. Ломоносова, который, в отличие от современных ему идеалистических теорий, утверждавших, что электричество есть некая жидкость, доказал, что электрическая сила есть действие. Она была созвучна идеям Х. Эрстеда, Д. Джоуля и других ученых, высказавших мысль о тепловых и магнитных действиях электрического тока.

В искровом разряде, с точки зрения И. Н. Ульянова, нет ничего фантастического, а есть лишь материальное. Электрическая искра возникает в результате разряжения облаков, писал он, "наэлектризованных положительным или отрицательным электричеством", т. е. при условии возрастания материальной напряженности тела, которая всегда содержит возможность разряда. Он отмечает, что "молния, поражая человека, производит значительные механические действия". Наводя панический страх и ужас на суеверных людей, молния, кроме того, причиняет людям немалый материальный ущерб, сжигая их жилье, посевы, леса и другие объекты.

Рассматривая концепцию И. Н. Ульянова, важно учесть соотношение сознательного и бсссознательного в научной деятельности ученого-естественника. В отличие от философского материализма обычный, нефилософский "наивный" взгляд людей на мир характеризуется как стихийно, бессознательно материалистическая точка зрения, на которой стоит человечество, принимая существование внешнего мира независимо от нашего сознания. Стихийно формируясь и действуя на уровне общественной и индивидуальной психологии, этот тип мировоззрения в основе своей верно решает основной мировоззренческий вопрос, проявляя себя как здравый смысл.

Здравый смысл связан с тем, что люди оперируют элементарными формами логической деятельности. Отличаясь трезвостью оценок, практичностью, критичностью суждений и выводов, он не склонен принимать что-либо на веру. Такой взгляд чужд пустой мечтательности, фантазерству и прожектерству. Он был присущ и И. Н. Ульянову, который с позиций здравого смысла отстаивает значение опытного знания в борьбе с пережитками и суевериями. Вместе с тем, он пытался подняться над уровнем здравого смысла. Дело в том, что перед диалектикой природы здравый смысл существенно уступает место более сложной логике — логике разума, отражающей противоречия самой действительности. В естествознании сам опыт, эксперимент со временем стихийно прививают исследователю диалектические формы мысли. Однако здравый смысл обладает недостатками, т. к. не постигает глубокой сущности предметов и процессов, отражая ограниченность практики.

Понятно, что идеализм подвергал критике "наивный реализм" именно за его материалистическую направленность, присущую людям, которые в целом не подпали под влияние идеализма. А как важно различать стихийный материализм естествоиспытателей и стихийный материализм обыденного сознания. При этом "стихийность" не есть бессознательность вообще. Любой ученый-естественник действует осознанно в своей области, сознательно формирует свои мировоззренческие установки. Не был в этом исключением И. Н. Ульянов. Он сознательно подходил к решению задач, поставленных тогдашней бурно развивающейся наукой.

Хотя социальная среда, в которой жил и трудился И. Н. Ульянов, и положение, которое он занимал в

обществе, принуждали его осторожно высказывать свои воззрения, он излагал смелые по тому времени материалистические идеи. Так, он считал, что молния не является чем-то сверхъестественным, не дана человеку в наказание за его прегрешения, что она не щадит и представителей духовенства. Он приводил пример, что в июне 1819 года во время грозы в Альпах молния ударила в церковь, "убила там наповал 9 человек и перерапила 82; служили три священника, и двое из них тяжело ранены, а третий остался невредим. Этот последний был один в шелковых ризах"[26]. Казалось, Бог безжалостно разрушал свои же храмы. Отсутствие логики в действиях Всевышнего было вполне очевидным.

В противовес религии, объясняющей молнию и гром действиями Ильи-пророка, святого (в римской мифологии — Юпитер, бог неба, света и грозы), изображавшегося разъезжающим в огненной колеснице по небу и разгоняющим стрелами нечистую силу, И. Н. Ульянов вскрывает естественные основания атмосферного электричества, доказывая, что ничего таинственного и чудесного в данных явлениях не происходит. Чудесные явления, по его убеждению, есть просто физические факты, которые плохо поняты или неправильно изображены. Они извращены по случайным, не зависящим от человеческого разума причинам. То, что считалось таинственным, непостижимым и приписывалось сверхъестественным силам, считал И. Н. Ульянов, со временем перестанет быть таковым. Он объяснял действия атмосферного электричества естественными причинами, независимыми от потусторонних сил. Он оставался верующим, но в области естествознания, в ходе размышлений над его проблемами ученый невольно подчинялся строгой научной логике, непримиримой с идеализмом и мистикой.

Как отмечал Ф. Энгельс, "с Богом никто не обращается хуже, чем верующие в него естествоиспытатели"[27]. Дело в том, что ученые, если даже они верующие, видят мир таким, каким он является в действительности. Сам род их деятельности заставляет их объяснять мир с позиций объективности. В. И. Ленин считал очень важным для философии "союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом "образованном обществе"

модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма"[28]. Не боялся отстаивать и проводить передовые материалистические идеи его отец — Илья Николаевич Ульянов, следивший за вопросами, которые выдвигала в то время революция в естествознании.

Надо сказать, что естественнику приписывают "философский материализм", когда он говорил об объективности предмета его исследования, не разобравшись, имела ли место наивно-материалистическая точка зрения, или естественник был связан с системой идеалистической философии. Между тем в мировоззрении И. Н. Ульянова были элементы новых взглядов на природу, характерных для ученых того времени. Таковы его представления об электричестве, связанном не только с механическими, но и с тепловыми процессами. Он исследует и взаимодействие электрических и магнитных сил. Он изучает трактаты Д. Араго, Де ла Рива и др. западных естествоиспытателей, делает выводы из наблюдений А. Гумбольдта и др. ученых. "Еще задолго до открытия электромагнетизма было доказано, — пишет И. Н. Ульянов, — что молния производит очень заметное магнитное действие. В 1675 и 1681 гг. английские мореплаватели заметили изменение полюсов компаса, при падении молнии на корабли"[29]. Молния настолько меняла магнитную ориентировку компаса, что результаты разрядов были самыми неожиданными. Корабли меняли курс на противоположный и возвращались обратно. Последствия же были нередко ужасными. Как сообщает Д. Араго, генуэзское судно в 1809 году разбилось у берегов Алжира, обманутое в своем положении показанием компаса, измененным ударом молнии[30]. Капитан шел к югу, полагая, что направляется на север.

Действительно, взгляды физиков на природу молнии были стихийно-материалистической точкой зрения. Вместе с тем, когда И. Н. Ульянов писал о "возбуждении токов посредством индукции", он не входил в область гипотезы М. Фарадея о характере электромагнитных явлений, которая привела к открытию электромагнитной индукции и тем самым к раскрытию взаимной связи и единства противоположностей[31]. Свойствами материального, наряду с веществом, наделялось электромагнитное поле. Мысль же И. Н. Ульянова об электромагнитном взаимодействии согласуется с задачей английского физика: "превратить магнетизм в электричество". Тем не менее ему и в голову не приходила идея стать вровень с ним, подчи-

нить исследование природы некоторым общим идеям, сделать философские выводы.

Можно предположить, что И. Н. Ульянов, улавливая передовые идеи века, не связывал представление о материи только с веществом. В "Программе по физике" он писал "о магнетизме, электричестве и гальванизме, о движении, о звуке" и "причинах света"[32]. Наука того времени пыталась вывести следствия из истинных оснований, нарисовать новую, намного более совершенную картину мира, которая шла на смену старой механистической картине мира. Последняя все более изменялась, дополнялась и уточнялась. Этому способствовал и И. Н. Ульянов.

Большое значение в науке имеет идея о связи физической и химической форм движения природы, к которой И. Н. Ульянов подходил неосознанно. Он писал: "Молния, как электрическая искра, производит химические действия, из которых особенно замечателен запах, сопровождающий молнию. Этот запах, сравниваемый с запахом серных паров и фосфора, есть запах озона"[33]. Верно угадал, что электричество — следствие химических процессов, связанных с действиями частиц материи.

Ему было понятно, что у Д. Араго, на которого он опирается в своих исследованиях электричества, возникнут "немалые трудности". Французский физик утверждал, что свет есть не что иное, как следствие не воздуха, а "чрезвычайно упругой средины, наполняющей Вселенную... которую согласились назвать мировым эфиром"[34]. Он еще отдавал дань невесомой субстанции, которой считался эфир и в которую верил даже Фарадей. Его последователь И. Н. Ульянов, не обнаруживая влияния на природу мирового эфира, по-видимому, знал, что опыты, поставленные с целью обнаружить его, не увенчались успехом.

Тем не менее ни его, ни Араго не следует причислять к диалектикам в собственном смысле слова, во всеобщем значении данного термина, как это считают некоторые авторы, обладающие немалой долей фантазии. Они могли быть лишь стихийными диалектиками. Нельзя рассчитывать, пишет П. В. Алексеев, что диалектика ворвется в науку из обыденного сознания. Тезис о стихийном порождении ее естествознанием правомерен лишь в том случае, "если под диалектикой подразумевается частное, узкое понятие диалектики"[35]. А в таком значении ее идеи не могут стать на место всеобщих законов философского

мировоззрения. Поэтому возможно говорить лишь об элементах диалектики во взглядах И. Н. Ульянова.

Обобщая данные физики электричества, И. Н. Ульянов подошел к мысли о том, что движущиеся тела производят не только механические действия, зависящие одновременно от их масс и скорости. Он верно угадывал взаимодействия многообразных "сил" природы. Придерживаясь стихийно-материалистической точки зрения, в области естествознания он шел вразрез с идеализмом.

3. Пространство и время

И. Н. Ульянов сознавал громадное значение научных открытий эпохи Возрождения и нового времени. Он не раз обращался к авторитетам в области классической механики, предлагая изучать "сущность законов Кеплера и Ньютона"[36], Ломоносова и других естествоиспытателей и мыслителей[37]. Это было вполне оправдано. Метафизический материализм как мировоззрение сыграл в свое время прогрессивную роль в накоплении знаний, анализе закономерностей природы. Однако его представители решали проблему пространства и времени в духе учения И. Ньютона. Великий ученый метафизически понимал пространство и время как пустые вместилища, якобы независимые от самой материи. Основой данных понятий в механике в то время служила геометрия Эвклида с ее представлениями об однородности и одинаковости свойств всего бесконечного пространства. Метафизические взгляды привели Ньютона к признанию сверхъестественных сил, якобы давших планетам начальную скорость в виде толчка извне. Астроном оставил за Богом "первый толчок", но законы Солнечной системы он считал свободными от божественной воли.

И. Н. Ульянова не могла удовлетворить старая концепция о движении тел в пространстве. Он испытал влияние материалистических идей о зависимости геометрических свойств пространства от движущейся материи. Это была новая геометрия, создателем которой явился Н. И. Лобачевский. Друзья и сотрудники Лобачевского — М. И. Мельников, П. И. Котельников, А. Ф. Попов и другие профессора, учителя Ульянова, использовали в преподавании научное наследие великого ученого.

И. Н. Ульянов представлял пространство как отношение, применимое ко всем телам. Он писал об "общем свойстве тел — протяженности", которая имеет смысл, по его мнению, лишь постольку, поскольку существуют другие тела и вещь рассматривается как часть мира. Понятия протяженности, линии, точки, угла, сферы, касательных и сечений и другие — исходные в его работах по геометрии. Вопросы "теории параллелей", "измерения углов", "положения прямой в пространстве" и другие созвучны идеям Лобачевского. Новая геометрия исходила из независимости сферической тригонометрии от постулата параллельных[38]. И в своих программах Илья Николаевич отводил определенное место решению задач как с прямолинейными треугольниками в эвклидовой геометрии, так и с треугольниками сферическими в геометрии, изучающей фигуры, расположенные на поверхности шара.

Первым в России И. Н. Ульянов включил вопросы сферической геометрии в программу по математике для средних учебных заведений. Он писал "о сфере и сферических фигурах"[39], рекомендовал в качестве пособия "для пополнения сведений из сферической геометрии" труд Э. П. Янишевского "Сферическая геометрия" и работы других сторонников учения Лобачевского, которые развивали идейное наследие великого математика, считая основания новой геометрии справедливыми и истинными. Еще будучи студентом, И. Н. Ульянов мог подвергнуть последние проверке путем астрономических наблюдений в Казанской астрономической обсерватории, где он работал, как и его научный руководитель И. А. Ковальский, ставший в 1855 году директором этой обсерватории.

Однако следует иметь в виду, что геометрия Н. И. Лобачевского, хотя и имела своих сторонников, в то время не получила всеобщего признания. Она была весьма необычной и нарушала сложившиеся на протяжении веков и казавшиеся незыблемыми представления о свойствах фигур. Большинство математиков оказалось не способно принять неэвклидову геометрию, а некоторые, в том числе академик М. В. Остроградский, в 1832 году признали "порочной" и "незаслуживающей внимания Академии" книгу Н. И. Лобачевского "О началах геометрии". От новатора науки и его друзей требовалось мужество, чтобы отстоять свои идеи в неравной борьбе с противниками.

И. Н. Ульянов нигде не упоминает имени Н. И. Лобачевского, не решается, подобно К. Ф. Гауссу и другим математикам, открыто высказываться о его геометрии. Но можно предполагать, что он усваивал новые идеи, сочувственно относился к ним. Такой точки зрения придерживается, например, Н. Ф. Григорьев[40]. Он довольно правдоподобно воспроизводит в своем очерке разговор И. Н. Ульянова с великим геометром. Первый признает, что умозаключения из новой геометрии "действительны лишь для огромных пространств Вселенной", а эвклидова геометрия получает право на жизнь, существует как частный случай" нового учения. Возможно, И. Н. Ульянов так и думал.

Как бы то ни было, фактически Илья Николаевич делал немало в проведении идей новой геометрии. Он способствовал воспитанию интереса к ней у учеников. На основе его программ в 60–70-х годах составлялись программы для многих средних учебных заведений России. Одно время элементы неэвклидовой геометрии, в частности, вопросы сферической геометрии, содержались в составленной И. Н. Ульяновым программе, которая была рекомендована "Циркуляром по Казанскому учебному округу" как обязательная[41].

У Ильи Николаевича не было сомнений в том, что геометрия и другие отрасли математики тесно связаны с другими естественными науками. Его диссертация тоже была выполнена на стыке ряда наук: математики, физики, астрономии. Это имело большое значение в становлении и развитии его воззрений на природу. Продолжалась научная традиция, исходящая от Лобачевского, который более тридцати лет — до 1846 г. читал курсы по математике, а иногда механику, астрономию, физику. Он говорил, что напрасно стараться "извлечь из одного разума всю мудрость", необходимо обращаться к природе. Им были разработаны правила обучения естествознанию, которым следовал и И. Н. Ульянов. Его исследование в математике также не укладывается в априорные схемы и формы созерцания пространства и времени, свободных от опыта.

Рассматривая вопросы о "действиях тяготения", "массе", "широте и долготе", сферах и движении планет Солнечной системы, И. Н. Ульянов не сомневался в том, что геометрические положения отражают свойства реального

пространства. Далеко не случайно он избрал темой своей научной работы малоизученный способ определения орбиты кометы, предложенной немецким астрономом Г. В. Ольберсом, как наиболее простой и удобный для исследователей. Ольберс изучал работы своих выдающихся предшественников и из числа их, как писал об этом он сам, несомненно более всех был обязан И. Г. Ламберту, немецкому астроному. Примечательно то, что Ламберт испытал влияние Г. В. Лейбница, который считал, что пространство — это порядок взаимного расположения множества тел. Более того, он еще задолго до Лобачевского, предвосхитив великого русского математика, нашел, что в иной геометрии "сумма углов треугольника при гипотезе острого угла меньше двух прямых[42].

Разделяя взгляды Ольберса и других астрономов на движение планет и комет, И. Н. Ульянов признавал, что скорость, количество движения — это не что иное как пространство в отношении к определенному протекшему времени. Скорость всегда выступает как понятие, производное от времени. Занимаясь проблемой скорости, наука того времени видела значение этого понятия для понимания времени в том, что оно указывает на связь времени с движением. И здесь большая роль принадлежала Лобачевскому, который пытался определить время с учетом его связи с движением материальных тел.

В тот период были точно установлены траектории движения тел Солнечной системы, было найдено, как положения планет в пространстве меняется с течением времени. С учетом зависимости между величинами пространства, времени и движения небесных тел И. Н. Ульянов решает задачи по определению элементов орбиты кометы. Взяв уравнение в полярных координатах и уравнение, выражающее закон площадей, и применив третий закон Кеплера, он с помощью математических расчетов выводит уравнение Ламберта. Исследуя его корни, переходит от уравнения, выражающего закон площадей по Кеплеру, и закона, по которому каждая планета движется по эллипсу, к уравнению параболы. Исходя из местоположения, времени прохождения кометы и интегрируя уравнение, находит выражение для площади, описанной радиус-вектором кометы. Все это позволяет И. Н. Ульянову изложить и сам способ определения кометной орбиты.

Он пишет: "Теория движения комет показывает нам, что орбита комет может быть эллипсет, парабола и гипербола, но так как большая часть комет согласуется с параболическим движением, то мы и будем принимать движение комет по параболе. При таком движении комет около Солнца мы имеем пять элементов (орбиты кометы — К. П.)... Эти пять элементов следующие: 1) расстояние перигелия от Солнца, 2) долгота перигелия, 3) время прохождения комет через перигелий, 4) долгота восходящего узла кометы и 5) наклонность орбиты кометы к эклиптике"[43]. Вместе с тем И. Н. Ульянов считает, что истина в математике подтверждается практикой астрономических наблюдений. Часть его исследования, как он отмечает, посвящена "применению самого способа на примере", то есть на практике наблюдений за небесными светилами[44].

Для приближенного вычисления значений пяти элементов орбиты кометы, движущейся по параболе, молодой исследователь ограничивается тремя наблюдениями, которые проводятся через равные промежутки времени. Данные результатов этих наблюдений и принимаются им за исходные для нахождения элементов орбиты космического тела. Он еще отдает дань теории тяготения, в которой законы движения были сформулированы в соответствии с законами механики, и вместе с тем осознает значение методов определения орбит комет, выдвинутых крупнейшими астрономами, пытавшимися приспособить свои способы к требованиям развивающейся практики вычисления траекторий космических тел.

Вполне возможно, И. Н. Ульянов сознавал, как ничтожно мала наша Земля в сравнении с бесконечностью Вселенной. Уже было сказано выше, что для усвоения учащимися астрономических знаний он, кроме "Физической географии" Ленца и других пособий, в качестве руководства предлагал учителям "Космографию" профессора М. И. Талызина[45], который писал, что звезды находятся от нас далее, нежели прочие светила, и "расстояния их от нас бесконечно велики в сравнении с самыми большими расстояниями на земной поверхности"[46]. Исходя из закона, согласно которому свет звезды ослабевает пропорционально квадратам расстояний, Илья Николаевич мог делать вывод о том, что звезды — суть не светящиеся точки, какими они кажутся нам, а большие светящиеся массы материи.

Астрономия, по его взглядам, изучает бесконечную Вселенную как единое целое. Далеко не случайны его ссылки на естествоиспытателей, которые внесли в нее идею взаимосвязи и развития. Так, в диссертации он писал, что при исследовании движения планет и комет "сперва Ньютон, за ним Лаплас и Лагранж дали свои методы"[47]. Способ Лапласа, например, предусматривал, что число наблюдений не ограничено и на основе их совокупности находятся для определенного момента времени координаты светила на небесной сфере. Уже в этом содержится идея бесконечности познания мира.

Опираясь на достижения науки, ее доказательства того, что мир не имеет начала во времени и конца в пространстве, И. Н. Ульянов в своем исследовании не обходился без проблемы бесконечно малых величин как только переходил к тем расстояниям, которые имеют место в наблюдаемой им с помощью телескопа звездной системе. В самом деле, масса Земли для него как астронома является бесконечно малой, а для механика земных тел она — бесконечно велика. При этом время, признавал он, сочетает в себе мгновения и вечность, и в этом смысле он говорил "об изменении времени"[48]. Меры времени, по его убеждению, даны нам природой и не зависят от нашей воли: Земля за сутки совершает один оборот вокруг оси, а за год — один оборот вокруг Солнца.

Правильно уловив противоположные черты бесконечности, он и его великие учителя не сумели их диалектически соединить и понять, что бесконечность по сравнению с составляющими ее конечными частями содержит в себе новое качество. Тем не менее воззрение И. Н. Ульянова на движение в пространстве и во времени имели мировоззренческое значение. Они, по существу, противоречили не только "Священному писанию", но и идеалистическим взглядам и старым концепциям о происхождении Солнечной системы, шли вразрез с представлениями о конечности мира во времени и пространстве.

Теория геоцентризма вполне устраивала церковь, согласовалась с библейским учением о "царстве небесном", месте пребывания Бога и исполнителей его воли (ангелов, архангелов, серафимов и пр.), которым подвластно все земное. Это учение о конечности Вселенной гармонировало с идеей ограниченности мира во времени и с идеей

творения. Ему противостояло новое естествознание. "В самом деле, — писал Лейбниц, — большая часть из того, что говорит Аристотель о материи, форме, отрицании, месте, бесконечном, времени, движении, совершенно достоверна и доказана"[49]. Была сформулирована идея всеобщей связи сущего. Правда, современный фидеизм утверждает, что конфликта между верой и знаниями можно было бы избежать, если бы не косность церкви, инквизиции, организовавших де позорный процесс по делу Галилея, неспособных переориентироваться на идеи гелиоцентризма в космологии.

Философский смысл взглядов, проповедуемых И. Н. Ульяновым, состоял в том, что Земля — рядовая планета, движущаяся в мировом пространстве, и нет принципиальной разницы между нею и другими небесными телами. Наука, опираясь на теорию гелиоцентризма и практику астрономических наблюдений, опровергает суеверия и доказывает ошибочность представлений о человеке как центре мира. Изучение И. Н. Ульяновым природы все больше убеждало его в том, что нет двух ни в чем не похожих миров — земного и небесного, а есть единый мир — космос, в котором Земля и другие небесные тела вращаются согласно законам тяготения. Он учил, что Земля "не сходится с небом", что она круглая и нет "края света", был убежден в том, что наука дала основания для выводов о вечности и бесконечности Вселенной в пространстве, что она направлена своим острием против пророчеств астрологов. Картина мира в его взглядах отражала тяготение к естественно-историческому материализму, который В. И. Ленин называл "стихийным, несознаваемым, неоформленным, философски-бессознательным убеждением подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием"[50]. Это была прогрессивная точка зрения.

Стихийно-материалистическая тенденция И. Н. Ульянова обеспечивала успешное решение им ряда проблем естествознания. Знания, на которые он опирался и которые развивал, получили распространение в его педагогической деятельности.

4. Бог и Вселенная

И. Н. Ульянов серьезно занимался также астрономией, и в своей диссертации и других работах опирался на передовые идеи в этой области, на труды Н. Коперника, Г. Галилея, П. Лапласа и других классиков науки, совершивших переворот во взглядах на Вселенную. Он усваивал наследие ученых, стремившихся постигнуть строение мироздания, доступной части Космоса. Так, при исследовании движения планет и комет он следовал идеям гелиоцентризма и учению своего научного руководителя профессора М. А. Ковальского, который впервые в истории науки разработал методы анализа движений звезд и теорию вращения Галактики вокруг центра масс.

И. Н. Ульянов не сомневался в том, что понятие массы вещества, входящее в закон всемирного тяготения, указывает не только на инертные свойства небесных тел, но характеризует и их гравитационные свойства. Он был убежден, что силы тяготения носят универсальный характер и закон всемирного тяготения простирает свою власть всюду, где есть вещество. Признание же им неразрывной связи материи с движением позволило ему верно изложить способ определения орбиты космического тела.

Материалистические взгляды И. Н. Ульянова на природу Вселенной передавались учащимся, способствовали формированию у них правильного взгляда на мир. Его работы по астрономии и математике имели немалое значение, ибо они объективно, конечно, были направлены против идеализма и догматического богословия.

Здесь необходимо учесть, что большинство естествоиспытателей при истолковании Вселенной как особого механизма допускали творца в качестве конечной причины бытия природы, божественное вмешательство в движение тел в пространстве — акт творения Космоса. В воззрениях же И. Н. Ульянова отсутствует идея творения мира, а всемогущий и всесведущий Бог оказывается бессильным и безработным во Вселенной.

Не случайно в качестве руководства для учителей И. Н. Ульянов предлагал "Космографию" М. И. Талызина, нарисовавшего правильную картину строения Солнечной системы, знакомого с одним из первооткрывателей закона сохранения и превращения энергии. "Я воспользовал-

ся также многими указаниями и замечаниями, сообщенными мне господином Ленцем при рассмотрении моего сочинения в рукописи"[51], — писал Талызин. Работы русских ученых имели большое значение для науки и практики.

Обращено внимание к вопросам о физической природе космических тел, что явилось предпосылкой создания астрофизики, исследующей физическую и химическую природу небесных тел. Продолжались работы В. Я. Струве и М. А. Ковальского (научного руководителя И. Н. Ульянова) по выяснению строения доступной нам части Вселенной. Огромное мировоззренческое значение имели признания русскими учеными бесконечности Вселенной, идеи непрерывного образования звезд из туманных масс материи, разработка ими теории, в которой устанавливалась связь между механическими и физическими свойствами комет.

Для миропонимания И. Н. Ульянова была характерна убежденность в безграничных возможностях познания необъятной Вселенной, а также в том, что борьба науки и религии по вопросам мироздания была и будет длительной и упорной. Неумение верно объяснить природные явления порождало у многих веру в сверхъестественные силы. Люди верили в чудеса, якобы порождаемые божеством, в "счастливые" звезды, в то, что расположение планет предопределяет судьбу человека. Чувствуя свою беспомощность, они слепо преклонялись перед силами природы, обожествляли их. Даже у образованных людей в результате смешения видимости и сущности явлений, отсутствия достоверных знаний о мире создавались превратные, искаженные представления о Космосе. Что за сила приводит в движение планеты и звезды? Почему она заставляет тела, находящиеся в различных положениях и расстояниях от Земли, обращаться вокруг центрального светила?

На эти и другие вопросы И. Н. Ульянов отвечал с позиций современного ему передового естествознания. Опираясь на теорию движения космических объектов и практику астрономических наблюдений, он в своей программе "Космография" освещал вопросы об определении места светил относительно горизонта, положений созвездий на небосводе, приводил "физические доказательства вращательного движения Земли"[52]. Он полагал, что мно-

гие затруднения при определении истинного положения небесных тел в пространстве устраняются, если исходить из того, что их видимое суточное движение есть обман зрения, подобный тому, которому мы бываем подвержены, когда плывем в лодке и нам кажется, что предметы на берегу движутся в сторону, противоположную нашему движению. Строго научным путем, на основе опытных данных Илья Николаевич доказал, что вращение Земли вокруг своей оси обнаруживается в результате отклонения падающих с большой высоты тел к востоку[53]. С помощью практики, наблюдений, с опорой на известные законы механики и физики им решались и другие вопросы движения.

Из диссертации И. Н. Ульянова видно, что он ясно представлял подчинение движения планет и комет закону всемирного тяготения и то, что силы притяжения действуют как на Землю, так и в космосе. Земля, например, притягивает к себе Луну, масса которой меньше земной, а "масса Земли незначительна в сравнении с массою Солнца", поэтому и Землю (вместе с Луной), в свою очередь, притягивает к себе центральное в данной системе небесное тело — Солнце[54]. Действию этого же закона подчинено и движение комет. Исследование молодого ученого показывает, что он стремился отделить теологию от науки, или, говоря словами Бюффона, "басню от физики".

Ценность этих взглядов состояла в том, что И. Н. Ульянов ратовал за научное познание Вселенной, опирался в своих выводах на практику астрономических наблюдений, признавал объективный характер природы и ее законов, выступал как передовой ученый.

В программе "Космография" Илья Николаевич писал "о планетах и системах мира"[55]. Он ставил задачу осветить развившиеся за многие века знания о звездном мире и строении Вселенной. Имелись в виду различные представления, которые в разное время господствовали в истории астрономии — как истинные, то есть подтвержденные, так и неподтвержденные практикой и наукой. Термин "системы мира" означал представления, воззрения, теории о Солнечной системе как множестве планет с отношениями и связями между ними, образующие единое целое. Науке известно несколько таких систем.

На протяжении столетий господствовало представление, согласно которому центром Вселенной является Земля, она находится в неподвижном состоянии и вокруг нее вращаются остальные планеты, а также Солнце. Эта система мира с Землей в центре называется геоцентрической. Она была изложена Клавдием Птолемеем и являлась высшим достижением древнегреческой астрономии. Ее признала христианская церковь, ибо она соответствовала точке зрения Библии на этот вопрос.

И. Н. Ульянов рекомендует учебники и учебные пособия, в которых излагалась и система мира, пришедшая ей на смену.

В 1543 году Н. Коперник в рукописи "О вращении небесных сфер" сформулировал новую, гелиоцентрическую систему. Он, следуя "истинным началам", решительно отверг взгляд на исключительное положение Земли во Вселенной. Было весьма основательно подорвано представление о противоположности "земного" и "небесного". Земля оказалась частью целого, "небесного". Это открытие, по словам Энгельса, было "революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы"[56]. С этого момента начинается освобождение есте-ствознания от богословских пут. Так как эта система подрывала представление о Земле как неподвижном центре Вселенной, церковь до последних дней яростно преследовала гелиоцентризм.

И. Н. Ульянов следовал новейшим воззрениям на устройство мироздания и движение небесных тел: планет солнечной системы и их спутников, а также созвездий и комет. Так он писал "об истинном движении Земли около Солнца"[57]. Считал, что движение носит всеобщий характер и охватывает весь макрокосмос. Гелиоцентрическая система рассматривалась им как модель реального строения Вселенной.

Правда, современные богословы не отвергают ее и в целом науки. Стремясь подчинить знания религиозной вере, они утверждают, что якобы христианам наука не угрожает, а выступает как углубленное проявление Богатворца. Пытаются связать науку и религию, превратить объективную истину "в разновидность верования, в гносеологический миф" (Ойзерман Т. И. Некоторые проблемы научно-философской теории истины. — Вопросы философии. — 1982, — № 8, с. 31).

Прежде всего заметим, что наука призвана была выяснить природу движения не только планет, но и комет, тем более, что "косматые звезды" (по-гречески "комета" — косматая, или хвостатая) порождали у людей немало суеверий. Люди считали их полет недобрым предзнаменованием, называли кометы "вестниками Божьего гнева", которые ниспосланы Богом в наказание грешников. Им рисовались мрачные и трагические события, следующие в шлейфе этой зловещей дамы, периодически появляющейся на небе. Подлинные причины движения планет и комет оставались загадками до тех пор, пока не были открыты законы движения материальных тел.

И. Н. Ульянов понимал, что кометы как и планеты, испытывают сильное воздействие со стороны не только Солнца, но и других небесных тел, масса которых значительно меньше центрального светила. Он раскрывал причины движения комет, форму их путей, отличных от эллипса, учитывая, что "косматая звезда" испытывает влияние притяжения различных космических объектов, особенно планет-гигантов. Показал, что ничего сверъестественного в ее появлении и перемещении нет.

Анализируя элементы и характер кометных орбит, он писал: "Движение комет весьма неправильно и непостоянно: некоторые из них бывают видимы очень короткое время, другие в продолжении нескольких месяцев; плоскости их путей не заключаются между плоскостями планетных орбит, но расположены различно". Неравномерность движения кометы на отдельных участках орбиты вызывается положением кометы по отношению к центру масс, расстояние до которого от кометы в апогее и перигее неодинаково. "После перигея движение комет быстро замедляется по мере удаления их от Солнца, — подчеркивал И. Н. Ульянов. — Все эти явления были непонятны до Ньютона, который, показав, что действием тяготения тела должны обращаться около Солнца, первый усмотрел возможность вычислить пути комет"[58].

Критически оценивая успехи астрономии, И. Н. Ульянов полагал, что пальма первенства в открытии новой орбиты комет, отличной от эллипса Кеплера, принадлежит не Ньютону, как считал прежде, а польскому астроному Яну Гевелию (1611—1687). Он отмечал: "Гевелий первый дал мысль, что путь комет должен быть параболическим". Ламберт же распространил выводы Ньютона о

параболических орбитах комет на гиперболические орбиты и вывел теорему о кривизне видимых траекторий тел Солнечной системы на небесной сфере.

Все эти вопросы в своей области астрономии и математики И. Н. Ульянов решал сознательно, верно. С точки зрения классической механики он считал, что связь, взаимное положение тел и скорости, которыми они обладают относительно друг друга в данный момент, однозначно определяют последующие состояния системы. Это обстоятельство дает возможность рассчитывать движение в мировом пространстве различных объектов.

Итак, картина мира с позиции лидирующих в то время физики, астрономии явилась основой общей естественно-научной картины мира, закономерно связана с миропониманием. Она выступала одним из средств обогащения мировоззрения И. Н. Ульянова.

Исследования показывают несостоятельность субъективных построений, рожденных буйной фантазией некоторых догматиков, их вымыслов о принадлежности его к сознательным материалистам. Нет оснований считать его таковым. Вместе с тем, его стихийно-материалистическая линия, основанная на признании объективной реальности и естественно-исторического развития природы, исследуемой наукой, развивалась в рамках его, весьма далекого от ортодоксального, но религиозного мировоззрения, подрывая его устои. Она позволяла И. Н. Ульянову правильно решить вопросы движения в природе в целом.

III. ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРЕТИКО—ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Догматизация общественного сознания, неуклонно насаждавшаяся в процессе пропаганды ленинизма, заведомо предполагала запрещение в какой бы то ни было форме упоминания об ошибках и И. Н. Ульянова. Некоторые авторы характеризовали его как непогрешимого просветителя и саркастически высмеивали православное духовенство, сознательно или бессознательно противопоставляя тем самым ему якобы избежавшего заблуждений И. Н. Ульянова.

Игнорировалась объективная истина в том, что у него вера и знания относились к разным предметам. Его религиозные представления лежали за пределами возможности непосредственного опыта, его вера — за границей чувственного познания. Бога и его слуг он относил к трансцендентным, потусторонним, сверхъестественным силам, недоступным для теоретического познания предметам: они доступны вере. Именно религиозное учение основано на вере и не дает истинного представления о природе вещей и человеке. В своей области же, где И. Н. Ульянов имеет дел со знаниями, его вера не связана с научными данными, ибо последние не могут привести в религиозной вере.

Он настаивал на признании первенствующей роли разума и, следуя традициям Просвещения, понимал, что по познавательной силе разум выше веры. А ни одно положение в науке не должно приниматься на веру, без проверки со стороны разума, доказательства.

Между тем, бурно развивающееся естествознание доставляло ему богатый материал, свидетельствующий о том, что в природе все совершается диалектически, во взаимосвязи и развитии. В то же время между достигнутыми новыми положительными результатами в науке и укоренившимся старым способом мышления возникал

конфликт, приводивший к путанице в естествознании. Выход был в переходе от метафизического мышления к диалектическому. Этот переход совершался во многом стихийно, под напором накапливающихся фактов, новых естественно-научных открытий, не умещающихся в прокрустово ложе прежних представлений о законах развития природы и общества.

1. Идея развития в природе

Движение материи, согласно И. Н. Ульянову, не нуждается во внешних силах. Так, в своей "Программе физики" Илья Николаевич пишет о "действии внутренних сил на твердые тела", о "круговом движении и центробежной силе"[1]. Как ученый-педагог он был убежден в том, что "сила" является физической величиной, характеризующей взаимодействие тел. Она определяет изменение параметров движения тела, форму тела или то и другое вместе. Действие центробежных и центростремительных сил, притяжение и отталкивание он рассматривал во взаимосвязи.

Что же является, с позиций И. Н. Ульянова, двигателем тел, материальное или духовное? Вспомним, когда И. Н. Ульянов раскрывает "понятие о силах природы"[2], различные ее состояния, он признает первоначалом материю. В новое время учение о "силах природы" получило развитие в трудах естествоиспытателей путем обобщения достижений не только механики, но и физики, химии, биологии и других наук[3]. На них прежде всего опирается И. Н. Ульянов. Отмечая высокий уровень его программ по физике и других работ, надо признать вместе с тем, что он не был сознательным диалектиком. Не следует впадать в преувеличения, как это делают некоторые исследователи, например, Д. А. Балика и другие, которые считают, что И. Н. Ульянов становился на сторону мыслителей диалектического материализма[4], то есть поднимался в своем мировоззрении до уровня марксизма, чего в действительности не было.

Тезис о том, что он становился на точку зрения диалектики, произволен, недоказуем и является игрой воображения. Не следует думать, что физик, астроном и математик стихийно переходил на позиции диалектики,

был способен трансформировать свое мировоззрение под напором научных открытий. Упрощенно представлять, будто диалектические идеи естественных наук раз и навсегда предопределяют движение вперед буржуазных ученых-естественников, преобразуя их мировоззрение в систему диалектических идей.

Необходим сознательный переход к передовому мировоззрению на основе материалистической диалектики. И. Н. Ульянов, несомненно, нуждался в элементах диалектической логики, но шел к этому неосознанно. Понятиями диалектики он оперировал стихийно, что можно обнаружить в его работах по естествознанию и математике, прежде всего по физике. Он не ограничивался анализом движения воздушных масс, облаков, исторгающих и рождающих "небесный огонь", то есть молнию. Он полагал, что силы ветра производят определенную работу, что явления света, звука, магнетизма в воздушном пространстве имеют свои естественные причины, а огонь и вода связаны с действиями других "сил природы". Источниками огня, по его мнению, служат солнце, трение, электричество и прочие природные явления.

Понятие силы как причины движения И. Н. Ульянов распространяет только на механику, за пределами которой оно утрачивает прежнее значение. Он уже не переносит его на область физики, химии, биологии и других наук. Здесь Илья Николаевич обращается к понятию движения в микротелах и макрокосмосе[5]. Развитие естествознания приводило ученых к новым представлениям о причинах и характере различных природных явлений. Обнаружилось, что электрические явления могут переходить в световые и тепловые, и наоборот, последние могут быть источником электричества. Когда такие взаимопереходы были замечены во многих природных процессах, среди ученых все больше стало утверждаться мнение, что все различные силы природы имеют общее, существенное и необходимое начало.

И. Н. Ульянов следует тому направлению в физике, которое было связано с учением о движении во всем мироздании. Центральным пунктом в нем было открытие закона сохранения и превращения энергии. Идею о силах природы, т. е. о формах движения материи воспринял И. Н. Ульянов, согласно которой в известных соотношениях формы движения — механическое движение, тепло-

та, электричество и другие — могут являться в виде сил и быть измеряемыми.

Критически относясь к старой физике, он пытался найти внутреннюю причину движения в природе, писал о "действии внутренних сил на твердые тела" (Программы И. Н. Ульянова, с. 117). При переносе движения с одного тела на другое активное действие, движение (причина) выступает как сила.

Его воззрения как стихийного материалиста по некоторым вопросам, конечно, противостояли механическому миросозерцанию. Последователь передового естествознания И. Н. Ульянов отказывался признать инертность вещества и на основе диалектических догадок давал правильное объяснение движения в природе внутренних сил без вмешательства потусторонних сил.

Все это имело большое значение в формировании передового мировоззрения у учащихся. Тем более, есть основание утверждать, что И. Н. Ульянов разделял взгляды своих учителей, астрономов Д. М. Перевощикова, И. М. Симонова и других ученых, воспитанников Казанского университета, по данному вопросу. "Можно ли предполагать, — спрашивал Д. М. Перевощиков, — бездеятельность в веществе, когда вся Вселенная поддерживается движением и беспрерывными изменениями?"[6]. Конечно, нет, отвечал астроном. Признание им борьбы противоположностей, например, "внутренних сил" притяжения и отталкивания, закрывало лазейки для протаскивания идеи Бога.

Деятельность не отделима от вещества, а есть необходимое, присущее ему свойство, признает И. Н. Ульянов, понимая под "деятельностью" само движение.

Идея развития материи, высказанная М. В. Ломоносовым и другими мыслителями, несмотря на то, что была встречена в штыки силами реакции, пробивала себе путь в науке и завоевывала все больше сторонников и последователей. Она указала И. Н. Ульянову точку зрения, с которой открывались широкие горизонты познания Земли и всей Вселенной, анализа и синтеза живой и неживой природы. Ее философский смысл состоит в том, что она дает представление об изменениях в органическом мире, неживой природе, их направленности, порядке, закономерностях. Она позволяет уяснить, что определенное состояние какой-либо системы является результатом бо-

лее или менее длительных изменений предшествующего ее состояния. На основе идеи эволюции И. Н. Ульянов дает характеристику организмам, подходит к идее органического единства в мире животных. Относительно "общих признаков" млекопитающих, птиц пресмыкающихся, рыб он формулирует пункт: "Сравнение всех упомянутых классов животных между собой. Общие признаки позвоночных"[7]. Необходимо изучить, считает педагог, какими они были и какими стали в результате длительного исторического развития. Области живой и неживой природы рассматриваются им в их взаимной связи.

Устанавливая связь между "тремя царствами природы", И. Н. Ульянов показывает их развитие от простейших организмов до сложных, обнаруживает их "общие признаки" и качественное различие, стремится выяснить причины многообразия в живой природе. Он имеет в виду не только результаты, но и процессы, происходящие в природе, обнаруживает различные качества живых организмов, отмечая, что в мире существуют "простые и сложные тела". Илья Николаевич подвергает их анализу в том состоянии, в каком они находились ранее и существуют в действительности. Растения, животные и человек, по его взглядам, имеют длительную историю развития и возникли естественным путем. Он наделяет человека особыми качествами природного существа, которому присущи "органы чувствования", разумность, потребность в труде и жизнь в "человеческих племенах". И. Н. Ульянов полагает, что мысль, идея, как и труд, бесконечно возвышают человека над всеми другими существами, делают его господином Земли и творцом прекрасного, "произведений искусства". Он проводит мысль о том, что развитие в природе происходит путем скачка. На примере трех состояний, которые принимает вода (лед, жидкость и пар) в результате изменения ее температуры, он показывает по существу переход количественных изменений в качественные. Этот процесс изучает, по его мнению, не только физика, но и химия, которая установила, что "сильное электрическое разряжение изменяет в озон огромное количество атмосферного воздуха"[8]. И. Н. Ульянов считал, что химия предоставляет все больше доказательств о качественных изменениях тел.

Он обнаруживает проявления нового качества и во Вселенной: с возрастанием скорости космического объ-

екта последний обретает иную траекторию и новую форму орбиты[9]. Основными факторами качественных преобразований в атмосфере он считает обычные физические явления — действия воды, смену температуры и давления.

Новому естествознанию, которому следовал педагог, невозможно было обойтись без философии. Только с позиций материалистического детерминизма оно смогло объяснить "тайну" атмосферного электричества, движения космических тел, объективные причины многих явлений, происходящих на Земле и в космосе.

Вскрывая "причины, обусловливающие распределение растений по земной поверхности"[10], И. Н. Ульянов объяснял влияние природы на живые организмы, зависимость эволюции живых форм от изменения среды обитания. Он имел в виду естественный характер данных причин, исключающий божественную предопределенность в природе. По его взглядам, в изменчивости органических форм нет ничего таинственного и божественного.

Связь между причиной — например, образованием электрических зарядов противоположных знаков в облаке и в земле, и ее следствием — разряжением грозовых облаков носит, по мнению И. Н. Ульянова, закономерный характер: каждая причина в определенных условиях вызывает определенное следствие. Так, для электрического разряда еще недостаточно сгущения водных паров, для этого необходима также большая скорость образования облака под действием высокой температуры и нагревания земли. Отсюда с необходимостью вытекает и другое следствие: в жарких тропических странах гроз бывает значительно больше, чем в странах с умеренным климатом. При отсутствии такой причинно-следственной связи между температурой воздуха и частотой появления атмосферного электричества невозможно было бы предвидеть молнию.

Следствие может быть результатом действия ряда причин, считал И. Н. Ульянов. "Чрезвычайно быстрое сгущение паров, — писал он, может произойти от двух причин: или восходящего течения воздуха, или от встречи двух противоположных ветров. Вследствие этих двух причин и грозы можно разделить на два рода. От первой причины происходят грозы в тропических странах и в умеренном климате только в жаркое время года, а от второй — зимние и летние грозы"[11]. С свою очередь, одна причина может

порождать несколько следствий. Например, электрический разряд между облаками или между облаком и землей сопровождается механическими, тепловыми, химическими и иными действиями и процессами[12].

И. Н. Ульянов понимал, что кроме причинной зависимости явлений в мире действуют и другие связи, например, сущности и явления. Так, молния представляет собою видимое проявление электрического разряда. Решение проблем развивающейся науки требовало от естественника знания взаимосвязей и законов бытия природы.

Исследуя сущность "электрической искры", физик раскрывает содержание грозы в целом. Он рассматривает "существенные элементы, которые характеризуют грозы, т. е. молнию и гром". Он проводит различия между сущностью и содержанием, в котором есть необходимое и случайное, основное и второстепенное. Сущность же свободна от второстепенного. Природные явления подвергаются им анализу не только с точки зрения содержания, но и со стороны формы. Так, по форме молнии разделяются И. Н. Ульяновым на три вида (класса). Молнии первого класса, или линейные, характеризуются чрезвычайно большой скоростью. Продолжительность их меньше 1/1000 доли секунды. Молнии второго класса не имеют определенных контуров. Молнии третьего класса — шаровые — отличаются формой, скоростью и продолжительностью. И. Н. Ульянов отмечает, что "шарообразную форму молнии наука до сих пор не объяснила"[13]. Ей не позволял это сделать уровень знаний и практики той эпохи. Но и в наше время шаровая молния, несмотря на ряд высказанных гипотез, все еще остается загадкой.

Говоря о случайности, И. Н. Ульянов приводит исторический факт. Иерусалимский храм за десять веков своего существования по своему местоположению "должен был подвергаться сильным и частым грозам Палестины; но ни в Библии, ни у Иосифа Флавия не упоминается, чтобы он когда-нибудь был поражен молнией... Причина эта весьма проста, — объясняет он. — Случайным образом храм был вооружен громоотводами вроде тех, которые употребляются в наше время"[14]. Надо отметить, что он признавал объективность случайности. По его убеждению, наука использует благоприятную случайность, объясняет действия данного громоотвода: кровля храма, сделанная в итальянском стиле была покрыта позолотой

и вооружена острыми железными и стальными копьями. А на паперти находились цистерны, в которые по металлическим трубам стекала с крыши храма вода. Но эта случайность имела свою причину.

Наука отвергла метафизический взгляд, согласно которому раз мы познаем причину случайности, последней приходит конец. Эта концепция пыталась покончить со случайностью тем, что вообще ее отрицает, сводит все к необходимости. Ее придерживаются механический детерминизм и религиозный фатализм. Диалектика же учит, что в определенных условиях случайность станет необходимостью. Украшение золотом купола, шпилей и стен храма вызывалось эстетической потребностью, с целью воздействовать на верующих. Сама случайность становилась формой проявления и дополнения естественной необходимости. А прихотливая игра случая и произвола определяет поведение людей в антагонистическом обществе.

И. Н. Ульянов же не допускал высказывания в пользу бытия божественного творца и законодателя природы. Не склонялся он и к деизму как форме мировоззрения, наиболее соответствовавшей механистическому объяснению вещей, явлений и процессов.

2. О познании

Несмотря на то, что современная церковь учит о подчинении знания религиозной вере, богословы веками насаждали идею о греховности исследований природы, считая, что нам после Христа не нужна любознательность. Иначе Библия обещает обрушить на народ жестокую кару. Лишая его разума, сказал Господь: "Горе тем, которые думают скрыться в глубину, чтобы замысел свой утаить от Господа"[15]. Познание природы же, убеждают теологи, опирается на веру, которой только доступны "высшие истины". Борясь с ересями, русское православие приняло на себя миссию хранить чистоту веры. Иррационализм веры ограждался от каких бы то ни было умствований философии и науки.

Не отрицая роли христианства в истории, И. Н. Ульянов доказательств бытия Божьего не развивал. Волевое всемогущество Спасителя в его доктрине на втором пла-

не. Напротив, интеллектуализирующая функция понятия Бога у него выражена ясно. Видя разумную сторону деятельности Сына Божьего, он вместе с тем полагал, что Христос не обладает абсолютным знанием, не гасит естественного света. Дуализм в отношении Бога и мира устранялся: вера не могла быть выше знаний, полагал И. Н. Ульянов.

Мудрость, с его точки зрения, не дар Божий и не вера, а идеал знания и поведения. У него была рациональная идея и склонность к секуляризации "божественной" мудрости: простым людям тоже не чужды философские размышления, стремления понять, что же существенное происходит в природе и общественной жизни. Н. И. Веретенников говорит, что Илья Николаевич называл крестьянина Карпея "поэтом-философом", так как он образно повествовал о своем промысле и не прочь был побеседовать на отвлеченные темы"[16]. Живая связь с народом открывала ему возможность глубже познать его быт и нравы.

Он придавал большое значение умственному воспитанию. Так, И. Н. Ульянов по достоинству оценил реферат учителя, в котором метод обучения путем искусно поставленных "вопросов возбуждает в детях наблюдательность, любознательность, логическое мышление"[17]. А основными вопросами любознательности Н. Г. Чернышевский, выступавший против метафизического вздора, отмечал В. И. Ленин, называет то, что "на современном языке называется основными вопросами теории познания или гносеологии"[18]. И. Н. Ульянов не сомневался в способности человека проникнуть в тайны мироздания. Считал, что люди не ограничиваются чувственным познанием, объясняют причины, которые порождают явления и процессы, законы, которым они подчиняются. Он подходит к идее детерминизма, развитой в естествознании и передовой философии.

Тем не менее нет оснований причислять его к сознательным диалектикам в познании мира, как это стремились даже доказать некоторые авторы, обладающие немалой долей фантазии. К тому же верующего. У правоверного христианина не человек создает Бога, как у атеистов, но Бог открывается человеку, а потому человек находит себя в Боге. Другой вопрос, как он относится к Господу. Принимает ли он его без доказательств?

Обратим внимание на мысль С. М. Булгакова о недоказуемости бытия Бога, устанавливаемой теоретическим

разумом. Обнаруживая полярность религиозного сознания, противоположность трансцендентного и имманентного, которую выражал в терминах: Бог и мир, Бог и природа, Бог и человек, философ развивал идею о том, что не вера, а разум принимает за истину только доказанное, обнаруженное как необходимое звено в причинной связи. "Вера есть путь знания без доказательств, вне логического достижения"[19], — писал Булгаков. Он сравнивал ее с пропастью, сальтомортале: "будь безумным, чтобы быть мудрым" (Кор. 3. 18), говорит она человеку. Здесь его ссылка на апостола Павла не случайна.

Евангелие, как увидим далее, привлекало и И. Н. Ульянова своими правилами морали: в нем и апостолы более историчны, чем сам Иисус Христос. К чести И. Н. Ульянова, он, не прибегая к идее о высшей разумной причине, определяющей начало движения, на которую даже в XIX веке опирались в своей небесной механике некоторые ученые, не прибегает к божественной необходимости. Познание природы, по его мнению, происходит без откровения, своим естественным путем с помощью поиска, уяснения и доказательства истины. Так, он писал: "Еще в древние времена наблюдали и изучали молнию, но не смогли объяснить ее настоящей причины. Только в половине XVIII столетия знаменитому американцу Франклину удалось доказать, что молния есть не что иное, как электрическая искра"[20]. Пальму первенства в исследовании атмосферного электричества он отдает естествоиспытателю, чьи труды в области физики получили мировое признание.

Вся материя заключает в себе электрическую субстанцию, полагал Франклин. Согласно его теории, положительное и отрицательное электричество (эти термины вводит Франклин) объясняется на основании существования электрического огня. Данный взгляд противоречил религиозному учению. Фанатически настроенное духовенство подвергло его деятельность в области естествознания церковному проклятию. О крупном физике стали говорить как о безбожнике. В письме своему другу он писал: "Хорошо, что мы не подвергаемся подобно несчастному Галилею преследованиям инквизиции за философскую ересь. Иначе же нападки на ортодоксальную теорию, которые содержатся в моих частных письмах, были бы опасны, а Ваши выступления в печати расцени-

вались бы как большое преступление. При существующем же положении Вам следует ожидать некоторого осуждения, но один еретик, несомненно простит другого"[21]. Франклин был своим человеком в кругах революционной французской буржуазии, и слава его была велика. Его бюст был выставлен в зале заседаний клуба якобинцев. "Он низверг молнию с неба и скипетры у тиранов", — сказал о нем Тюрго во время пребывания Франклина во Франции на посту дипломата (цит. по кн.: История философии. Т. II. М., 1941, с. 453).

Имея в виду сущность данного явления природы и старые представления о нем как движении "мирового эфира", или "волновой грозовой материи", или следах "электрической жидкости" и прочие взгляды, которые пришли в противоречие с наукой, И. Н. Ульянов писал, что в истории науки было выдвинуто много "различных теорий для объяснения причин атмосферного электричества, но все эти теории не выдерживают строгой критики: одна только из них справедлива и доказывается опытом, что атмосферное электричество происходит от испарения воды: пары почти всегда имеют положительное электричество, а земля отрицательное"[22]. Как видим, его вера в силу и могущество человеческого разума основывалась на повседневном опыте людей. Опыт порождает мысль, считал И. Н. Ульянов. Физик стоял на точке зрения естествоиспытателей, смотрящих на опыт как источник знаний и критерий их правильности. Разумеется, в то время он еще не мог до конца постичь философскую сущность практики. Как не мог ее понять и метафизический материализм, который практику рассматривал только как опыт отдельных людей, "робинзонов", вынужденных познавать лишь своими силами. Опыт понимался узко, односторонне, как процесс пассивного восприятия, созерцания внешнего мира. Старые материалисты сводили практику к эксперименту, не видели ее преобразующую роль.

И. Н. Ульянов был далек от несостоятельной мысли, что практика всесильна и может заменить собой науку. Последняя, по его взглядам, есть теоретическое выражение данных передового опыта. Его точка зрения в этом вопросе была совершенно иной, чем та, которую защищал в 60—70-х годах Л. Н. Толстой. Писатель выступил с критикой науки, ибо она, по его мнению, обращается "на

вред человечеству". Задача личности, учил он, состоит в усвоении народной мудрости и религиозной веры, освещающей человеку путь к личному усовершенствованию. Толстой ошибочно истолковывал взгляды отсталой части крестьянства, считал, что народ вполне удовлетворен примитивной школой, учителем-дьячком, отставным солдатом, и "всякое серьезное образование приобретается из жизни, а не из школы[23]. Он выступал против теоретической подготовки учителей и "измышлений" новой методики.

И. Н. Ульянов развернул борьбу за новую народную школу, одной из задач которой считал формирование у ученика правильного взгляда на окружающий мир путем обучения его основам научных знаний. Поэтому он с недоверием относился к старым "учителям", большинство из которых, как он с речью писал, были "священниками, муллами.., чиновниками, писарями и унтер-офицерами[24].

Будучи убежденным, что без науки невозможны просвещение и подъем народного самосознания, Илья Николаевич обращал особое внимание на повышение качества знаний педагогов. Он с удовлетворением отмечал: "Постепенно улучшающаяся теоретическая подготовка учителей и учительниц к школьному делу и твердые практические навыки к школьным занятиям, приобретенные ими уже на месте службы под руководством инспекторов народных училищ, приносят несомненную пользу учебному делу и много содействуют общему возвышению школ"[25].

С его точки зрения, необходимо вооружать будущих учителей широкими знаниями из гуманитарных и других наук. Знания учителей — основа успешного преподавания. Так, проводимые учителями предварительные беседы на уроках чтения, благодаря которым сам процесс чтения делался более живым и интересным, были положительно оценены им. И. Н. Ульянов писал: "Беседы эти служат также средством для сообщения важнейших историко-географических и грамматических сведений, из коих последние усвояются учениками путем разнообразных письменных упражнений"[26]. Он уделял большое внимание сознательному изучению учащимися материала, ставил в пример тех учителей, которые не заставляют детей "заучивать по учебнику уроки на память без должного понимания, а стараются приучать их к мышлению, к сознательному усвоению изучаемого"[27].

Принцип сознательного усвоения знаний требовал воспитания у учащихся любознательного подхода к изучению предметов, который предлагали русские радикальные демократы. Поэтому, отмечал Илья Николаевич, учитель должен стремиться к тому, чтобы дети в практических упражнениях связывали знания с жизнью народа.

В основе методики обучения, разрабатываемой им, лежал принцип единства теории и практики. В этом сказалось и влияние педагогики Н. Г. Чернышевского, который считал практику "великой разоблачительницей обманов и самообольщений". Сподвижники И. Н. Ульянова с воодушевлением писали о его деятельности на съезде учителей в 1874 году, проходившем под его руководством. Так, И. Я. Христофоров отмечал: "Дело... становилось ясным особенно от того, что здесь теоретические соображения об обучении шли об руку с практическими занятиями, и педагогическое правило высказывалось и принималось не как неизменный закон, а обсуждалось со всех сторон в живой свободной речи самими же учителями и учительницами"[28]. Правда, такова была точка зрения и стихийного материализма.

Нет оснований, конечно, отождествлять его с философским материализмом, как это пытаются некоторые авторы (см.: Введение). Здесь мы обнаруживаем априорные суждения о причислении И. Н. Ульянова к сознательным материалистам, когда нам предлагают постулат: он признавал познаваемость мира. Но идеализм также может признавать познаваемость мира, а стихийный материализм — делать уступку идеализму в вопросах гносеологии. Надо учесть и то, что философия выступала теоретической основой нравственности. Некоторые идеалисты, критикуя французских материалистов, уничтожали эмпирическую основу морали, другие определяли философию как общую теорию воспитания (прагматизм). Возникает вопрос, какую философию и как она решает основной мировоззренческий вопрос.

Дело в том, что и стихийный материализм и философский материализм в принципе верно решают его, включая онтологию и гносеологию. Но стихийный материализм И. Н. Ульянова — это его философски неосознанное убеждение об ощущении как результате действий тел, вещей на наши органы чувств, стихийное признание познаваемости мира. В то же время стихийность физика,

астронома и математика, каким И. Н. Ульянов являлся, не означала неосознанность. В своей области наук он не только сознательно подходил к познанию мира, но и, как видим, доказано, учил этому других. Он считал, что источником наших знаний служит природа.

Характеризуя человека, И. Н. Ульянов пишет "об органах чувствования вообще, ...об органах зрения, обоняния, вкуса и осязания"[29]. Он отводит им важную роль в познании мира, считая их орудием постижения пространственных и иных качеств вещей. Чувства, по его взглядам, занимают существенное место в познавательной и практической деятельности людей: чувственный опыт — не только необходимый компонент, но и ступень на пути формирования понятий. Именно соединением в обучении чувственного познания и логического мышления И. Н. Ульянов во многом объяснял успех лучших народных учителей.

Он одобрял новый звуковой метод обучения, подвергнув критике старую систему обучения с ее "механической зубрежкой и книжной рутиной". Преимущество этого метода он видел в том, что в основу его положено изучение звуков речи и их письменных обозначений — букв. Графическое отображение устной речи является важной предпосылкой развития самостоятельной мысли ученика.

Философский смысл же объяснительного чтения, введенного в образовании, состоит в том, что оно развивает логическое мышление, на ступени которого человек проникает в сущность вещей, обнаруживает причинные связи и отвлекается от несущественных связей. И. Н. Ульянов отмечал: "Каждая мысль учителей и учительниц всегда выясняет детям что-нибудь существенно необходимое; каждый вопрос их ставится не случайно, но для развития детской мысли, для возбуждения детского внимания и всегда достигает своей цели"[30]. Противник голого эмпиризма и моральных сентенций, И. Н. Ульянов высоко ценил принципы дидактики и педагогическую систему своего великого современника К. Д. Ушинского.

Понятна его заинтересованность антропологией Ушинского, который учил, что "в противоположность всем другим психологам, мы ставим в центр душевных явлений — не сознание, как гербартианцы, и не волю, как Шопенгауэр и его последователи, — а чувствование как первое проявление стремлений... Только уже впоследствии при

развитии, с одной стороны, в области сознания, а с другой — области воли, чувствование становится необходимым посредником между этими двумя областями душевных явлений"[31]. В противовес взглядам И. Гербарта, утверждавшего, что человеку от рождения присуща "злая воля" и воспитание заключается в привитии ученику дисциплины путем подавления его воли, И. Н. Ульянов вслед за Ушинским считал, что сама воля органически связана с другими элементами сознания и подчинена разуму. Ему были близки его идеи о единстве природы и человека.

Так, рукопись И. Н. Ульянова, обнаруженная в архиве, проливает свет на его воззрения о связи духовных сил человека. Она представляет собой тексты речи И. Н. Ульянова и выступления инспектора народных училищ Симбирской губернии И. В. Ишерского. Возможно, Илья Николаевич разделял точку зрения своего ближайшего помощника на то, что знания направляют чувства, волю и другие психические акты, объединяя их в единое сознание. Иначе он не записал бы его выступления. Инспектор отмечал, что "душевные силы — ум, чувство и воля — не есть силы совершенно отдельные, могущие влиять друг на друга только при сознательном с нашей стороны направлении их друг на друга, как думали прежде, — но что они чрезвычайно тесно связаны между собой и что состояние одной из них непременно и неотразимо изменяет состояние другой. Образование ума влияет на чувства и волю"[32]. Данное положение лежало в русле идей Просвещения, верно отражало действительное состояние психики человека, единство всех его душевных сил, которое выполняет особую роль в воспитании убеждений. Объективно оно было направлено против волюнтаризма, с одной стороны, и фатализма, с другой.

Есть основание утверждать, что И. Н. Ульянов признает роль эмпирического знания, фактов, полученных в результате наблюдения, восприятия. В то же время, познание, по его мнению, дает верный результат тогда, когда опытное знание находится в единстве с теоретическим, подкрепляется силой абстрактного мышления. Так, он считал, что закон сохранения количества движения опирается на исследование фактов. "Но недостаток фактов не позволяет сделать прямого заключения", — пишет И. Н. Ульянов. Как известно, в физике этот закон фигу-

рировал в виде гипотезы о сохранении теплорода, которая со временем, с накоплением новых фактов была отвергнута.

Итак, знания, основанные на недостаточном количестве фактов, не могут считаться достоверными. Недостаток фактов приводит к появлению гипотез, которые могут быть нередко ошибочными, далекими от объективной истины.

И. Н. Ульянов и его единомышленники И. В. Ишерский, П. П. Малеев, А. С. Кабанов и другие признавали достаточно тесную логическую связь между "душевными силами" и показали влияние каждой из них на все остальные, полагая, что доминирующая роль в сознании принадлежит знанию: (см.: Ульянов И. Н. О вдохновении. Избранное. Саратов, 1983, с. 37). Только единство всех духовных сил образует гармонию личности и ведет к активной деятельности. Поэтому чувства как основа нравственных понятий не противопоставляются ими разуму, а рассматриваются в органическом единстве с ним.

В этом состоит одна из особенностей стихийно-материалистической тенденции И. Н. Ульянова и его сподвижников. Илья Николаевич был убежден в том, что проникнуть в сущность явлений можно только с помощью мысли. Не умаляя роли чувств, он придавал большое значение разуму, полагая в то же время, что чувственное и рациональное имеют одну основу — практику. Не случайно он оберегал преподавателей от схоластического теоретизирования, писал, что учителя, даже "весьма хорошие и опытные... слишком теоретичны в своих взглядах, неспособны в распознавании людей"[33]. И. Н. Ульянов считал необходимой связь теории с практикой в целях более глубокого познания действительности. Он поддерживал тех учителей, которые проводили в обучении идею о связи всех сторон духовной деятельности, освещали путь практике светом истины, разума.

Так, он по достоинству оценил выступление П. П. Малеева на съезде народных учителей, одобрил его философские выводы и поместил его доклад в своем "Отчете". Малеев писал, что человек в познании истины восходит по ступеням, "от известного к неизвестному, от простого к сложному, от чувственного к отвлеченному". Характеризуя содержание достоверного знания, он считал, что "всякая истина сама по себе не существует, она есть вывод

из множества отдельных явлений". У него причинная связь выступает в виде объективной зависимости между явлениями, и сознание не довольствуется единичными фактами, а ищет сущность, которая за ними скрывается. Так, пишет Малеев, "причины, которые действуют на ум учеников и которые различаются по силе, по направлению, могут быть чувственные или отвлеченные: чувственные действуют непосредственно на пять чувств, отвлеченные на ум"[34]. Но, отдавая дань эмпиризму, он говорит о познании мира: "Чувства не могут обмануть меня, я буду иметь о нем представление совершенно вернос". Здесь речь идет об источнике наших знаний, в качестве которого могут выступать чужие мнения, слухи, выражающие как истинные, так и ложные суждения, и наши непосредственные наблюдения, когда степень достоверности возрастает.

Вместе с тем И. Н. Ульянову и его единомышленникам и в голову не приходило объяснять ограниченность эмпиризма и рационализма. Они оставляли в тени качественное различие чувственного и рационального познания. Наличие элементов метафизического мышления не позволило им правильно представить взаимосвязь конкретного и абстрактного в постижении истины. Например, опровергнуть утверждение автора доклада о том, что причины чувственные действуют на чувства, а "отвлеченные — на ум". Доказать, что органы чувств доставляют разуму данные, факты. Разум же их обобщает и делает выводы. Без органов чувств нет работы разума. А без контроля разума нет и чувственного познания.

Тем не менее воззрения И. Н. Ульянова и его коллег в этом вопросе были прогрессивными. Они верно угадывали, что одни чувственные впечатления не дают нам истинную картину мира, на помощь им приходит сила абстрактного мышления. Они приходили к выводам, что, во-первых, качества чувств зависят от силы внешнего раздражителя, а познание вещи и явления начинается с ощущений, которые являются образами объективного мира; во-вторых, познавательная деятельность человека зависит от степени развития всех органов чувств и мозга и их взаимодействия с окружающей средой; сила и наибольшая точность наших представлений зависят от характера ощущений и восприятий предмета; в-третьих, их оптимизм основан на том, что, опираясь на данные

органов чувств, человек может иметь о предмете совершенно верное представление и понятие. Рациональная идея педагогов-демократов о единстве "душевных сил ума, чувства и воли" была объективно направлена против агностицизма. И. Н. Ульянов был убежден в том, что "чувство развивается в нас по поводу мысли", и мир, природа вполне познаваемы, что данные органов чувств и мышление проверяются практикой.

Изучая и высоко оценивая работы многих естествоиспытателей, И. Н. Ульянов вместе с тем был противником того течения в скептицизме, которое ограничивало возможности разума и смыкалось с идеализмом. Он верил в высокое предназначение науки, освобождающей людей от суеверий и предрассудков, расширяющей и углубляющей их представления о мире. В сферу познания Илья Николаевич включал всю Вселенную, не оставляя места легендам о божественном происхождении мира и непостижимых сверхъестественных силах.

Одним из важнейших элементов науки он признавал факты, которые лежат в основе всякой теории и служат весомыми аргументами в доказательстве или опровержении. "Наука..., — отмечал И. Н. Ульянов, — борется с предрассудками и побеждает их самыми неопровержимыми доказательствами — фактами"[35]. Он высоко ценил силу истинных знаний, которые, по его убеждению, должны служить интересам народа. Мысли И. Н. Ульянова созвучны рассуждениям А. И. Герцена. "Без естественных наук нет спасения современному человеку, — писал революционный демократ, — без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами... — где-нибудь в душе остается монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться темной водой по всему разумению"[36]. Отметим, что передовая русская философия рассматривала православие как "ширму", которая препятствует народу ясно видеть, что творится на земле, заставляя поднимать взоры к небесам в поисках спасения.

В отличие от научного стихийный метод становления убеждений основывается на вере. Вера — это принятие без критической проверки чужих мнений под влиянием чувств, переживаний, воли, интересов, традиций и т. п. Так складываются религиозные верования. Существует и нерелигиозная вера, которая опирается на знания, не

противостоит им и не является главным компонентом убеждений.

Специфика предмета веры, находящегося "по ту сторону" чувственно постигаемого мира, накладывает свой отпечаток на место религии в общественном сознании. Существенно заметить, что в ней разум человека играет третьестепенную подчиненную роль. Церковь принимает его лишь как средство сформулировать догматы, пытаясь вознести веру выше знания или совместить их.

На материалах из области естествознания И. Н. Ульянов показывал, что наука, опираясь на опыт и достоверные знания, способна не только объяснить то, что было и есть, но предсказать то, что еще может быть. Он верно угадал, что предвидение — метод познания действительности, основанный на логическом исследовании фактов и явлений, обнаружении закономерностей развития объективного мира.

Наука, считал Илья Николаевич, служит средством преодоления веры в чудеса и пророчества, провозглашая высшим судьей разум. Он требовал опытного исследования природы, тщательного рассмотрения накопившихся фактов. Научные знания, основанные на истине фактов, воплощаются в технике, помогают найти средства защиты от грозных для человека явлений природы. Так, И. Н. Ульянов вскрыл несостоятельность рассуждений служителей религиозного культа о том, звонить или не звонить в колокола во время грозы. По этому поводу он писал: "Не доказано, увеличивает или уменьшает звон колоколов опасность от ударов молнии, надобно только заметить, что положительно не должно звонить, чтобы не подвергать опасности звонарей"[37]. Наука, по его убеждению, должна доказать это и действительно рассеять данные и иные заблуждения.

Он стихийно подходил к диалектическому пониманию процесса поиска истины, которая, по его взглядам, не дана нам в последней инстанции, познается во все большем объеме, и человек идет от неполных знаний к более полным, постигая мир все шире и глубже. Эмпиризм естественника обладает значительной долей рационализма, признает способность опыта сообщить знанию необходимое и существенное значение. Проблема соотношения чувственного и логического познания в достижении объективной истины в его представлении означала мак-

симальную ориентацию на опыт, который убедительнее любого авторитета.

В конечном счете принципы научно-педагогической деятельности И. Н Ульянова приходили в противоречие с религией, элементы диалектики в его мировоззрении сочетались с материалистическими установками, которые складывались в определенную тенденцию к естественно-историческому материализму в рамках, хотя и далеких от ортодоксальных догматов, но религиозных взглядов.

Итак, в своих теоретических исследованиях педагог широко применял категории диалектики: причину и следствие, необходимость и случайность, содержание и форму, сущность и явление. Он стихийно обнаруживал противоречия в природных процессах, переходы количественных изменений в качественные. В его работах показана роль научных знаний в постижении различных явлений; по мере проникновения в их сущность наукой открываются законы развития материального мира, взаимная связь и причинная обусловленность явлений, всего, что происходит на Земле и во Вселенной.

3. Способы "постижения сущности"

Оценивая исследование И. Н. Ульянова по определению орбиты космического тела, профессор Ковальский как научный руководитель с удовлетворением и не без гордости за своего ученика отмечал, что "г-н Ульянов постиг сущность астрономических вычислений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов"[38]. Действительно, эти "приемы" исследования выходят далеко за пределы чистой математики: речь шла не просто о применении количественных величин в астрономии, но и новых достижений в науке.

Поскольку И. Н. Ульянов не был сознательным диалектиком, функцию философского метода при анализе им природных явлений могла выполнять стихийная диалектика, с необходимостью проникавшая в естественные науки. К числу других методов, применяемых в познании, относятся: наблюдение, эксперимент, анализ, синтез и другие. Что касается специальных методов, то они представляют собою специфическую форму общенаучного

метода (например, математический анализ как разновидность анализа вообще).

Несомненно, в поисках истины И. Н. Ульянов опирался на идеи, возникновению которых способствовали не только наблюдения и эмпирические открытия, но и успехи в математике. Создание аналитической геометрии, изобретение логарифмов и разработка дифференциального и интегрального исчислений — все это произвело в математике переворот. Суть последнего состояла в том, что в науку вошло представление о переменной, изменчивой и текучей величине. Теория функций — анализ бесконечно малых, писал Энгельс, "есть по существу не что иное, как применение диалектики к математическим отношениям"[39].

Дифференциальное и интегральное исчисления, которые применил И. Н. Ульянов при определении орбит комет, позволяли изображать математически состояния движения космических тел, устанавливать характер их траектории. В то же время одних математических методов, например, метода координат, для уяснения закономерностей движения материальных тел было недостаточно. Исследователю невольно приходилось призывать на помощь философию, и в его сочинении мы находим, в частности, элементы диалектической логики.

Сущность не лежит на поверхности явлений, по его мнению, а скрыта от взора исследователя. Более того, он полагал, что в одних явлениях стороны сущности раскрываются значимо, а в других — менее полно и даже искажено. Так, длительное время шел спор о том, падает ли молния с неба или поднимается от земли к облакам, и даже в науке молнии подразделялись на восходящие и нисходящие. И. Н. Ульянов отмечал: "Молния не может ни подняться, ни сойти, это только кажущееся явление и зависит от расположения и природы земных тел"[40]. Было доказано, что происхождение данного явления куда сложнее, чем это представляли люди, наблюдавшие за грозой.

Случаи, когда обнаруживается резкое несовпадение сущности с формой проявления, в философии связаны с категорией видимости, кажимости. Народная мудрость "не все то золото, что блестит" точно подмечала различие между внешней, показной стороной и внутренней сутью. Здесь субъективный момент, с которым И. Н. Ульянов

связывал иллюзии, заблуждения, ошибки и суеверия, по его мнению, устраняется тогда, когда познана сущность предмета. Только с появлением теории Коперника и открытием закона всемирного тяготения, отмечал Илья Николаевич, стало возможным объяснить "видимое движение Земли около оси"[41]. Он считал, что каждое явление может быть понято только посредством уяснения его сущности и на основе открытого закона.

В процессе познания сущности "кажущегося явления" И. Н. Ульянов не отрицал роли простого созерцания и писал, что на чувственной ступени познания человек имеет дело с отображением в своем сознании внешней стороны объекта. Но восхождение к истине этим не ограничивается. Он не может остановиться на полпути, полагал И. Н. Ульянов. Познание сущности бесконечно и тернисто, за случайными и второстепенными связями и отношениями оно открывает связи и отношения, необходимые, общие и существенные.

Только на второй, высшей, логической ступени познания и возможно отделение случайного от необходимого, обыденного от научного.

Так, в народе существовали поверья о происхождении зарниц, которые даже некоторые ученые, например, Т. О. Бергманн в Швеции, называли ячменными молниями, потому что они бывают обыкновенно в августе, при созревании ячменя. Опровергая подобные мнения, И. Н. Ульянов писал: "Случайное совпадение этих явлений породило мысль об их взаимной зависимости". Не ограничиваясь узкой эмпирией, наблюдениями явлений, он стремился проникнуть в их сущность.

И. Н. Ульянов объяснял, что зарницы вызваны грозой, которая так далека, что гром не достигает уха наблюдателя, когда он видит вспышку. Это те же молнии, которые не сопровождаются громом. Он рассматривал зарницы как следствие определенной причины, как "результат отражения в атмосфере обыкновенных молний, происходящих от гроз очень отдаленных". Последние и "были причиной этого явления". Он доказывал, что совершенно ясное небо — это только кажимость. "И даже опыт оправдывает это предположение, что отсутствие облаков в этих случаях было только видимое, то есть, что облака, из которых выходят эти молнии, были так высоки и так

неплотны, что их не было видно[42]. Далее Илья Николаевич объяснял причину грома без молнии: под слоем грозового облака имеется другой слой плотных облаков, не пропускающий сквозь себя свет молнии. Обобщая данные естественных наук, различая скорости распространения света и звука, учитывая расстояния от места грозы, он приходил к логическому выводу, противоположному тем заблуждениям, которые основывались лишь на простом созерцании.

Но на этом, считал И. Н. Ульянов, познание не окончено. После того, как сущность познана, правильность знаний должна пройти опытную проверку. Такой проверкой, по его убеждению, в случае с молнией должна стать выработка защитных мер против поражения электрическим разрядом. Данные меры закрепляются в правиле, которое проверяется на практике, как, впрочем, проверяются в целом физические теории. Одним из способов постижения действительности И. Н. Ульянов считал и обратное движение мысли — от сущности к явлению.

Его суждение о том, что "теория идет дальше" эмпирических исследований, проникая в сущность вещей, явлений, имеет философское значение. Такой взгляд был весьма важен для установления объективной истины в физике, астрономии и других науках, развенчания легенд и мифов, предрассудков и суеверий, бытовавших в объяснении явлений природы. Бесспорно, естественно-научные воззрения и представления И. Н. Ульянова о познании сущности противоречили "Священному писанию" и религиозной философии с ее учением о познании истины с помощью божественного откровения.

Стихийная диалектика естественника в особой форме, обусловленной областью познания, отражает те же законы внешнего мира, что и сознательная диалектика. Однако процесс проникновения ее в естествознание, как отмечает Ф. Энгельс, совершается бессознательно, а поэтому противоречиво.

4. Логика в обучении и софизмы

Элементы диалектики у И. Н. Ульянова мы наблюдаем как в исследовании им проблем мироздания, так и в решении практических задач обучения и воспитания. Они могут быть поняты в результате изучения его логических идей.

Развитие мышления учащихся, по мысли И. Н. Ульянова, — основное дидактическое требование, направленное против механического заучивания и старой системы обучения. А. А. Волков писал: "Учил нас Илья Николаевич понимать, что мышлению детей недоступны отвлеченные суждения, что им следуст давать знания в форме конкретных образов и живых картин"[43].

Метод, применяемый И. Н. Ульяновым в научном познании, противостоял господствовавшему тогда подходу к явлениям природы: за истинное обычно без доказательства принималось кажущееся очевидным и критерием служили показания человеческих чувств. Подобное отождествление кажущегося с истинным пустило глубокие корни в естествознании и других науках. И. Н. Ульянова не удовлетворили такие упрощенные представления. Он полагал, что, если данные, воспринимаемые нами от внешнего мира, неверны, то и выводы будут ложны. Поэтому необходимо не только учить детей правильно наблюдать природу, создавать у них запоминающиеся образы и представления, но и прививать им умение анализировать наблюдаемые процессы и явления, проникать в их сущность.

Строгое и неуклонное следование законам и правилам логики является, полагал он, необходимым условием ведения учебно-воспитательной работы. Вот почему педагог обращал особое внимание воспитателей на овладение ими наукой логики. Он требовал от народных учителей контроля за качеством обучения, умственным и нравственным развитием детей.

К этому же стремились и его помощники. Инспектор В. И. Фармаковский с горечью докладывал Илье Николаевичу: "Уроки объяснительного чтения должны быть уроками логического мышления, на деле же они бывают уроками бессистемной, фельетонной болтовни" (Гос. архив Ульяновской области. Ф.99, оп. 2, ед. хр. 742, л. 8). Как

показали исследования, он придавал большое значение символам, знакам в науке логики. Об этом свидетельствует переписка его сына гимназиста Бориса с Владимиром Ульяновым с помощью символов (письмо татемами).

Выступая противником механистического миросозерцания и схоластических рассуждений, непонятных людям, И. Н. Ульянов, как сторонник наглядного обучения, требовал, чтобы учителя при изучении природы применяли индуктивный метод, развивали у детей наблюдательность, добивались самостоятельных выводов из фактов. Так, сверх официально установленной программы обучения он стремился "расширить курс учения старшего возраста до следующего объема: по письму требовать от учеников логического и по возможности правильного изложения на письме прочитанного или рассказанного"[44].

При анализе явлений, по мнению педагога, необходимо умение проверять выдвинутые положения, отбрасывать ложные, доказывать истинность своих выводов. И. Н. Ульянов замечал, что здесь возможны логические ошибки двоякого рода: когда вывод делается из необоснованных положений и когда при правильных исходных данных ошибочным оказывается ход рассуждения, что приводит к неверным заключениям. В "Сведениях об учителях" И. Н. Ульянов писал, что некоторые преподаватели "при объяснении предметов не всегда соблюдают последовательность в переходе от рассмотрения одной стороны к другой и даже часто, почти без всякой нужды, перескакивают от одного предмета к другому и таким образом не имеют возможности объяснить ни одного из них[45]. В ходе рассуждения, по его мнению, необходимо иметь в виду один и тот же объект мысли, иначе рассуждение не приведет к нужным результатам.

Обращая внимание на реальное определение, раскрывающее существенные признаки самого предмета, И. Н. Ульянов на практике обнаруживал непонимание учениками многих слов. Так, они произносили термины "уния", "догмат" и другие, а между тем не в состоянии были объяснить их значение. "Точно также, — писал он, — произнося "философия", "философ", "софисты", не сказали ни одного признака, который бы свидетельствовал о понимании ими этих названий. Впрочем, один ученик про Сократа сказал, что "афиняне избрали его в философы. Нельзя также одобрить слишком точного заучивания

не содержания, а слов учебника"[46]. Он рекомендовал учителям не ограничиваться формальным усвоением детьми правил и готовых истин, а добиваться уяснения ими существа вопроса.

Логические ошибки, по мнению И. Н. Ульянова, происходят и в результате неправильного употребления омонимов — слов, имеющих одинаковое звучание, но различное значение. Так, после посещения уроков истории он замечал, что ученики неверно истолковывают слова, знакомые им только в одном значении. "Например, экипаж понимают в смысле кареты или коляски, между тем как в данном случае это означает известное число людей, принадлежащих к кораблю"[47]. Поэтому язык учителя, по его взглядам, должен быть не только научным и образным, но и доступным, понятным. Борясь с речевым бескультурьем в передаче мыслей, с многословием, педагог постоянно обращал внимание учителей на логику К. Д. Ушинского и нормы-образцы языка писателей-классиков, прежде всего Пушкина, Крылова, Некрасова и других мастеров и корифеев литературы[48].

Развитию мышления учащихся, по взглядам педагога, способствуют изучение ими природы и жизни людей, проведение опытов и наблюдений и объяснение их результатов. Так, материалы из естественной истории, по мнению И. Н. Ульянова, приучают детей к логичности, ведут к развитию устной речи, раскрытию причинно-следственных связей в природе[49].

И. Н. Ульянов сознавал необходимость убедительных аргументов, которые должны приводиться учащимися в качестве доказательства выдвинутого тезиса. После посещения уроков географии он с удовлетворением писал: "Учитель спрашивал учеников о виде Земли и доказательствах ее шарообразности"[50]. Познание природы и Вселенной, по его убеждению, не может опираться на веру.

Несомненно, педагог разделял взгляды Ушинского, у которого "логика природы есть самая доступная для детей логика, — наглядная и неопровержимая", когда учащийся "практически усваивает логические понятия: причины, следствия, цели, назначения, выводы и умозаключения и т. д."[51]. Он понимал, что без изучения естествознания невозможно познать природу человека, невозможно думать и о научном подходе к воспитанию.

Чтобы избежать ошибок в мышлении, считал Илья Николаевич, учитель должен знать правила и законы

логики. Сам он постоянно совершенствовал свои знания в этой области, применяя их в практической работе. С этой целью И. Н. Ульянов просил сына Александра прислать ему из Петербурга брошюру В. И. Обреимова "Математические софизмы"[52]. А. И. Ульянов в письме к родным 29 сентября 1884 года сообщал: "Посылаю папе брошюру "Математические софизмы", которую он желал иметь. Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы"[53].

Данное пособие содержало 50 теорем, доказывающих, что дважды два — пять, два равно трем, три больше четырех, часть больше своего целого, диаметры пересекаются не в центре круга, а на его окружности и т. п. Читатель должен был изучить их и обнаружить нарушения правил логики, сознательно расставленные автором "ловушки" и хитросплетения в доказательствах. Необходимо было найти ошибку и объяснить ее, что возможно только при точном соблюдении логических правил доказательства.

Сборник "Математические софизмы", по-видимому, присланный Александром, внимательно изучал Владимир Ульянов, решая логические задачи-парадоксы. Впоследствии В. И. Ленин упоминал "Математические софизмы" в связи с борьбой против "бундовцев", отстаивавших право автономии в партии. Он писал: "Рассуждение это относится целиком к области наглядных несообразностей, — оно похоже, как две капли воды, на те рассуждения, которые математики называют математическими софизмами и в которых, — строго логичным, на первый взгляд, путем, — доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу"[54].

В книге рассматривались также примеры, взятые из апорий Зенона[55]. Так, древнегреческий философ утверждал, что Ахилл никогда не догонит... черепаху. В доказательство он приводил аргументы: за то время, когда бегун достигнет места, где находилась черепаха до "старта", последняя успеет продвинуться на какое-то расстояние вперед, и т. д. Существует ли предел "разделенности на части" пространства, имеются ли такие расстояния, меньше которых не может быть? Возможен ли предел делимости времени? Во времена Зенона отсутствовало понятие предела, что и приводило философа к неразре-

шимым логическим противоречиям. С развитием науки были выдвинуты новые теории, в которых учитывается момент прерывности.

В. И. Ленин, размышляя над апориями, указывал способ опровержения аргументов Зенона: "Движение есть единство непрерывности... и прерывности (времени и пространства)... Ахилл не догонит черепахи. "Сначала $^1/_2$" и так далее без конца. Аристотель отвечает: догонит, если ему позволят "перейти границу"[56]. Данные апории явились важным этапом на пути развития античной диалектики и оказали влияние на новую философию, в особенности, когда речь идет об истине, которая выявляется посредством истолкования антиномий.

Полагаем, что И. Н. Ульянов во многом самостоятельно постигал логику, приучая к ней преподавателей школ и своих детей. Тем более, что в 1850 г. в Казанском университете, где он обучался, после упразднения кафедр философии, чтение курса логики было возложено на магистра богословия А. П. Владимирского.

Принципы логики, которым следовал И. Н. Ульянов, имели большое значение в развитии мышления учащихся. Они приучали мыслить точно, ясно и последовательно. Сами аргументы, по его мнению, должны быть истинными и доказанными, непротиворечивыми и достаточно обоснованными суждениями. Методы математики и естественных наук, считал он, основываются на точном изложении принципов, на строгой последовательности умозаключений, приводящих к доказательству истины. И. Н. Ульянов учил вскрывать логические ошибки. Условием достижения истины, признавался он, является знание жизни, исследование фактического материала, а изучение логики позволяет сознательно применять ее законы и на этой основе логически мыслить, сделать мышление совершенным орудием познания действительности.

Он не сомневался в том, что теория, возникшая из потребностей практики, освещает путь предметной деятельности человека. Естественно-научные представления, которые он проповедовал и развивал, во многом способствовали формированию у учащихся передового мировоззрения, правильного взгляда на мир, природу и место в них человека. Объективно, конечно, они были несовместимы с христианским вероучением.

IV. РОЛЬ И МЕСТО И. Н. УЛЬЯНОВА В РУССКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ

Русские просветители высоко ценили достижения западной и особенно французской общественной мысли, с большим интересом изучали ее. Вместе с тем просветительство, представлявшее собой "общеевропейский тип" движения мысли, имело свои российские особенности. Выразителем антифеодальной, т. е. в существе своем буржуазных идей, были не представители буржуазии, а иные социальные группы. В XIX веке идеи французской революции, проникая в Россию, не доходили до крестьян. Увлечь же они могли отдельных представителей класса дворян, против которого они были направлены. Как известно, носителем революционных идей была разночинная интеллигенция. В этой связи необходимо критически подойти к оценке И. Н. Ульянова как "просветителя", данной его родными и другими авторами.

"Чтобы понять до конца, каким человеком был Илья Николаевич, надо почитать "Современник", выходивший под редакцией Некрасова и Панаева, где сотрудничали Белинский, Чернышевский, Добролюбов"[1], — писала Н. К. Крупская. Это утверждение еще не раскрывает истины: если революционные просветители являлись социалистами-утопистами, то не следует всех просветителей ставить в разряд радикальных демократов, игнорировать характер религиозной веры некоторых деятелей.

1. Проблема оснований "философии просвещения" в мировоззрении педагога

В условиях, когда в России вера в победу крестьянской революции иссякала, и сам народ "в эпоху 1861 года" еще не был готов к широкому организованному восстанию, на

что возлагали надежду народовольцы, И. Н. Ульянов выступал в защиту просвещения народа. По достоинству оценивая мыслительную способность человека, он верил в титаническую силу просвещенного разума, в идейные мотивы деятельности людей как главную причину исторического развития, не вышел во взглядах на общество из рамок идеализма. Эту точку зрения разделял его друг В. М. Стржалковский. Показывая значение статей "Родного слова" К. Д. Ушинского, он видел в них средство, с помощью которого "удобно сделать вывод о силе человеческого разума"[2].

Борясь за идеалы добра и справедливости, И. Н. Ульянов понимал, что общество просвещенных, гармонически развитых людей — дело будущего. В 60-х годах он верил в добрые намерения царя. Для него Александр II был царем-освободителем. Илья Николаевич принадлежал к тому слою русского общества, в котором отмена крепостного права была воспринята как гуманный акт монарха. "Это были честные, но, увы, наивно верившие в "помазанника божия" люди, — пишет Н. Ф. Григорьев, — совсем не приспособленные к политическому анализу событий"[3]. Однако данная оценка утопии И. Н. Ульянова требует существенного уточнения.

Как известно, Н. К. Крупская, подвергая критике концепцию об И. Н. Ульянове как "мирном деятеле просвещения, не имевшем вкуса к политике", замечала, что подобная характеристика вряд ли соответствует истине, что не следует изображать И. Н. Ульянова как "противника революционного движения", тем более что политика в то время "была не то, что в годы позднейшие"[4]. Впоследствии И. Н. Ульянов на практике убедился, что его беспредельная вера в мирный прогресс обернулась на деле иллюзией. Его детям было известно, что он воспринял восторжествовавшую реакцию 80-х годов в России как крах дела всей своей жизни; деспотическое царское правительство отрезало всякий легальный путь к свободе. После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) последнее жестокими преследованиями, казнями и провокациями разгромило организацию "Народная воля". Другого царя, Александра III, И. Н. Ульянов в душе уже не мог назвать освободителем. "Он указывал потом с мрачным видом на более суровую реакцию при Александре III, — реакцию, сказавшуюся и на его деле"[5], — отмечала А. И. Ульянова-Елизарова.

Нам могут возразить: достаточно высокопоставленный деятель в сфере народного образования, дослужившийся до дворянского звания, что удавалось не всем, И. Н. Ульянов каких-то особых трудностей на службе не испытывал. В действительности же дело обстояло не так. В этой связи следует уточнить, в каком смысле М. И. Ульянова говорит, что отца в городе "называли большим либералом"[6]. Здесь понятие "либерал" употреблено в обыденном смысле слова — мягкий, терпимый. Если, говоря об И. Н. Ульянове, употреблять слово "либерал", то следует вернуть ему изначальный смысл — свободомыслящий, верящий в свободу, равенство, торжество разума. Заметим, кстати, что В. И. Ленин употреблял понятия "либерал" и "демократ" не в обыденном смысле, а только в политическом, классовом аспекте.

Н. К. Крупская, ради объективной истины точно передававшая рассказанное Лениным, писала: "Отец Владимира Ильича был шестидесятником, т. е. человеком, ненавидевшим крепостное право"[7]. "Шестидесятниками" принято считать передовых представителей разночинной интеллигенции, последователей Н. Г. Чернышевского. В этом ключе характеризуют Илью Николаевича и другие родные.

Однако надо признать еще недостаточно разработанной в литературе тему об И. Н. Ульянове как просветителе. По этому вопросу высказываются различные точки зрения. Одна из них представлена А. Л. Карамышевым и другими авторами, согласно которым И. Н. Ульянов является "просветителем 60-х годов"[8]. Логика рассуждений А. Л. Карамышева направлена на то, чтобы убедить, будто И. Н. Ульянов, оставаясь верующим, вполне осознанно становился в конце концов "на сторону мыслителей-материалистов", революционеров-демократов. Бесспорно, Илья Николаевич был в числе тех немногих разночинцев, кто выражал "наследство 60-х годов" в народном просвещении. Но причислять его к революционным просветителям без оговорок, утверждать, что "солидная материалистическая традиция" является фундаментом его педагогической системы, — значит отходить от исторической истины.

Понятие "просветитель" мы берем в том значении, которое ему придавал В. И. Ленин. Просветительство было для него символом нерасчлененной антикрепостни-

ческой идеологии. Черты "просветителя" Ленин усматривал в том, что он "одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области"[9]; его отличает защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни; наконец, "просветитель", согласно Ленину, отстаивает интересы народных масс, главным образом крестьян, будучи уверен, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благо. В этом значении слова к "просветителям" может быть отнесен и сторонник социализма, каким был Н. Г. Чернышевский, и буржуазный идеолог, как писатель Ф. П. Еленев (Скалдин). Это понятие еще не определяет политической принадлежности деятеля.

В 60-х годах произошло размежевание в русском Просвещении: радикальное крыло во главе с Н. Г. Чернышевским провозгласило революционно-демократическую и социалистическую программу, стало на сторону крестьянства. От них отмежевалось либеральное течение, напуганное крестьянским движением и отчасти удовлетворенное реформой. Это было время ожесточенной идейной борьбы между демократами и либералами. Тенденция же сглаживания этих противоречий была характерна в период 80-х годов для либеральной публицистики. В. И. Ленин был противником подобных сглаживаний противоречий данной эпохи. Имея в виду "наследство 60-х годов", он заявлял, что "считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов"[10].

Исходя из вышесказанного, не правильнее ли будет трактовать педагогическую концепцию И. Н. Ульянова как демократическую форму просветительской идеологии XIX века? Вследствие того, что в стране сохранялись пережитки старого, самодержавного строя, замедлявшие буржуазное развитие общества, просветительский склад в русской передовой мысли с ее демократическими тенденциями проявлялся и после 60-х годов — в течение всей второй половины XIX века. Он был свойственен не только революционным демократам, но и некоторым представителям разночинной интеллигенции, в частности тем, которые связывали свои общественные идеалы с перестройкой народного образования.

В отличие от либеральных земских деятелей И. Н. Ульянов благодаря передовым взглядам и подвижничеству

хранил и проводил в жизнь традиции русской демократической мысли 60-х годов. Осуществленная им система обучения и воспитания, по мнению его помощника инспектора К. М. Аммосова, "и в теории и на практике строго согласовалась с народным идеалом"[11]. Воспитанный на идеях русских просветителей 60-х годов XIX века, побуждаемый высокими идеалами, И. Н. Ульянов посвятил свою жизнь служению народу, его просвещению, способствуя пробуждению сознания крестьян. Мы не ошибемся, если скажем, что его симпатии были на стороне радикальных демократов, и в семье он во всяком случае не препятствовал политическим спорам по данному вопросу. Он "очень сочувственно относился к революционному движению"[12], — вспоминает В. В. Кашкадамова. Ему была свойственна глубокая вера в народ и скрытые в нем силы. И. Н. Ульянов не говорил о противоречиях классов и был умерен в своих политических взглядах, являясь представителем когорты разночинцев, для которых просветительская деятельность служила благодатным полем воспитания народа.

Поэтому не следует в приведенных высказываниях об И. Н. Ульянове, которые исходили даже от его родных, усматривать идеологию "просветителя 60-х годов". А разве педагогическую концепцию русских революционных просветителей 40—60-х гг. XIX в. можно свести к той скромной "философии просвещения", которую развивал И. Н. Ульянов? Здесь сложное понятие "просветитель" по отношению к И. Н. Ульянову превращается в банальный термин, не подкрепленный даже намеками на анализ общего и особенного, на сопоставление его идей с философской системой русского Просвещения.

Революционные просветители цели познания видели в коренном изменении жизни и с этих позиций придавали особое значение просвещению народа как средству завоевания свободы, уничтожения всех форм гнета. Ставил ли подобные цели перед школой И. Н. Ульянов? Нет.

Между тем, идеи Добролюбова о воспитании были для И. Н. Ульянова руководством к действию, близки и понятны мысли из "Луча света в темном царстве" и др. сочинений, в которых философ выступил против произвола господ, унижающих человеческое достоинство, против клеветы на "русскую натуру", на народ, подверг критике комедии, написанные по повелению царя против

раскольников, в которых раскольника всегда выставляли диким и бессмысленным чудовищем (см.: Добролюбов Н. А. Избр. филос. соч. Т. II. М., 1946, с. 353). К чести И. Н. Ульянова, он к староверам относился с позиций демократа и просветителя.

Как известно, в середине XVII в. часть духовенства, возглавляемая протопопом Аввакумом, выступила против реформ церкви Никоном. Протопоп обличал пороки официальной церкви, царские "неправды" и порядки на Руси, звал хранить старину и чистоту веры. Часть раскольников утверждала, что благость утрачена и ожидала исполнения пророчества Апокалипсиса. В эсхатологии старообрядчества, в учении о пришествии Антихриста, который появляется в роде православного царя, отразились оппозиционные настроения различных слоев общества. Их апология старой веры сопровождалась враждой к просвещению и науке. Протопоп выступил против древнегреческой философии, полагая, что она — порождение человеческого ума и основа различных "лукавых догматов", что надо руководствоваться верой, а не разумом.

На распространение их влияния в Поволжье оказало появление здесь беглых крестьян, народные восстания, охватившие Симбирскую губернию. В рядах поднявшихся на борьбу против дворян было много старообрядцев, вовлеченных обещанием Пугачева жаловать крестьян "бородою и крестом" (двуперстием). В Алатырском, Сызранском, Курмышском и других уездах они распространяли свое учение среди коренного населения. И не безуспешно. По данным "Московских ведомостей" 1864 г. (10 апреля, № 81), в Симбирской губернии было более 50 тысяч раскольников. Староверы, не принимавшие священства, покушались на устои семьи. Отрицание брака, который считался сектой федосеевцев "блудом, делом сатанинским", их преступления (умерщвление младенцев) и учение, направленное против государства (они не молились за царя), обратили внимание и вызвали беспокойство властей. Губернатор получил "наставление" строго следить за всем, что обнаруживается в сектах.

Изучая противостояние старообрядцев просвещению, И. Н. Ульянов в числе причин "грустного явления, задерживающего, без сомнения, развитие грамотности в массе сельского населения" называет следующее обстоятельство: "в некоторых селениях много раскольников, которые неохотно посылают детей в школу". Вместе с тем он

признавал, что под влиянием растущего авторитета земств и развития просвещения изменялась психология крестьян. Он одобрял их духовное преображение, стремление к познанию мира. "Равным образом мне хочется сказать и о следующем факте, — пишет И. Н. Ульянов, — отец ученика 1-го класса Бычкова, принадлежавший сначала к числу раскольников, заявил законоучителю училища, что он больше не желает числить своего сына с остальным семейством в раскольниках, потому что, "говорил отец Бычкова, расспрашивая его сына, чему и как его обучают в школе,.. я увидел ложность своих прежних религиозных убеждений". Факт этот выражен сам по себе без всяких прибавлений и комментариев"[13]. Однако он говорит о многом, о чем не мог сказать И. Н. Ульянов. Развитие капитализма в деревне и образования ускорило процесс секуляризации, отчетливо обнаруживалось освобождение общественных групп, сознания и поведения и образа жизни людей от влияния старообрядчества.

Целью воспитания И. Н. Ульянов ставил подготовку средствами просвещения интеллектуально и нравственно развитой личности. Существенно учесть закономерности становления типа просвещения в их конкретных проявлениях, демократические традиции в деятельности педагога-новатора, "двигателя земства", которому были близки и понятны мысли шестидесятников и К. Д. Ушинского о воспитании. Будучи умеренным демократом, он проповедовал и развивал многие их идеи.

2. Человек как субъект морали. Вера перед судом разума.

Демократические принципы И. Н. Ульянова наиболее полно выражены в его педагогической системе и общественной деятельности, содержащих не только ценное наследие прошлого. Доказано, что он всю свою сознательную жизнь оставался приверженцем новой теории воспитания, разработанной русским и западноевропейским Просвещением, у которого было много общего. Просветители, чуждые классового своекорыстия, искренне верили в общее благоденствие, желали его наступления, которое человечество ожидает благодаря развитию просвещения, науки и культуры.

Социальные утопии русского Просвещения как элемент его идеологии исповедовал в своей просветительской деятельности И. Н. Ульянов. Он не мог оставаться глухим к освободительному движению и вызванной этим движением тяге народа к знаниям и шел в народ, стремясь познать и его идеал. А какой идеал предлагало христианство? "Блаженны нищие духом, ибо их Царство Небесное"[14], — говорится в Нагорной проповеди Христа. Они якобы получают высшую степень духовного наслаждения. А что предлагает нам И. Н. Ульянов?

Развитие духовных сил человека как средство борьбы с наследием крепостничества. Так, "я обращал особое внимание на верность изложения всего того, пишет И. Н. Ульянов, что происходило" на съезде народных учителей (1873), в особенности, реферат П. П. Малеева, "возбудивший продолжительные прения". В нем отмечалось: "Страдает не одна какая-либо сторона жизни крестьянина, страдают по большей части обе: и нравственная, и экономическая... Что его верования загромождены массой суеверий, это известно давно; что его духовная сторона нисколько не пробуждается и совершенно не затронута, это также известная истина... И так на нашу школу возлагается важная задача: дать нравственное побуждение к борьбе с невыгодными жизненными условиями и дать уменье, чтобы это побуждение не осталось одним невыполненным порывом... Другими словами: на школу возлагается обязанность... развить все духовные стороны ученика, чтобы приготовить человека, сильного духом, и научить его известным знаниям, чтобы приготовить человека, сильного умом. Это прямая цель всякой народной школы"[15]. При этом ум представлялся как мыслительная и познавательная способность человека.

Идеи просвещения, овладевая умами разночинной молодежи, звали ее на борьбу за переход к новому качественному состоянию общества, призывали работать для будущего и приближать его. И. Н. Ульянов надеялся, что развитие науки, получившей мощный толчок в связи с ростом промышленности, торговли, откроет светлый путь к всеобщей справедливости. "В образованной среде нередко господствует мнение, — писал он, — что при бедной обстановке народной школы никакой прогресс невозможен. Этому мнению надо было противодействовать, что оно опровергается примером многих школ,

которые при ничтожных средствах достигли весьма удовлетворительных результатов"[16]. Его оптимизм основывался на его активной реформаторской деятельности в сфере просвещения. Он объективно был направлен против рутины и застоя во всех областях социальной жизни. И. Н. Ульянов стремился улучшить социально-экономическое положение крестьян и был убежден в том, что "слово" может оказать в этом отношении решающее воздействие. Его научные идеи были направлены против иррационализма, равнодушного к жизни человека труда, его нуждам, и противостояли либеральным химерам, уводящим людей от реальной действительности, от активного действия к иллюзорным надеждам.

И. Н. Ульянов был совершенно уверен в том, что путем просвещения, распространения истинных и критики ложных "мнений" можно покончить с дурными нравами людей, установить разумные отношения, "изменить обстановку горя, нищеты, умственного невежества". Необходимость признания закона Божьего для детей, считал он, определяется практическими, моральными соображениями. Как пишет В. А. Калашников, помещики задавали И. Н. Ульянову вопрос: "А чему вы их будете учить?". "Илья Николаевич волей-неволей должен был давать им прямой и исчерпывающий ответ: вести народное образование, пробуждая его (крестьянина. — К. П.) дремлющий ум к наукам на основе его религиозного воспитания... Этим он обезоруживал встревоженное настроение мамонта, но последний не хотел видеть рассадника вольности и крамолы в своем имении в будущем". Начальство, отмечает Калашников, его "недолюбливало за простое, душевное отношение к крестьянам, за его полную доступность во всякое время для учителей и учительниц, называло вольнодумцем" (И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. М., 1989, с. 245—246). Очевидно, религиозное воспитание рассматривалось И. Н. Ульяновым не как самоцель, а как средство обеспечения социального влияния, авторитета и проповедования своего учения, развития человека, его разума вне "рамок веры". Не случайно власти и духовенство по отношению к нему таили неприязнь, которая впоследствии превратилась в открытую вражду. И. Н. Ульянов оказывался между Сциллой и Харибдой, и их опасность подстерегала его всю жизнь.

Его свободомыслие выступает не как система взглядов, а как совокупность отдельных идей, идущих вразрез с религиозным мировоззрением. Основой его явились естественно-научные знания, овладение которыми, по И. Н. Ульянову, является необходимым условием развития ума и характера. Он стойко отстаивал для разума свободу в поисках истины. В русле свободомыслия лежала его борьба против обскурантизма, опирающаяся на рационализм и идею опытного познания природы.

Он не ограничивался религиозным воспитанием. Воспитание, говорил П. П. Малеев на съезде народных учителей, руководимом И. Н. Ульяновым (1874 г.), "обнимает собою все стороны: физическую, умственную, эстетическую и нравственную". В основе этого вывода лежала **концепция о единстве человеческой природы, согласно которой духовная сущность человека не противопоставляется телесной**. Проблема способности к высшим проявлениям духовных сил ..расной нитью проходит у самого И. Н. Ульянова, который отстаивал требование свободного, широкого и всестороннего развития людей как в области естественных, так и гуманитарных наук. Выступая против узкоспециального воспитания, он рассматривал общее образование как средство формирования правильных взглядов на мир.

Его оценка роли духовенства в области народного просвещения была неоднозначной. Некоторые священнослужители, по его мнению, честно выполняли свои обязанности законоучителей, вели в школах кроме основного предмета другие специальные дисциплины, иногда безвозмездно учили детей грамоте. И. Н. Ульянов, отмечая их усердие к делу народного образования, похвально отзывался о них, ставил их в пример. Так, в "Обозрении инородческих народных училищ" (1871 г.) он писал об Александре Рождественском, воспитаннике Симбирской духовной семинарии, который "ведет дело обучения с умением и усердием, вполне сознавая важность обязанности народного учителя" (Ульянов И. Н. Избранное, с. 91). Знание им чувашского языка повышает качество его труда по обучению чувашских детей. Между наставником и учениками существуют весьма хорошие отношения, заключал И. Н. Ульянов. Добавим, учитель владел психологией, логикой, историей философских учений, философией, педагогикой, циклом богословия. А все ли так знали свое искусство обучения и вели свое дело?

Это тем более, что ему были известны факты иного рода, пагубного влияния российской действительности на духовенство, когда некоторые "благочинные" не только недобросовестно относятся к своим обязанностям, не отличаются добродетелями, на уроках утверждают о заповедях Божьих, а в поведении руководствуются совсем иными постулатами.

И. Н. Ульянова не могли не возмущать пьянство, чревоугодие, прелюбодеяние, корыстолюбие некоторых пастырей. Он выговаривал им, призывал к почитанию христианских заповедей. Не случайно он в "Отчете" (1879 г.) писал о том, что существенно "страдает религиозно-нравственная сторона воспитания", а закон Божий в большинстве школ "к сожалению, ... как и прежде, не вполне соответствует своему назначению и не имеет того высокого воспитательного влияния, какое по справедливости должно принадлежать ему". Причины этого явления, по мнению инспекторов, лежат в недостатке усердия законоучителей и в полном равнодушии сельского духовенства к развитию и укреплению нравственной религиозной жизни в среде народа. Познания учеников самые ограниченные, отмечал В. М. Стржалковский, молитвы читали "без всякого понимания", а 52 пастыря большей частью не имеют понятия о том, как преподавать данный предмет. "Когда я говорил некоторым священникам, — сообщал он, — что следует приучать детей к передаче мыслей своими словами, они чуть не заподозрили меня в вольнодумстве" (Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1875 год. Симбирск, 1876, с. 186). О пристрастии к Бахусу причетника (дьячка. — К. П.) Павла Богоявленского инспектор писал: "Не умеет совершенно учить и притом... ведет нетрезвую жизнь, что отчасти подтверждается тем, что уже в 10 часов утра, когда я был в Красно-Сосновском училище, г. Богоявленский был выпивши" (там же, с. 147—148). Епархиальное начальство принимало меры наказания нарушителей дисциплины, однако нередко безуспешно.

Все это и растущая оппозиция со стороны помещиков и отцов церкви не давали И. Н. Ульянову возможности критически осмыслить причины духовного оскудения некоторых священников, падения их авторитета в воспитании.

Между тем, в Симбирске знали и об отступничестве старообрядцев от норм христианской морали. Думая, что со времен Никона благодать улетела на небо, сектанты все надежды возлагали на свою общину. Они, хотя и соблюдали посты, охотно извиняли распутство женщинам. По мнению С. И. Введенского, опасность для православия исходила и от мистических сект. Так, хлысты учили общению с Богом до тождественного слияния с ним, не верили в Священную историю. Они якобы познали Духа Святого, который сходил на апостолов. Один из создателей сект уверял своих последователей, что "он видит и знает все тайные помыслы других, знает и будущее, посему называл себя пророком и усиленно заботился о поддержании веры в свое пророческое достоинство"[17].

В их идеологии отразились не просто протест угнетенных крестьян, темнота и невежество, но и настроения пессимизма и отчаяния, бессилие перед миром социальной несправедливости.

Борясь против крепостнической системы воспитания, И. Н. Ульянов ставил под сомнение и то, что принималось им до сих пор на веру. Он выражал обоснованные опасения по поводу крайностей религии, злоупотреблений части духовенства, несущих угрозу просвещению. И. Н. Ульянов не мог закрывать глаза на то, что православие, проповедуя равенство людей перед Богом, оправдывает телесные наказания, освещая их именем Божьим. Священники нередко нарушали тайну исповеди, устраивали доносы на учителей. По свидетельству родных, он осуждал, что православная церковь травит народных учителей, выступавших против религиозного фанатизма и самодержавия. Его скептицизм в отношении святости церкви и ее установлений об образовании вполне обоснован. "Берегите школу от церковно-поповских и других уклонов, а главное — развивайте ум ребенка, — говорил И. Н. Ульянов. — Придет время, он все осознает сам без всяких посторонних натаскиваний"[18]. Эта высокая цель обучения ничего не имела общего с той задачей по контролю за ним, которую выполняли законоучители, воспитывая детей в страхе Божьем.

Надо сказать, что до назначения И. Н. Ульянова инспектором народных училищ Симбирский губернский училищный совет возглавлял епископ Евгений, религиозный фанатик. Его появление здесь на архиерейской ка-

федре было неслучайным. Рассказывали, что московский митрополит Филарет, прославившийся в свое время молебном "за спасение от крамолы", которым отметил казнь декабристов, лицемерно говорил своим приближенным: "Посылаю в Симбирск ангела мира". Его посланник оказался человеком в высшей степени набожным, неуклонно проводившим линию Св. Синода. Этот "ангел мира" весьма ревностно следил, чтобы демократические идеи и естественно-научные знания не проникали в школы. "Он строго соблюдал устав и правила церковного богослужения, — отмечали очевидцы, — сам совершал его с благоговением и страхом Божьим и других призывал к тому же"[19]. Не дозволял исполнять такие песнопения, в которых усматривал хотя бы в малой степени мирской, светский характер.

Религиозное мировоззрение И. Н. Ульянова не являлось для него неоспоримыми убеждениями, содержало рациональную основу. Просвещенный разум пытался рассматривать веру в контексте познания истины. Наука, по мнению И. Н. Ульянова, не может полагаться на очевидные достоверности. Для него П. Лаплас ближе, роднее, чем абстрактный Бог. Приемлемым существом был конкретный Бог, Иисус Христос, не просто в трех ипостасях. **Христа он почитает (больше)** не как сына Божьего, а **как страдающую личность и проповедника добра, апеллирующего к разуму человека**. Религия импонировала ему своими этическими принципами, рассматривалась как средство для улучшения народной нравственности. В ней он видел некоторые социальные идеи, в том числе простые общечеловеческие нормы нравственности и справедливости. Как и в "Иудейских древностях" И. Флавия, которые интересовали И. Н. Ульянова, его Иисус является праведным человеком, мудрым учителем людей, радостно воспринимавших возвещенную им истину. Кстати, Гегель видел заслугу Христа больше "в исправлении искаженных правил человеческого поведения и в познании подлинной нравственности и чистого служения Богу"[20]. Считал, что лишь немногие догматы прежних исповеданий сохранили свое былое значение, а Спаситель играет прозаическую роль.

Не отвергая прямо Бога, И. Н. Ульянов признает Христа как олицетворение общественного служения, отличавшегося энергией характера, стойкостью убеждений,

ради которых сын Божий задумался пожертвовать жизнью. Вместе с тем, говоря о Христе Спасителе, он считает, что спасение возможно и без благодати, и мысли и чувствования человека-творца "в минуту вдохновения только свободно развиваются". Условием спасения допускает свободу воли и верит в него вне церкви. Не занимаясь трактовкой догмата Св. Троицы, упоминает о жизни Христа, связывает это понятие с рождением, т. е. возникновением во времени. Его представление о Троице расходилось с христианским вероучением. **В них Христос является без Бога-Отца, богочеловеком, как нечто в принципе телесное. А это было неприемлемым для ортодоксального мировоззрения.** На уровне здравого смысла воспринималось им и третье лицо Троицы — Дух Святой. "До Святого Духа не снимай кожуха, а по Святом Духе в том же кожухе", — говорил И. Н. Ульянов (И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. М., 1989, с. 297). Это означало и после праздника Троицы следуй Святому Духу, моменту его животворящей функции. Правда, и в евангелиях духи выступают в телесном образе (голубем при крещении Иисуса) искусителя и демона, имеют земной облик.

Нет оснований утверждать, что И. Н. Ульянов разделял версию о реальном событии, связанном с Троицей, согласно которой в сошествии Духа Святого на апостолов участвовали все три ипостаси божественной Троицы. **Истина же овладевает народами не через апостолов путем откровения, считал он, а постигается логическими средствами новых учителей, несущих свет знаний, основанных на опыте.** Сохраняя силу духа, он включал в данное понятие все, относимое к душе человека, которая всего дороже. Ему была понятна мудрость: Шуба овечья, да душа человечья. Особое внимание он обращал на умственные силы, их связь с добронравием. Термин "ум" применял для обозначения способности мыслить и непременного условия успехов трудовой деятельности, в необходимости развития которых видел цель воспитания.

Поднимаясь над эмпиризмом здравого смысла, И. Н. Ульянов смело осуществлял на практике теорию К. Д. Ушинского, учебники которого "Родное слово", "Детский мир" рассылал учителям. Он предлагал вводить в обучение рациональное в познании, обращая внимание на развитие мышления у детей. Наука, по его мнению, вскрывает заблуждения ума. А эти заблуждения искал в

незнании фактов, рассматривая последние в качестве аргументов в обосновании истины.

Что касается его религиозных убеждений, то в них ум, воля, чувства — качества, которыми обладал и сын Божий — Иисус Христос. Испытывая воздействие церкви, пытавшейся сакрализовать сознание всех людей, И. Н. Ульянов упускал существенное: как Господь желает спасти от бремени первородного греха раскаявшуюся душу. Он лишь постулирует сентенции о "Символе веры". Правда, его религиозная ориентация была подчинена другим, поведение определялось реальными условиями жизни и его больше интересовало совершенствование методов обучения.

Он не мог не обнаружить в христианских заповедях противоречий. Оказавший отличные успехи в знаниях закона Божьего, Священной и церковной истории, он тем не менее умалчивает о том, что Иисус пришел на землю не мир "принести, но меч", и Сын Божий не допускал смирения, если дело касалось веры в него как посланника Всемогущего. Ученик апостола Павла говорит о Христе: А "кто любит отца или мать более нежели Меня, не достоин Меня" (Матф., 10, 34—37). Между тем критики В. И. Ульянова (Ленина) уверяют, что учение Христа в отличие от философии первого отвергает человека от насилия.

И. Н. Ульянов не мог принять насилие как метод воспитания. Понимал, что церковь не всегда правильно истолковывала учение Христа, мечом добиваясь признания этого учения как высшей истины, ведущего к царству Божьему. Знал, какими средствами достигалась ее цель в борьбе со свободомыслием. Не упоминая Христа в качестве мессианского царя, он не строил иллюзий в отношении его как освободителя. Не прибегал и к категории эсхатологии. Его мир знаний вращается вокруг природы человека, у которого, по его взглядам, разум свободен в борьбе с заблуждениями. В целом он с некоторым недоверием относился к роли духовенства в просвещении.

Представления И. Н. Ульянова о нравственности покоятся на рациональной основе "Все в нем — его речь, сама личность, проникнутая верой в силу знания и добро, — пишет М. И. Ульянова, — действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души"[21]. По его мнению, добро тождественно пользе, и

добродетельный человек живет заботами о народе. Что касается зла, то оно исходит не только от человека, но и от слуг Божьих: премудрый Бог создал дьявола.

Нет, в христианском вероучении источник нравственности Бог, в котором человек якобы находит причину своего бытия, а зло исходит от человека, злоупотребляющего свободой воли. **Дьявол же имеет двойственное значение, порождающий внутренние противоречия христианского мировоззрения, которые обнаруживаются и в миросозерцании И. Н. Ульянова**. Согласно Св. писанию, лукавая личность, называемая дьяволом, с одной стороны, враг Бога, воплощение злых и темных сил, организации злых духов во главе с сатаной, с другой стороны, она его союзник, юстиция и карающий орган, наказывающий грешников, наводящий на людей паническех страх. Бог же не в состоянии побороть дьявола, хотя ведет против него ожесточенную борьбу.

Чтобы избежать гнева и кары Всевышнего, вмешательства сатаны в земные дела, И. Н. Ульянов использует в борьбе с последним иные средства, противоположные тем, что предлагало христианство, которое требовало надежды на Бога, молитвы, веры, страха Божьего. Хотя он определяет молитву как "средство нашего обращения к Богу и святым", не мог сказать, ради каких целей применяется она, ограничившись абстрактными рассуждениями о религиозном воспитании.

Его представления о ней далеки от богословских объяснений о спасении человека. Он не говорил о воздействии магической силы на добрых и злых духов, использовании молитвы в целях прославления земных "благодетелей", которые в действительности были палачами народа, карающими бунтовщиков. Разум и вера показывали ему, что это было средством обращения к Богу не как к карающему, а как любящему.

Надо сказать, что уподобление Анной Ильиничной веры отца религиозному чувству В. А. Жуковского не имеет доказательной силы. Вывод по аналогии дает лишь вероятные заключения, а не истину. Он был бы состоятельным, если бы было выявлено сходство в существенных признаках. А таким признаком является отношение верующих к сверхъестественному. **Если у Жуковского присутствует акт творения и ему "чудится хвала творцу мира" (стих. "Жаворонок"), то И. Н. Ульянов лишает**

Всевышнего данной функции. Тем не менее, сходство их религиозности было. Поэт оказал влияние на формирование представлений молодежи о спасении, картине мира и т. д. Его идеал раскрывается также через противоречия. С одной стороны, Жуковский сочувствовал немецким просветителям, сохранившим в своем творчестве рационализм и пафос нравственного совершенствования, отвергавшим мораль феодалов с ее формулой: "Цель оправдывает средства". Их этика отрицала сказки о рае и аде, высмеивала пороки общества (Ф. Шиллер). Способствовала созданию романтических образов природы, лишенных религиозных мотивов.

С другой стороны, философские воззрения поэта как консервативного романтика все более уступали религиозным, которые развиваются в 20—40-х гг. с его назначением наставником наследника престола. Уже баллада "Светлана" (1812) проникнута нравственным наставлением: "Не хочу и славы: слава — нас учили — дым; свет — судья лукавый... Лучший друг нам в жизни сей вера в провиденье" (Жуковский В. А. Баллады. М., 1982, с. 30). А вера в промысел Божий снижала творческую активность человека. Не случайно у автора сомнение в милосердие святого отца ("Суд Божий над епископом", 1831). Даже сам Бог изменяет человеку труда (баллада "Кубок", 1831). Согласно легенде, царь обещал золотой кубок в награду тому, кто извлечет его из глубины вод. Юноша выполняет его волю и славит царя и Спасителя, которому приносит молитву. Государь же повелел достать брошенный в море перстень с алмазом, обещая смельчаку, кроме перстня, в жены свою дочь. Пловец снова в поисках счастья. Но на сей раз Бог покинул его — ныряльщик погибает. Правда, в отличие от некоторых немецких писателей, считавших причиной гибели героя пловца его жадность, **Жуковский проводит идею трансцендентного: человеку в принципе недоступно знание всего, что согласно божественной воле, находится за пределами человеческого разумения.**

Меньше рассчитывая на молитву в деле спасения души от наваждений, внушаемых злой силой, и отрицая насилие, И. Н. Ульянов возлагал надежды на могущество человеческого разума, просвещение. Как свидетельствует А. А. Волков, в 1878 году поздним ненастным вечером его посетил ночной гость. Услышав стук в дверь, он заговорил

сам с собой: "И кого это черт несет!" Последовал ответ: "Кто в такую погоду может мыкаться по свету, кроме вашего директора Ульянова, только без провожатого злого духа"[22]. Не вдаваясь в премудрости значения зла в истории, когда оно рассматривается как отрицание — необходимый элемент движения к познанию истины, Илья Николаевич по-доброму посмеялся над их неожиданным разговором, и речь зашла об обучении. Впрочем, он считал, что следует принимать решение со знанием дела, не прибегая к потусторонним силам, подвергая все суду разума. А как отмечает С. С. Медведков, И. Н. Ульянов хранил "твердое убеждение в торжестве добра над злом, пламенную любовь к семье и искреннее желание всем добра". Не мог не заметить, что Священное писание само противоречит, утверждая всемогущество Бога. Бог хочет, чтобы все люди были спасены, но мало кто спасается, а некоторые продают свою душу дьяволу. Где же здесь возрождение принципов христианской морали? Одни лишь претензии на абсолютную ("божественную") истину в последней инстанции.

Между тем **в религиозном мировоззрении И. Н. Ульянова были и внешние противоречия**. Судить о его взглядах лишь, исходя из принципов христианской морали, предписаний, было бы односторонне. Нельзя отождествлять религиозный идеал и поведение верующего. Далеко не все поступки народного просветителя были совместимы с вероучением. Его религиозность не влияла определяющим образом на оценку явлений действительности, его образ жизни и систему просвещения. **Данные противоречия проявились в фактах несовместимости его религиозных представлений и научных данных (о естественной истории и Вселенной, системах мира, воле Божьей и человеке и т. д.)**. С одной стороны, его следование христианскому вероучению как "идеальным" принципам. С другой стороны, законы Божьи, по его взглядам, противостоят земной практике. "Заземление" его интересов, целей и средств деятельности больше отвечало потребностям развития пореформенной России.

Причина зла в конечном счете не в греховности людей, за что они несут наказание, убеждался И. Н. Ульянов, а в их невежестве, в отсутствии разумного воспитания, и люди ничему не верят так твердо, как тому, о чем они меньше всего знают. А в религиозной вере, связанной с

переживаниями и не обоснованной логически, разум человека играет третьестепенную, подчиненную роль. Церковь прибегает к нему лишь как средству формулировать догмат. Поэтому не следует упрощенно судить о том, что, несмотря на узаконенную доктрину религиозного воспитания, педагогическая система И. Н. Ульянова в основе была светской, и за то, что под флагом просвещения проводила идеи радикальных демократов, подвергалась нападкам со стороны реакции. Мировоззрение верующего было сложным и противоречивым.

3. Гуманизм и свобода совести

До сих пор мы рассматривали мировоззрение И. Н. Ульянова как общественный феномен, свойственный верующему педагогу. Процесс развития знания вынуждал его включать в свою картину мира данные науки. Вопреки учению, провозглашавшему, что долг — проявление "божественного нравственного закона", воля Божья, а совесть — "Божий голос", принципы И. Н. Ульянова предполагали сознательное выполнение человеком своих обязанностей гражданина перед обществом, и в них нет ничего мистического. Согласно им, писал он, необходимо "давать больше реальных знаний", которые утверждали земной источник моральных норм.

Он видел цель своей жизни прежде всего в бескорыстном служении народу, был образцом нравственной чистоты, "человеком идейным и гуманным, одухотворенным лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х гг.", — пишет М. И. Ульянова. Во имя народного просвещения "он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил"[23]. Как видно, отец не ведал страха перед земными и небесными владыками, и его чувство совести направлено не в сторону иллюзорного объекта (сына Божьего), а в сторону человека.

Не случайно богословы уклоняются от исследования совести как способности личности осуществлять моральный самоконтроль, определять с позиций добра и зла отношение к своим и чужим поступкам, оценивать их, требовать выполнения долга, побуждать к деятельности. Им было невыгодно представлять совесть в данном свете

властителя: она "наших дел закон и обвинитель, свидетель и судья" (В. А. Жуковский). Тем более, что в христианстве факты разрыва между словом и делом налицо: каким бы отвратительным не было поведение человека, его можно простить через покаяние. А у фанатика любые поступки не вызывают в нем угрызений совести, если они угодны Богу. Между тем покаяние, исповедь и пр. в религиозном культе как и "истины" вероисповедания не являлись сакральными для И. Н. Ульянова, личности с высокоразвитым чувством и сознанием совести, носителя человечности и справедливости. По его убеждению, добродетельный человек совершает нравственные поступки постоянно. Помимо знания блага требуется еще время для воспитания. Как одна ласточка не делает весны, один поступок не определяет истину морального поведения.

И. Н. Ульянов глубоко сожалел, когда его благородные устремления в просвещении встречали сопротивление со стороны косности мещан, купцов, чиновников и пр. Так, в 1875—1878 гг. при его участии в городе были устроены народные чтения. Илья Николаевич следил за их посещением и состоянием публики. И с грустью смотрел на то, что последняя только сначала отнеслась к этим чтениям с интересом, как к новинке, "а потом, чем дальше, тем больше, стала променивать их на балаганы и трактиры", замечает его современник. По словам В. А. Калашникова, "это был истинный христианин без поповской политики какого-либо улавливания кого бы то ни было в свою веру: он глубоко верил в высокое назначение человека", в то, что доброй волей каждого можно перевоспитать все человечество. В центре его внимания было развитие интеллекта самого воспитателя.

Принцип единства знаний и деятельности в его концепции имел большое значение в воспитании детей, ставший правилом поведения личности. Мы обязаны "отчасти же влиянию тех учителей, — писал его воспитанник П. Филатов, — которые вносили в нашу жизнь чистый взгляд и высокие нравственные принципы"[24]. Только деятельный человек, по убеждению И. Н. Ульянова, в достижении своей цели может проявить свою значимость.

Идеалом И. Н. Ульянова явилась цельная всесторонне развитая личность, принимающая активное участие в общественной жизни, "добросовестно, со знанием дела и усердием" исполняющая обязанности. И. Н. Ульянов

представлял образец честного выполнения своего гражданского долга, проявляя горячую заинтересованность в просвещении народа. Он являлся членом губернского училищного совета, статистического комитета. Был избран в комитет Карамзинской библиотеки (1877 г.), членом Совета братства во имя Преподобного Сергия Радонежского при церкви Симбирской гимназии, созданного в 1868 г. В состав Совета входили Н. А. Гончаров, Н. А. Языков и др. Председателем Совета являлся Ф. М. Керенский.

Остановимся кратко на деятельности этого религиозного общества. Заметим, что братство было основано монахом Сергием в глухом Радонежье (XIV в.), который благословлял русских воинов на поле Куликовом и способствовал единению князей, неся слово Божье о любви, заботе о ближнем и духовно-нравственном подвижничестве ради спасения русской земли от татаро-монголов.

Целью братства в Симбирске была, во-первых, забота о нуждах и благополучии церкви. Убеждение Керенского и других в благотворительности действий в виде денежных взносов и вещей, литературы укрепляло надежду в "поддержании и улучшении красоты" храма, что было необходимо для благотворного развития в симбирянах религиозно-эстетического чувства. Во-вторых, оказание материальной помощи нуждающимся из низших классов беднейшим ученикам хорошей нравственности и преуспевающим в науках. Впрочем, Федор Михайлович считал долгом каждого нуждающегося ученика старших классов заниматься частными уроками, с тем, чтобы у человека со школьной скамьи складывались такого рода убеждения, которые в жизни могли бы служить руководящей нитью: "только добросовестный труд гарантирует успех всякого дела". Его взгляды разделял И. Н. Ульянов, приобщавший к честному труду детей.

В философском смысле деятельность братства, в-третьих, выражалась в том, что общество посредством культовых действий обращалось к воспитанникам гимназии и проповедовало принципы религиозной нравственности. Во время литургии в присутствии представителей и братчиков произносилось слово протоиерея П. И. Юстинова. Он хорошо знал И. Н. Ульянова, оценивал знания его сына Владимира впоследствии по Закону Божьему как отличные. Законоучитель освещал первое свойство, которое советует апостол Павел иметь христианам в житей-

ской борьбе, — любовь к Богу и терпение Христа. Говорил, что в уме зажигается свет веры и истины, в сердце — чувство добра, чистоты и благости, в воле — правда совести с ее чистыми побуждениями и целями. Вместе с тем, церковь была явно обеспокоена тем, что знания и вера не всегда идут в ногу. Член Совета братства П. И. Юстинов сетовал в своем слове: "Ныне мало обращается внимания на то, что двигатели просвещения своею жизнью и делами не оправдывают проповедуемых им истин в роде человеческом: тогда как "Господь требует непременно совокупного действия науки и жизни" (Симбирские губернские ведомости, 1872, 14 октября). Подчеркивалось, что Бог при распространении добра и истины отдает преимущество перед словом, и наука только тогда будет иметь успех в народе, когда будет действовать в сообществе с добродетелью, не отрицая веры. Учеников же звали воспитывать в себе сильный характер, чтобы защищать дело Христа, бороться с нигилистами.

Двигатели просвещения, о которых была речь, между тем шли своим путем, стремясь отделить знания от веры. Не случайно В. Н. Назарьев, отмечая нравственные качества И. Н. Ульянова как человека, принимавшего святость своих обязанностей перед образованием, его фанатическую любовь к науке и авторитет знаний перед верой, отмечал его же "несколько преувеличенную веру в успех своего дела". А как показали исследования, народный просветитель твердо усвоил заповедь Моисея: "Не сотвори себе кумира" (Библия, Исход, 20, 4). Она означает: не поклоняйся слепо кому, чему-нибудь, как идолу.

Деятельность братства Св. Сергия в целом способствовала умственному, нравственному и эстетическому воспитанию юношества. Талант И. Н. Ульянова был одухотворен высокими идеалами. Он верил в наступление общества социальной справедливости, без тунеядцев, видел в нем путь к подлинному гуманизму. При этом различал ненасилие и смирение (непротивленство), обнаруживая в ненасилии адекватное средство борьбы за справедливость. Вместе с тем его идеал утопического общества равенства и братства не мог быть им критически переосмыслен и усвоен в рациональном зерне. И. Н. Ульянов не мог понять, что частная собственность порождает отчуждение, когда "машина" капиталистического производства превращает человека в деталь механизма, в "винтик",

заставляет последний работать на износ, до изнеможения. Его идеал раскрывается через противоречия между должным и действительностью. Фантастический образ совершенной личности — Христа — противопоставляется несовершенству и порочности "простых смертных".

Философия Просвещения предлагала, что всесторонне развитая личность и "золотой век" впереди, и что невозможно создать рациональную систему воспитания, если исходить из различных бредней и предрассудков. Она не настаивает на ответственности перед Богом и, вопреки христианской этике, говорит о способности человека отвечать за свои поступки, поведение перед людьми, обществом. Поэтому И. Н. Ульянов нуждался в людях образованных и гражданско ответственных.

Быть патриотом, по его мнению, не просто желать блага народу, а познать родину для успешной деятельности. "Для кого не нужно знать и ту родину, в которой он родился и вырос, тот язык, которым он говорит, иметь понятие о богатстве того мира, которого он есть разумная часть и, наконец, многое другое,.. чтобы иметь право носить это название"[25], — подчеркивал на съезде учителей П. П. Малеев. Его реферат И. Н. Ульянов одобрил и поместил в своем отчете. Поэтому не следует эту мысль приписывать ему, как это делает Е. В. Яковлев[26]. И. Н. Ульянов мог разделять взгляды учителя на человека как часть мироздания, его любовь к родине, народу.

Догматикам же порой кажется, что они ухватили жар-птицу абсолютной истины. **По-своему разумеют заботу об Отечестве, разделяя иллюзии своих предшественников, упуская из виду интересы И. Н. Ульянова и его друзей к национальным культурам.** Тот факт, что он стоял на позициях христианского учения: перед Богом все нации равны, во Христе нет "ни эллина, ни иудея" (Колосс., III, 11). Его демократичность и любовь к бедным разных народов.

Отметим, что ради личного спасения христианство проповедует аскетизм, из которого якобы вытекают все добродетели: вера, терпение и т. д. Но даже у верующего И. Н. Ульянова идеал аскета, истязавшего свое тело, не находит сочувствия. Педагог, свободно выполняющий программу по своему усмотрению, писал П. А. Кропоткин, имеет возможность жить другими помыслами, связать воедино все науки, "обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить таким образом в серд-

цах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу"[27]. Интеллигенция же, которая шла в народ в качестве врачей, учителей и других деятелей, и не помышляла о революции. Она страстно желала обучать народ грамоте, просветить его.

Что касается апелляции И. Н. Ульянова к "Новому завету", то она не определяет его истинное отношение к земным благам, хотя в Евангелии имеются практические указания и правила морали. А аргументы же об эволюции образа Христа от Бога к человеку были более привлекательными для верующего. Если в посланиях апостольских Христос изображается не только Богом, но и человеком, то в Евангелиях его фигура предстает перед нами облеченной в конкретные человеческие черты. Под влиянием их формировались представления И. Н. Ульянова, который признавал Христа и святых не столько теологическими категориями, сколько практически полезными феноменами, создаваемыми его воображением, стремясь связать свою деятельность с крестьянскими массами, привлечь их к просвещению.

Как видно из отчета И. Н. Ульянова за 1880 г., он призывал законоучителей "видеть более частое обращение на уроках к Евангелию", лучше раскрывать его содержание средствами живой образной речи. А между тем он не мог пройти мимо того, что в Писании сказано: "Не можете служить Богу и маммоне" (Матф., 6, 24). Тем самым подчеркнуто, что не должно иметь пристрастия к богатству, так как оно несовместимо со служением Богу. Говорится о стремлении раннехристианских общин к социальному равенству: "Все у них было общее". Впоследствии "отцы церкви" пытаются сломить эту идеологию бедняков софистикой: богаты оттого только, что богаты, еще не становятся ни добрыми, ни злыми и поэтому карать их не за что. Так идея равенства обрела иррационалистическое выражение и предстала в равенстве всех перед Богом во грехе.

По-видимому, И. Н. Ульянов, не считая бедность добродетелью, не стремился к материальному обогащению. Это отвечало духу Евангелия. Правда, труд мало ценится христианством, как и в античных теориях. Он есть наказание за первородный грех, поэтому этот крест нужно терпеливо нести, добывать хлеб в поте лица. А данная заповедь дополнилась проповедью апостола Пав-

ла: "Надо поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать"[28]. Есть основания утверждать, что, следуя христианским заповедям, И. Н. Ульянов учил других воспитывать детей на общечеловеческих ценностях.

Вместе с тем его альтруизм был далек от своекорыстной деятельности буржуа и аристократов дворян: народный просветитель служил не только "ближним", но и "дальним", т. е. всем трудящимся классам. Он выступал и против утилитаризма как принципа поведения, за утверждение равенства разных наций и вероисповеданий, их достоинства. А это обретало особое значение в России, где национальный гнет переплетался с классовым, религиозным, что усложняло национальный вопрос, затрудняло развитие сознания трудящихся, затемняемого идеологией национализма, шовинизма, религиозной вражды.

Он искал пути осуществления идеала в действительности, а не в царстве небесном. "Чтобы народные училища приносили существенную пользу, — писал И. Н. Ульянов в отчете за 1869 год, — многое еще нужно сделать для улучшения их в материальном и нравственном отношениях". Он сознательно и последовательно проводил идеи гуманизма. Просвещение для всех народов было общей целью радикальных демократов и И. Н. Ульянова. Самодержавие запрещало нерусскому населению иметь школу на родном языке. Так называемые Братские школы, в которых обучение имело православное направление и проводилось на русском языке, преследовали цели христианизации нерусских народов.

Сложные проблемы просветительской деятельности требовали от И. Н. Ульянова мудрого решения и потому, что верования каждого народа имели свои особенности. Так, татары исповедовали мусульманство, имели духовные учебные заведения мектебе и медресе. Чуваши в большей части приняли христианство, а между тем у них сохранились языческие верования. Они верили в духа добра и зла, жертвоприношения керемети. Языческое благочестие и у русских состояло в том, чтобы воздавать каждому из богов то, что ему причитается в меру. Это было нечто вроде даосизма, народных верований. Правда, в Китае этот нижний слой религии был признан философией и официальной ортодоксией. К чести И. Н. Ульянова, он проявлял ко всем верованиям и народам толерантность. Боролся с политикой принудительного введения в школы русского языка.

Он создал впервые национальные школы для мордовского населения. Там, где позволяли условия, обучение велось на русском языке, в отдаленных селениях, уездах открывались школы с обучением на родном языке. Что касается обучения татар, то И. Н. Ульянов не был противником мектебов и медресе, но рекомендовал их постепенно превращать в светские. Благодаря его заботам чувашская школа, созданная И. Я. Яковлевым (1868 г.), была превращена в учебное заведение по подготовке учителей (1871 г.). Были открыты десятки школ для детей мордвы, татар и чувашей. И. Н. Ульянов выработал свою концепцию, согласно которой, во-первых, в конкретных условиях можно было открывать национальные школы. Во-вторых, обучение русскому языку должно проводиться на основе знания родного. Однако на путях ее реализации стояли немалые трудности.

Как известно, умственные способности народа были подавлены различными предрассудками. Его темноту и безграмотность правительство выдвигало в качестве аргумента для доказательства своей версии о его "недееспособности". И. Н. Ульянов и его друзья развенчали официальную ложь по поводу "вечной инертности" инородцев (как тогда называли нерусских). Впрочем, И. Я. Яковлев полагал, что вовлечение чувашей в христианство способствует их сближению с Россией, привитию им более высокой культуры и сохранению их как народа. В содружестве с Ильей Николаевичем ему удалось создать чувашский алфавит, издать букварь, а его переводческая деятельность дала возможность чувашам читать русских классиков, заниматься наукой.

Итак, активная деятельность И. Н. Ульянова по созданию национальных школ, внедрению в жизнь и быт народов Поволжья русской демократической культуры имела большое значение для защиты, сохранения и развития духовных ценностей, обогащения их прогрессивными традициями. Она сыграла свою роль в обучении и воспитании подрастающего поколения в духе дружбы народов.

Если правящие круги царской России в то время всюду проповедовали идеи превосходства русской нации, неполноценности "инородцев", то И. Н. Ульянов доказывал, что народы Поволжья наделены не худшими умственными качествами и "по природе весьма любознательны и

способны к изучению наук". Его программа включала право нерусских народностей обучаться на родном языке. Она имела большое социально-политическое значение, являясь выражением реального демократизма.

И. Н. Ульянов решал также проблему женского образования. Разделяя точку зрения революционных просветителей в данном вопросе, он считал, что женщина, в целом располагая одинаковыми умственными и деловыми качествами с мужчинами, равного права с ними не имеет, и поддержал выдвинутую ими идею вовлечения женщин в педагогическую деятельность.

Воспитанием, по мнению И. Н. Ульянова, должны заниматься талантливые люди, пользующиеся уважением. **"Заслуга наших учителей в этом отношении, — писал он, — состоит почти исключительно в том добром влиянии, какое многие из них оказывают на детей своим примером и своей жизнью"[29]. Данная мысль созвучна идее Н. А. Добролюбова о значении авторитета в воспитании.** И. Н. Ульянов учил будущих педагогов, что главное в воспитании — это уважение к личности ребенка, стремление внушить ему правильное понятие об окружающем мире путем обучения его основам научных знаний, привитие учащимся практических навыков, необходимых в жизни, развитие у детей их природных сил и способностей, приучение их к правильному мышлению, умению управлять своими желаниями. Эти принципы имели большое значение в формировании новых учителей.

Выступая **против авторитарной педагогики**, И. Н. Ульянов был убежден в том, **что только демократическим путем можно укрепить в человеке чувство долга.** Новая концепция требовала иных методов воспитания, основанных на развитии в человеке "прочных гуманных начал нравственности", писал И. Н. Ульянов. Он восставал против подавления воли человека, физического принуждения. В то же время его гуманизм ничего не имел общего со всепрощенчеством, с призывом к смирению, к непротивлению злу насилием — моральной философии Л. Н. Толстого.

Каждое требование, согласно И. Н. Ульянову, должно быть целесообразным, разумным и применяться с учетом времени, мотивов поступка и степени раскаяния. Он одобрял деятельность тех учителей, которые добивались успехов в обучении без "строгих мер наказания", у кото-

рых, отмечал он, **"не встречается надобности употреблять какие бы то ни было меры взыскания с учащихся, потому что последние любят и уважают своих наставников и не позволяют огорчать их каким-нибудь поступком"**[30]. Любовь к детям являлась принципом его нравственности.

Христианская заповедь же требует жертвовать любовью к людям ради любви к Богу. Любовь к Богу — "первая и наибольшая заповедь", а любовь к ближнему — вторая. На практике И. Н. Ульянов **апеллирует к общечеловеческим ценностям, применяет такие меры для воспитания дисциплины, как убеждение, отеческую любовь к детям, почтение и т. д.** Если он любит человека поистине от всего сердца, то не может так более любить Бога.

И. Н. Ульянов полагал, что только тот воспитатель достигнет цели, кто опирается на сознательное выполнение учащимися своих обязанностей. **"Школьный порядок держится не страхом наказаний, — писал он, — но авторитетом преподавателя,** умением его правильно занять детей, способностью его овладеть их душевным настроем, словом, силою постоянного, глубокого, нравственного влияния преподавателя на детей"[31]. Этот страх, отмечал он, показывает, что авторитет педагога поколеблен. В данных условиях учитель должен "внимательно вдуматься в причины такого печального явления и искать эти причины прежде всего в себе"[32]. Такова концепция И. Н. Ульянова, лежащая в русле демократической этики. Она ничего общего не имеет с христианской проповедью повального альтруизма. Христианство интересует не человек как предмет любви и забот, а субъективное чувствование любви у верующих ради Всевышнего. Проповедуя всеобщую любовь и прощение, оно так и не смогло победить зло, считал И. Н. Ульянов.

Он же не прощал бездеятельности и безответственности. Мария Ильинична отмечала, что "отец совершенно не терпел небрежного отношения к делу, халатности, манкирования (т. е. пропуска без уважительных причин занятия, небрежного выполнения обязанностей. — К. П.) со стороны учителей и в этих случаях бывал очень строг и требователен"[33]. Обладая высокими профессиональными и нравственными качествами, И. Н. Ульянов сам был для учителей и детей нормой, образцом выполнения общественного долга. "Илья Николаевич, — писал Д. И. Ульянов, — привил нам чувство любви к трудовому народу,

которому он отдавал все свои силы и знания. Он был для нас авторитетом, примером высокой культуры, образованности, трудолюбия, честности, благородства чувств"[34]. В своей семье И. Н. Ульянов, по словам Марии Ильиничны, стремился воспитать в детях то "сознание долга, которое было так сильно развито у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить "необузданную, дикую к лютой подлости вражду и доверенность великую к бескорыстному труду"[35]. Здесь автор не случайно приводит строки из стихотворения Н. А. Некрасова — любимого поэта И. Н. Ульянова.

Искусство, особенно художественная литература, в семье Ульяновых было одним из основных средств нравственного воспитания. "Отец следил за нашим чтением,.. познакомив нас со всеми выдающимися писателями, чем развил, несомненно, наш вкус"[36], — отмечала А. И. Ульянова-Елизарова. В семье высоко ценили произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, В. Шекспира, Р. Джованьоли, Г. Бичер-Стоу, Д. Дефо и других классиков мировой литературы. Читая Н. А. Некрасова, Илья Николаевич делал пометки, вписывал строки, изъятые царской цензурой. Так, в стихотворении "Поэт и гражданин" после слов "умрешь не даром" вписаны вычеркнутые цензором слова: "дело прочно, когда под ним струится кровь". Сюда же внесены и строки, в которых говорится о декабристах"[37].

Как вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, отец любил песню "По духу братья мы с тобой" на слова поэта-петрашевца А. Н. Плещеева. "Мы невольно чувствовали, — писала она, — что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде "святая святых"[38]. Петь запрещенные произведения в то время было небезопасно, и все же И. Н. Ульянов исполнял эту песню с наслаждением. Конечно, пели ее не в Симбирске, а в Кокушкине или во время загородных прогулок по полям. "Помню, — продолжает Анна Ильинична, — что раз и по возвращении в Симбирск, на нашем дворике я напевала ее, — мне было тогда лет 13—14, — и что мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу, — враги у всех есть, скажут: "Вот какие

запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ"[39].

Искусство, на котором воспитывался сам И. Н. Ульянов и к которому он приобщал свою семью, отражало идеи свободы, воспевало человека. Оно требовало избавления от притязаний церкви на духовное господство, ведь религия, являвшаяся опорой царского трона, стремилась поставить под свой контроль пение, музыку, изобразительное искусство в школе.

На идеях реализма и демократизма в искусстве Ульяновы воспитывали в себе высокие нравственные качества: честность, мужество, верность долгу, гражданственность, любовь к Родине и преданность гуманистическим идеалам.

Огромную роль в семейном воспитании играло то обстоятельство, что отец не являлся чиновником-формалистом, а был идейным работником, не жалевшим сил и самой жизни для борьбы за свои идеалы. В семье он не был скован официальными рамками, циркулярами ведомства народного просвещения в такой степени, как на службе, допускал определенную свободу действий. Здесь утверждались веротерпимость, уважительное отношение к представителям всех вероисповеданий. Все это не означало однако, что И. Н. Ульянов открыто и определенно выступал за свободу совести, как мы ее понимаем. В семье, глава которой был официальным деятелем народного просвещения, с законом Божьим как первым и обязательным учебным предметом, атеизм не мог культивироваться. Владимир Ульянов в гимназии имел по закону Божьему пятерки, носил нательный крестик. Тем не менее к религии в семье Ульяновых относились без особого рвения, и взрослые не принуждали детей ходить в церковь. Даже "мать посещала церковь в большие праздники, но религиозной не была"[40], — писал Д. И. Ульянов.

И. Н. Ульянов представлял собою личность уникальную, самобытную, неповторимую. Как талантливый педагог, глубоко осознавший потребности развития человека, обладавший не только необыкновенным умом и стойким характером, глубокой верой в человека, он отличался своими общественными делами, являлся одним из крупнейших практиков народного образования России. Благодаря своему интеллекту он высоко поднялся над уровнем здравого смысла.

Его взгляды на нравственность основывались не на страхе и слепой покорности вековым заветам, а на подлинной интеллигентности, самоосознании своей личности, умении мыслить по-новому и чувствовать, сопереживать и проявлять душевную чуткость. И. Н. Ульянов был очень добрым, откликающимся на чужое горе человеком, для которого борьба за благо народа была смыслом его жизни и счастьем. Как просветитель он понимал интересы не узкоэгоистически, а как правильно понятые интересы, совпадающие с общественным благом. И. Н. Ульянов был далек от предрассудков дворянского общества, к которому он принадлежал. Чрезвычайно скромный в быту и делах он, хотя и имел чин действительного статского советника, равного генеральскому, нетерпимо относился к незаслуженному восхвалению человека, неприязненно встречал демонстрацию почитания его личности. Для него, отличавшегося мудростью и личным мужеством, было присуще глубокое понимание душевных сил человека, его национальных и психологических особенностей. Им определены нравственные качества, необходимые учителю. Главным он считал любовь к детям, дружбу, отношение к ученику как человеку разумному и ответственному.

В семье Ульяновых нетерпимо относились к проявлениям как старой крепостнической, так и ханженской буржуазной морали — ко всякой несправедливости, лжи, сплетням, клевете, низкопоклонству, угодничеству, трусости и иным порокам. В детях воспитывались презрение к обывательщине, к власти вещей, бюрократизму, ненависть ко всякому угнетению. В основе воспитания лежала не только религия, мораль "отцов" и "детей", но и нравственность крестьян, свободолюбивых разночинцев, искусство и наука.

Итак, И. Н. Ульянов являлся верующим, у которого религиозная ориентация была подчинена другим. Вполне понятно, что он свои надежды на будущее возлагает на силы разума, знание, просвещение. Следует отметить, во-первых, что вера в сверхъестественное как главный признак религии не является доминирующим в его мировоззрении и подчинена другим элементам сознания. Во-вторых, религиозное искусство, которым владела церковь и в котором было и земное, человеческое содержание (эстетическая функция), не удовлетворяло молодежь своей

культовой функцией обмана народа. В целях развития интеллекта учащихся и педагогов И. Н. Ульянов апеллировал к естественным и гуманитарным наукам, противоречащим догматам вероучений, проповедуя в то же время реалистическое искусство.

Передовые по своему времени его идейно-нравственные и педагогические взгляды и деятельность в просвещении сыграли большую роль в профессиональном и нравственном становлении новых учителей, способствовали успешному решению задач по обучению и воспитанию детей.

4. Против схоластики и догматизма в обучении и воспитании

Если ведомство народного просвещения предписывало училищам курс, охватывающий Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, арифметику и церковное пение, то И. Н. Ульянов основными предметами общеобразовательной школы считал родной и иностранные языки, литературу, историю, математику, физику и другие науки.

Математика, считал Илья Николаевич, связана с действительностью, которая отражается в ней в аксиомах, теоремах, фигурах и т. д. Он обращал внимание учителей на сложный процесс ее изучения, одобряя деятельность тех народных училищ, где "умственное счисление всегда предшествует письменному и именованные числа — отвлеченным"[41]. Если объектом религиозной веры являются идеи, истинность которых не подлежит сомнению и доказательству, то И. Н. Ульянов, наоборот, боролся против догматического понимания математических истин. Во-первых, он ставил целью не формальное познание учащимися чисел, а практическое ознакомление их с величинами. Надо, говорил И. Н. Ульянов, вооружить учеников не только знаниями, но и умениями и навыками применять их "на практике обыденной жизни". Во-вторых, предметом его заботы являлось развитие у детей логического мышления, стремление приучить их к осмысленному решению задач как процессу реальному, естественно необходимому, который не имеет ничего общего с

религиозной верой. В-третьих, если богословы в проповедях призывали слепо верить в то, что человек якобы не в силах постичь и познать, то, по И. Н. Ульянову, даже абстракции математики познаются в конечном счете на опыте, а сама она, как и другие науки, нуждается в строгой последовательности рассуждений, доказательствах.

Он полагал, что разумное применение законов и правил математики, приложение теоретических построений к конкретным случаям "много помогает учащимся осмыслить все арифметические действия и оказывает заметное влияние на развитие соображения учеников"[42]. Вместе с тем он, конечно, понимал, что одна математика не решит всех задач логики, изучающей законы, которые управляют мыслью.

Выше уже говорилось, что И. Н. Ульянов сочувственно относился к идеям великого русского математика Н. И. Лобачевского. Еще в 60-е годы он рассматривал на уроках вопросы параллелей, углов, сферы, рекомендовал в качестве пособия по сферической геометрии труды последователей Лобачевского. Он знакомил детей с парадоксами, в основе которых лежали формально-логические противоречия. Чтобы разрешить их, достичь истины, необходима была опора в новой геометрии и выход за пределы формально-логических доказательств. Так, в геометрии Эвклида сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым углам. Совершенно иное решение задача принимает, если треугольник находится на сферической поверхности. В нем сумма внутренних углов не равна двум прямым.

В школьном деле И. Н. Ульяновым решительно изгонялись схоластика, формальное мышление, оторванные от живой действительности. Как-то на съезде народных учителей обсуждалась статья Н. Я. Лукьянова "Элементы арифметики", где содержался, в частности, тезис: "величина выражается числом". Автору возразили некоторые учителя, заметив, что выражением величины служит не число, а количество. Лукьянов на это ответил: "Это тонкость... Выражаясь — величина, я этим самым сказал и количество". И. Н. Ульянов был не против дискуссий. Но в данном случае вести беспредметный спор о том, служит ли выражением величины число или количество, по его мнению, "значило бы обращаться к одной схоластике". Тем более, без философского обоснования. "Эти

определения, — отметил он, — сами собой следуют из практических упражнений и являются в виде вывода в конце курса"[43]. Не следует, считал И. Н. Ульянов, отрывать математические понятия от жизни: это означало бы отход от конкретной истины, которая в математике проверяется на практике.

Выступая проповедником естествознания, он понимал, что схоластика является служанкой богословия, путами для приращения знаний, ведет к застою мысли, подавляя самостоятельное мышление, приучая к начетничеству и оказывая вредное влияние на обучение.

Борьба И. Н. Ульянова против схоластики и догматизма в обучении и воспитании детей проходила красной нитью через всю его общественную и педагогическую деятельность. В частности, она проявилась в 1866—1869 годах, когда он избирался секретарем объединенного педсовета Нижегородской гимназии и дворянского института. Между двумя лагерями учителей в этот период шла борьба по вопросу, какой должна быть гимназия. Одна группа учителей, в том числе И. Н. Ульянов, в особой записке совету подчеркивали, что местные условия, торгово-промышленное развитие губернии диктуют насущную потребность учреждения в Нижнем Новгороде реальной гимназии. Поборники же классического обучения во главе с директором К. И. Садоковым выступили против их предложения, ссылаясь на то, что реальная гимназия не дает ее выпускникам права на поступление в университет. Как отмечают исследователи, "фактически дискуссия шла между сторонниками естественно-научного образования и приверженцами старой школы"[44]. Ее причины коренились глубже. Для "классицистов" спокойнее и безопаснее было принудить юношей изучать тонкости грамматики греческого языка и латыни, заниматься переводами Цицерона и Горация и тем самым отвлечь их от российской действительности и ее обострявшихся противоречий.

Несмотря на то, что гимназия осталась "форпостом" классической формы обучения и ее начальство усилило надзор за преподаванием естествознания, стремилось избавиться от "реалистов" и изъяло из библиотеки сочинения радикальных демократов, а также Дарвина, Сеченова, И. Н. Ульянов и его друзья проводили просветительские идеи в своей общественной и педагогической деятельности.

В противовес догматизму, абстрактному способу изучения проблем без учета обстоятельств места и времени, изменившейся практики, И. Н. Ульянов придавал большое значение творческой деятельности. Он являлся человеком дела, активных действий и неукротимой энергии. Наука, по его убеждению, учит что и как разумно делать, а не только рассуждать. Настойчиво рекомендовал учителям изучать живую природу "на столько, на сколько это необходимо для разумного экскурсирования с учениками школы по окрестностям, и... практически ознакомиться с лучшими способами обработки пахотной земли, уходом за домашним скотом, разведением плодовых растений и огородных овощей"[45]. Не увлекаясь теорией "малых дел", он считал, что изучение родного края и производства служит прежде всего делу умственного и нравственного воспитания детей.

Не случайно вопросы преподавания естествознания становились предметом обсуждения на съездах народных учителей, вызывали немалый интерес у педагогов. Так, во время учительского съезда в 1874 году при рассмотрении вопроса о мироведении, учитель С. Н. Преображенский говорил о том, что дети должны получить ясное представление "о различных животных, растениях и минералах". Учитель П. Малеев предложил "кроме естественно-исторических сведений сообщать и физические". И. Н. Ульянов в заключении обратил внимание съезда, в целях более глубокого познания действительности, на значение собирания предметов по всем трем царствам природы, представляющих научный интерес[46].

Задача мироведения в школе состоит в том, говорил педагог, чтобы дать детям в главных чертах верную картину мира, вооружить их правильным подходом к явлениям природы. Его педагогическая концепция, подвергаясь нападкам со стороны церкви, приводила к секуляризации общественной и умственной деятельности. Не случайно протоиерей А. И. Баратынский докладывал Святейшему Синоду в 1885 году: "Ускорив успехи обучения и сообщения реальных знаний, но отводя сравнительно мало времени на обучение религии, эта система мало-помалу, незаметно ослабила влияние церкви на школу"[47]. Илья Николаевич и сам, конечно, замечал, что влияние религии падает, а лучшие успехи в школе достигаются по родному слову и естествознанию.

Как отмечали родные Ильи Николаевича, его любимыми предметами были физика и астрономия. В преподавании этих дисциплин он добился немалых успехов. "Ульянов, снискавший себе известность отличного преподавателя и педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями, — писал попечитель Казанского учебного округа в своем отчете за 1867—1868 учебный год. — Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекают к нему учеников и заставляют охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого"[48]. В физике и астрономии он проводил передовые для своего времени научные идеи, выходящие за рамки учебных программ[49]. Они содержатся уже в его ранних исследовательских работах.

Если богословы наряду с признанием закономерностей в природе настаивали на реальности чудес, рассматривая их как случайности, вызванные божественной волей, то у педагога случайность была подчинена закону естественной причинной связи. И. Н. Ульянов предлагал ученикам применять те или иные законы к частным случаям с целью научить детей правильно объяснять различные природные явления и процессы. Всюду в природе, по его мнению, действуют свои законы развития, и ничто не может происходить вопреки этим законам.

Знание физики, по убеждению И. Н. Ульянова, дает возможность глубоко понять причины и сущность явлений природы, например, изменений погоды, движения космических тел.

В 70—80-е годы, уже будучи инспектором, а затем директором народных училищ, он также проводил передовые идеи в естествознании, интересовался ходом изучения природы Земли, движения небесных тел. Педагог вел борьбу за создание "разумной школы, развивающей, изучающей и воспитывающей", которая бы развеяла веками жившие среди народа предрассудки.

Однако дело обучения осложнялось тем, что суеверия цепко держались и в сознании некоторых учителей. Так, предложение И. Н. Ульянова, С. Н. Преображенского и других педагогов на съезде учителей в 1874 году о том,

чтобы дети "получали понятие о земном шаре и некоторых других небесных телах", то есть знания по космографии, было неодобрительно встречено некоторыми учителями. Возражая передовым преподавателям, П. В. Введенский заявил, что "в тех селениях, в которых есть раскол, сообщать такие сведения, — как-то: что Земля движется, а Солнце стоит, — не совсем удобно". Учитель А. С. Слагаев добавил: "У нас, татар, говорить об этом считается грехом"[50].

Вот почему для того, чтобы успешно решать задачи обучения и воспитания детей, необходимо было подготовить новых учителей, свободных от суеверий и предрассудков, вооруженных прочными знаниями в естественных и гуманитарных науках.

Этой благородной цели отвечала активная деятельность И. Н. Ульянова на организованных им педагогических курсах и в учительской семинарии. Данные учебные заведения сыграли большую роль в подготовке прогрессивных людей своего времени. В них господствовал дух свободомыслия. Материалистические естественно-научные идеи неизбежно проникали в среду преподавателей, и проводниками их были И. Н. Ульянов и его сподвижники по народному образованию. В. А. Ауновский, например, стремился к тому, чтобы школа, "развеяв массу народных предрассудков, дала крестьянам положительные знания"[51]. Для этого, полагал он, необходимо, чтобы учителя имели правильный взгляд на природу и ясные понятия о духовном развитии детей. Не случайно деятельность "нигилистов и атеистов", как называли церковники выпускников Порецкой учительской семинарии, вызывала все больше подозрений у властей и духовенства. Последние очень опасались, что народные учителя будут подрывать христианскую веру. Они тревожились о том, отмечала М. И. Ульянова, что воспитатели "могут легко поддаваться влиянию революционной пропаганды"[52]. Реакционные помещики и священники обвиняли прогрессивно-настроенных преподавателей в вольнодумстве, причисляя их к лагерю атеистов.

Известно, что в тогдашнее время русская православная церковь принимала активное участие в борьбе против прогрессивных движений, верой и правдой служила самодержавию. И. Н. Ульянов не мог мириться с ее мракобесием. Он видел, как власти и духовенство, усили-

вая надзор за народной школой, внимательно присматривались к образу жизни учителей. Зная цену достоинству и чести простого человека, он постоянно брал под защиту народных учителей, подвергавшихся открытой травле со стороны власть имущих. Так, Ф. С. Кириллов однажды пожаловался И. Н. Ульянову о том, что его систематически посещают уездный исправник, становой пристав, почетные мировые судьи, архимандрит Жадовской пустыни, председатель земской управы, жена местного помещика-фабриканта, священник с псаломщиком (последние произвели у учителя обыск), интересующиеся, главным образом, направлением его преподавания и состоянием его политической благонадежности. Директор народных училищ внимательно выслушал молодого учителя и успокоил его. "Что касается "почетных гостей", о которых Вы мне рассказали, — говорил И. Н. Ульянов, — их не опасайтесь: они здесь не хозяева... Снять Вас с этой работы никто не может, кроме меня"[53].

Прогрессивная деятельность И. Н. Ульянова в народном образовании противоречила некоторым установкам правительства. Так, последнее в 1871 году предписывало инспекторам народных училищ отстранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными. Однако И. Н. Ульянов фактически игнорировал требование министра просвещения не допускать никого из учителей к преподаванию без подтверждения их политической благонадежности. Не случайно симбирский губернатор Н. П. Долгово-Сабуров, выговаривая ему, писал: "В последнее время направление некоторых воспитанников Порецкой учительской семинарии стало возбуждать сомнение (например, Зотов, Агафонов и другие)... Не изволите ли признать полезным дать указание, что при назначении на должность учителей народных школ следует делать тщательный между ними выбор"[54]. Упомянутые здесь преподаватели за революционную пропаганду среди крестьян были сосланы в Сибирь.

Из всего сказанного вытекает, что, с одной стороны, концепция И. Н. Ульянова в теории и на практике противопоставляла господствовавшей в образовании схоластике новое содержание, методы обучения, основанные на опыте и наблюдении. С другой стороны, не следует закрывать глаза на его религиозность. Невозможно сводить материализм лишь к признанию определяемости

индивидуальности сознания и познаваемости мира. Необходимо возвышать анализ мировоззрения до уровня соотношения духа вообще и природы.

Было бы отходом от исторической истины не подвергать анализу религиозные мотивы в поведении педагога, без их критической оценки. Создавалась парадоксальная, порой фантастическая картина: верующего отождествляли с революционными просветителями. С одной стороны, принижалась и роль радикальных демократов, она сводилась к просветительству. И. Н. Ульянов же ставил иные цели отыскания достоверного знания и стоял за эволюционное развитие общества. Его утопическая идея выражалась в постулате: улучшить жизнь крестьян, их быт и нравы возможно силою разума и всестороннего, в том числе религиозно-нравственного воспитания.

С другой стороны, под флагом борьбы с догматизмом, культом личности, идолопоклонством, при котором элита и ее оруженосцы владели монополькой на истину в истолковании взглядов народного просветителя и правом выдавать индульгенцию, возникла иная опасность. Представлять И. Н. Ульянова "глубоко набожным и довольно консервативным человеком", без связи с этикой Н. А. Добролюбова, как априорно судит об этом новый оракул, также абсурдно (Волкогонов Д. А. Ленин. Т. I. М., 1984, с. 56). К тому же по методу западных фальсификаторов, без доказательств, с нарушением законов логики, вызванными злобой и ненавистью и демократу И. Н. Ульянову.

Было бы наивно полагать, что мы имеем дело с одним Дмитрием Волкогоновым. Орава российских писателей и академических недорослей нападают на Ленина и заодно на его отца И. Н. Ульянова. Их домыслы, измышления и клевета на духовное наследие России имеют свои причины. Это не просто их патологическая ненависть к Владимиру Ильичу, измена своим убеждениям. Это и порочная методология. Предатели отрекаются от диалектики, выбирают для себя роль идеологических власовцев и расстриг. Некоторые философы-аллилуйщики времен застоя были приучены либо лгать, ругать, либо славить, отмечает Вл. Большаков из Парижа в статье "Идеологический расстрига" (Правда. — 1995. — 28 янв.). В результате они объективно ославили, обезоружили и новую демократическую власть. Критикуют народного просве-

тителя те, кто мало его знает. А как заметил К. Маркс, невежество принесет нам еще немало бед и трагедий. Тем более без прошлого, нет настоящего и будущего.

Эпистемиологический реализм И. Н. Ульянова (признание возможности адекватного отражения сознанием внешнего мира) мог быть совместим с его религиозным мировоззрением. Поэтому верующий естественник не должен рассматриваться в качестве материалиста, если он трактует соотношение духа к природе с точки зрения религии, хотя и не прибегает к авторитету Христа как верховному арбитру. Тем не менее не всякий верующий естественник, философ есть заведомо консерватор и реакционер и в политике, а не каждый материалист — революционер.

Просветительская деятельность И. Н. Ульянова была прогрессивной, в своей основе демократической. Она во многом способствовала воспитанию революционеров. **Тем не менее ее невозможно оприорно отождествлять с деятельностью радикальных демократов.**

V. И. Н. УЛЬЯНОВ В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ

1. Современники об И. Н. Ульянове

Современники И. Н. Ульянова дали, в основном правильную оценку значения взглядов демократа-просветителя, его общественной и педагогической деятельности, роли в воспитании детей. Инспектор народных училищ К. М. Аммосов писал, что кончина И. Н. Ульянова для осиротелой семьи является "утратой... ничем не заменимого нравственного руководителя и покровителя..."[1]. Дети видели в его лице пример беззаветной преданности делу, идеал человека-гражданина, который, по словам родных, был готов отдать свои знания, "все силы на служение народу, умереть за работой для него"[2]. "Светильником разума" назвал И. Н. Ульянова его друг, писатель В. И. Назарьев. Он показал тяжкие условия, в которых приходилось действовать Илье Николаевичу и его сподвижникам. Педагог и его ученики, коллеги, подобно лучу света в темном царстве, озаряли народу путь к знаниям, к лучшему будущему. Они "принадлежат к чудесам русской земли", общественным деятелям, "преисполненным небывалой энергии и несомненных стремлений как можно более добра и счастья своим питомцам"[3].

Вполне понятно, очерки В. Н. Назарьева представляют историческую ценность. Вместе с тем к ним следует относиться критически: писатель не смог избежать вольностей и противоречий, местами погрешил против истины. Так, Назарьев отрицал роль педагога как воспитателя собственных детей, считал, что И. Н. Ульянов, занятый служебной деятельностью, "не знал, что делалось в семье, как и чем занимались дети"[4]. Подобные умозаключения, конечно, были замечены родными и близкими И. Н. Ульянова и встретили с их стороны возражения.

Восстановлению истины на роль отца в идейно-нравственном воспитании своих детей во многом помогли обстоятельные воспоминания его дочерей. А. И. Ульянова-Елизарова не только отвергла ложные утверждения писателя, но и показала, что отец был первым и авторитетным воспитателем своих детей. Она отмечала, что "воспитание детей проходило под его главным и неусыпным надзором"[5]. Что касается причин, побудивших Назарьева представить И. Н. Ульянова вечно занятым тяжким трудом и тревогами на ниве народного просвещения, Анна Ильинична писала: "Не надо забывать, что этот образ Ильи Николаевича, в общем правильный, нарисован писателем по профессии, который в заботе о яркости образов и красоте стиля не может обойтись без преувеличений, и писателем-помещиком, для которого пренебрежение к своему комфорту и уюту равносильно голодовке и риску жизнью. Вообще, ...мы видим интересное противопоставление барича-сибарита, увлекающегося порою красивыми идеями и словами, и разночинца, **человека труда и идеи**, для которого преданность последней неразрывно связана с беззаветным служением ей"[6].

В начале 30-х годов позиция В. Н. Назарьева была подвергнута справедливой критике и М. И. Ульяновой, которая отмечала: "Для автора "Современной глуши", "Вешних всходов" и других очерков, помещика по складу и привычкам, его (И. Н. Ульянова. — К. П.) деятельность была до некоторой степени лечением от скуки и временным, хотя, может быть, и искренним, увлечением... То, что для помещика Назарьева, избалованного жизнью, было большой жертвой и чуть ли не подвижничеством, — для Ильи Николаевича, разночинца, глубоко и всецело преданного своему делу, являлось лишь выполнением долга, давало ему высшее моральное удовлетворение"[7]. В оценке родными идейной позиции отца четко обозначен его важнейший нравственный принцип — преданность родине и народу, ставший основой развития моральных качеств педагога-демократа.

В числе уважающих семью Ульяновых был и директор Симбирской классической гимназии Ф. А. Керенский, который дал Владимиру Ульянову характеристику для поступления в Казанский императорский университет, несмотря на участие его старшего брата Александра Ильича в подготовке покушения на императора Александра III.

Он писал, что "за обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители... В основе воспитания лежала религия и разумная дисциплина"[8]. Что касается дисциплины, то никто не оспаривает роли этого фактора в воспитании. Керенский же, проявляя мудрость и мужество, не погрешил против истины (намеренно, с целью придать большую весомость своей рекомендации), когда пишет о религии как одном из главных принципов семейного воспитания, зная об оппозиционности старших сыновей Ульяновых церкви и начальству, их приверженности искусству и естественным наукам.

Если учесть, что характеристика написана директором гимназии, отличающимся благочестием и строгими требованиями к ученикам и ревностно оберегающим свою репутацию, после смерти И. Н. Ульянова и казни его старшего сына Александра, то можно полагать, что отношение Керенского к Ульяновым, даже после расправы царизма с "первомартовцами" 1887 года, было доброжелательным. Родные свидетельствуют, что "Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия (когда тучи сгустились над всей семьей Ульяновых. — К. П.). Этим объясняется та в высшей степени "добронравная" характеристика его, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета. Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией"[9].

Однако есть и другие мнения по данному вопросу. Так, Ж. А. Трофимов этим фактам дает следующее объяснение. Разделяя в общем мнение сестры Владимира Ульянова, он считает, что "Керенский дал первому ученику гимназии не лучшую и весьма осторожную характеристику"[10]. Отмечая выдающиеся результаты Владимира Ульянова, директор гимназии вместе с тем ушел от прямого ответа на главный вопрос — об отношении Владимира Ульянова к "привратным учениям", тогда как в отношении других гимназистов он дал твердые заверения в их благонадежности. Случайно ли это умолчание? Нет. Керенский намеренно подчеркивает "излишнюю замкнутость", "не-

людимость" Владимира Ульянова. По каким мотивам он не высказал "твердой уверенности и ручательства" за политическую благонадежность Владимира Ульянова? Автор, на наш взгляд, верно вскрыл причины этого, положив в их основу отношение директора гимназии к брату "крупного государственного преступника" Александра Ульянова, который, как отмечалось в материалах следствия и приговоре Сената, "принимал самое деятельное участие" в "покушении на жизнь священной особы его величества". И об этом Керенский не мог не знать. Поэтому он так медлил с характеристикой, которая имеет отрицательные оттенки и весьма осторожные суждения в отношении благонравия Владимира Ульянова. В этом проявились его политические и религиозно-философские убеждения. Хотя Ф. М. Керенский и работал вместе с И. Н. Ульяновым в губернском училищном совете и общественных организациях Симбирска, его мировоззрение как идеалиста и схоласта расходилось со взглядами И. Н. Ульянова.

Не случайно его внук, сын премьера Временного правительства Г. А. Керенский в письме из Лондона (1990) в Ульяновский филиал Центрального музея В. И. Ленина, полном злобы и презрения, яростно ополчился не только против советского руководства, но и против своего деда. Он обвинил своего деда в том, что тот подписал характеристику Владимиру Ульянову для поступления в Казанский университет. Было лучше, благороднее, считает он, если Федор Михайлович вовремя способствовал бы выдворению Владимира Ильича из гимназии и не состоялся бы тогда Ленин в роли "вождя пролетариата"[11].

Просветительская деятельность И. Н. Ульянова в Симбирске совпала с новым революционным подъемом, когда для действенного народничества крестьянская революция стала вопросом непосредственной практики (70-е гг.). В то время в ней наметились успехи. И. Н. Ульянов гордился своим детищем — земскими школами, распространением знаний среди народа. Однако пора благополучия, свобод и прав в преподавании "мироведения" (естествознания) вскоре миновала. Над результатами, достигнутыми в просвещении и в деятельности прогрессивного крыла симбирского земства нависла угроза.

Не скрывая своих либеральных настроений и обладая долей истины в оценке "идеального инспектора" И. Н. Улья-

нова, Назарьев 10 марта 1876 г. сообщает редактору "Вестника Европы" М. М. Стасюлевичу о тайных и коварных умыслах правительства и духовенства: "Ввиду весьма печальных соображений я не решался сказать, что он далеко не пользуется вниманием Министерства и далеко не благоденствует"[12]. Между народным просветителем, с одной стороны, и правительством и духовенством, с другой стороны, возникают противоречия, чего не могли не заметить его современники. В 80-е годы они обострились.

После разгрома "Народной воли" и судебной расправы царизма с народовольцами (1879—1881) революционная ситуация сохранялась еще до середины 1882 г., но уже в нисходящей фазе. Напуганное приведенным в исполнение народовольцами 1 марта 1881 г. смертного приговора Александру II царское правительство собирается с силами, чтобы перейти к открытой реакции. В сфере просвещения его наступление началось прежде всего против народной школы. Политика царизма была направлена на предоставление духовенству преобладающего участия в заведовании земскими школами (1882—1883). Отношение властей к И. Н. Ульянову ухудшилось, росло их недоверие к народному просветителю. Впоследствии противоречия между ними переросли в конфликт.

2. От вымыслов — к истине. Советская историография

Особенно возрос интерес к жизни и деятельности И. Н. Ульянова после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В числе выдающихся русских педагогов он пользовался большим вниманием ученых и практиков народного просвещения. За более чем 70 лет Советской власти исследованию его научной, педагогической и общественной деятельности посвящено более 500 публикаций, из них более 30 книг, написано ряд кандидатских и одна докторская диссертации. Особенно широкий размах публикации приобретали в связи с его юбилеями. В 1931 г. отмечалось 100-летие со дня рождения И. Н. Ульянова. Последний по времени (1981) всплеск публикаций, посвященных со дня его рождения, отмечен рядом научных конференций, коллективных научных

работ, в которых были подведены итоги исследований творчества И. Н. Ульянова.

Но не только юбилейными датами поддерживался интерес к идейному и педагогическому наследию И. Н. Ульянова. Внимание к юбилеям вызывалось тем значительным интересом, которым пользуются работы И. Н. Ульянова, его титаническая деятельность в сфере народного просвещения и существенный вклад в дело воспитания народных учителей и своих детей.

Вместе с тем возрастала и потребность в объективном освещении его взглядов и всей его деятельности. Подобное освещение было возможно только на основе научной методологии. Изучение мировоззрения И. Н. Ульянова опирается на тот теоретический фундамент, который был создан трудами В. И. Ленина еще до революции. После революции перед советскими исследователями появилась возможность более глубокого анализа взглядов Ильи Николаевича, открылось широкое поле деятельности по достижению объективной истины в трактовке его воззрений. Значительную роль в этом сыграли труды родных И. Н. Ульянова, каждый из которых дал характеристику его взглядов.

В советской историко-философской науке последние не были объектом исследований. Причина данного отношения к И. Н. Ульянову объяснялась не только тем, что естественник не был философом. В 1920-х и 1930-х годах он рассматривался как педагог, общественный деятель, воспитатель своих детей, отец В. И. Ленина, весьма далекий от революционных бурь и учений действенного народничества. Гений его великого сына заслонил фигуру отца — крупного общественного деятеля.

Делом чести старшей дочери Ильи Николаевича А. И. Ульяновой-Елизаровой явились обстоятельный анализ жизни и богатой по содержанию деятельности ее отца, а также ее борьба против фальсификации его взглядов. В 1922 г. она по просьбе одного из публицистов напечатала в журнале "Пролетарская революция" "Ответ т. Шидловскому", в котором характеризовала социальное происхождение отца. В 1923 г. в статье "Родители Владимира Ильича Ульянова-Ленина и их время", опубликованной в журнале "Молодой большевик", А. И. Ульянова-Елизарова изложила эволюцию его взглядов, антикрепостнические воззрения. В 1925 г. в Пензе издается "Юбилейный

сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова", в котором помещена "Краткая биография И. Н. Ульянова", написанная Анной Ильиничной, воспоминания о нем его современников. В них освещается научная, педагогическая и общественная деятельность И. Н. Ульянова. В книгах "Воспоминания об Ильиче" (1926), "Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г." (1927) и других сочинениях она раскрывает религиозные воззрения, отношения И. Н. Ульянова к революции, отрицание им террористической деятельности народников ("он был против террора"), его роль в воспитании детей и лояльные отношения к их революционным убеждениям.

Ее оценка мировоззрения И. Н. Ульянова в послереволюционное время пользовалась наибольшим влиянием. В фундаментальных исследованиях Анна Ильинична характеризует И. Н. Ульянова как народного просветителя "вчерашних рабов", т. е. крестьян, освобожденных от крепостной зависимости. Вместе с тем в ее публикациях допускались разночтения и неточности. Так, в 1923 г. в примечаниях к статье А. Табейко "Из прошлого тов. Ленина" она писала об отце как "большом демократе по натуре". Однако на вопрос одного из работников Домамузея В. И. Ленина в Ульяновске (1929) о политических взглядах отца она отвечала: "Либерал, или мирного направления народник"[13]. Данная характеристика идейной позиции И. Н. Ульянова требует уточнения. Дело в том, что народники и революционные демократы — понятия несовпадающие. Различие между ними прежде всего в том, что народники отступили от заветов своего учителя Н. Г. Чернышевского, сделали шаг назад в трактовке исторической необходимости и свободы и других вопросов.

И. Н. Ульянов не был либеральным народником. Он принадлежал к представителям "наследства" вообще без народнической окраски. Россия, по мнению либеральных народников, может достичь высокой степени развития. Для этого нужно сохранить и упрочить сельскую общину, кустарные промыслы, артели и пр. Необходимо, по их взглядам, задержать развитие страны по пути капитализма. Утопизм их мер состоял в поддержке производителей, разорявшихся в результате развития последнего. И. Н. Ульянов, напротив, не идеализировал крестьянскую общину, которая, как он полагал, далеко не процветает. "Рутинное и отчасти невнимательное отношение к главному источ-

нику своего благосостояния — земледелию выражается частыми неурожаями, — писал он, — неразумное ведение скотоводства — частыми падежами"; "действующие разрушительно на здоровье жизненные условия выражаются, в свою очередь, болезнью и смертью" (см.: об этом же в гл. IV, § 2).

Вместе с тем его взгляды совпадали с прогрессивной тенденцией либеральных народников, которые выступали за необходимость общедемократических мероприятий, направленных против остатков средневековья и крепостничества, за "самоуправление", свободный и широкий доступ знаний народу, "дешевые кредиты", улучшение техники и т. д., что должно ускорить развитие страны и расчистить путь капитализму.

Итак, И. Н. Ульянов, по утверждению его дочери, предстает не просто как высокопоставленный деятель со своей педагогической концепцией, и вообще чиновник по ведомству народного просвещения, дослужившийся в этой сфере до дворянского звания, что удавалось далеко не всем, а как воспитатель-подвижник, развивший традиции русского Просвещения. И коль скоро из семьи такого человека выходит великий мыслитель и революционер, то интерес к главе семьи еще более возрастает. Для главы семьи Ульяновых, "не бывшего никогда революционером", царствование Александра II было светлой полосой, хотя он симпатизировал революционному движению и во всяком случае не препятствовал политическим диспутам в семье. Благосклонностью со стороны министерства народного просвещения он не пользовался.

Что касается того, что в Симбирске он слыл и "большим либералом", но каких-то особых трудностей по службе не испытывал, то и данное положение требует доказательства. Его мировоззрение прошло тернистый путь развития, и жизнь, и деятельность были далеко не безоблачными.

М. И. Ульянова в книге "Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов" (1931), характеризуя формирование взглядов отца, сближает их с воззрениями радикально настроенных разночинцев, показывает его как общественного деятеля, воодушевленного лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х годов. Она приводит исторические факты, в частности, "упоминание фамилии отца одним из обвиняемых по каракозовскому делу".

И. Н. Ульянов сближается с В. И. Захаровым, который был умереннее ишутинцев. В очерке раскрываются становление Ильи Николаевича как "незаурядной личности", его политические воззрения, деятельность как демократа и гуманиста, его отношения к убеждениям своих детей. Отмечаются черты, унаследованные Владимиром Ильичем от отца, прежде всего — сила воли, энергия, способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также большой демократизм. Эти черты были у них общими.

Мировоззрение И. Н. Ульянова невозможно уяснить и без того, что было написано Н. К. Крупской. В работе "Детство и ранняя юность Ильича" (1938) и др. она ради объективной истины писала о семье Ульяновых то, что "слышала от него самого" (т. е. от В. И. Ленина. — К. П.). Она более точно определяла взгляды его отца на природу и общество, формировавшиеся под влиянием революционной демократии, его отношения к крестьянской реформе, Александру II как царю-освободителю. Сборник ее статей и выступлений "О Ленине", выходивший в 1960, 1965, 1971 и последующие годы, содержит ценные сведения об идеалах Ильи Николаевича. Н. К. Крупская отмечает, что В. И. Ленин не идеализировал отца. Мировоззрение И. Н. Ульянова определяется ею как религиозное, хотя верующий ученый преподавал физику, был метеорологом. Она знакомит читателя с обаятельным образом, привычками, вкусами, переживанием, жизненной позицией и деятельностью народного просветителя, который и в 80-е годы оставался, по ее мнению, все тем же демократом-шестидесятником, страстно ненавидящим крепостное право.

Труды об И. Н. Ульянове, созданные его родными, имели большое значение для достижения объективной истины в трактовке мировоззрения крупного общественного деятеля пореформенной России. Кроме того, члены семьи Ульяновых оказывали существенную помощь советским авторам в их научных исследованиях. Так, А. И. Ульянова-Елизарова редактировала книгу В. Н. Алексеева и А. В. Швер "Семья Ульяновых в Симбирске" (1925), в которой отражена просветительская деятельность И. Н. Ульянова на родине В. И. Ленина.

С начала 30-х годов характер работ об И. Н. Ульянове начинает меняться. Несмотря на культ личности Сталина и репрессии по отношению к инакомыслящим, сдерживавшим научные исследования социальных проблем, изучение жизни и деятельности И. Н. Ульянова не прекращалось. Тем не менее более полувека после кончины В. И. Ленина насаждалась догматизация ленинизма, приспособленная к потребностям сталинской модели государственного социализма. Фальсификация марксизма выражалась, в частности, в том, что все марксисты должны были быть на одно лицо, а все верующие ученые оставались идеалистами. И. Н. Ульянов как человек верующий якобы не мог не только разделять революционных убеждений, материалистических идей, но и не мог сочувствовать революционному движению. Религиозное в своей основе мировоззрение и вера в Бога, и царистские иллюзии, по мнению некоторых исследователей, исключали прогрессивные идеи в его научной и педагогической деятельности. Так, М. С. Шагинян в работе "Предки Ленина" (1937) и др. писала об И. Н. Ульянове как "противнике революционного движения". Н. К. Крупская, как известно, являясь строгим рецензентом, в 1937 г. опровергла подобные домыслы и подвергла критике ошибочный тезис автора об Илье Николаевиче как "мирном деятеле просвещения". Она раскрыла конкретное содержание политики, вне которой была невозможна деятельность педагога.

В исследовании мировоззрения верующего естественника обнаруживалась, таким образом, одна крайность: он зачислялся в идеалисты и противника революции. Последнее означало лить воду на мельницу религиозной философии, внушавшей мысль, что, если вычеркнуть из истории науки имена верующих ученых, она "сведется тогда к очень малому". Наоборот, как показали исследования Н. К. Крупской, выражением демократизма И. Н. Ульянова была его общественная деятельность по созданию национальных школ, его забота об укреплении дружбы народов Поволжья, оказавшие влияние на воспитание детей Ульяновых, самого В. И. Ленина.

В 40-х и начале 50-х годов и особенно в результате критики культа личности Сталина перед исследователями открылось более широкое поле деятельности. Одновременно с родными И. Н. Ульянова поисками истины в оценке

взглядов народного просветителя занимались многие авторы. Были изданы книги Н. И. Алпатова, А. К. Анисенковой, Д. А. Балика, В. М. Горохова, А. И. Иванского, А. И. Кандакова, А. Л. Карамышева, Т. Д. Корнейчика, Ж. А. Трофимова, М. С. Шагинян и др. Жизнь и педагогическая теория и практика И. Н. Ульянова были подвергнуты дальнейшему анализу. Данный процесс продолжался в 60-е и последующие годы.

В большинстве исследований доминировала точка зрения Н. К. Крупской на мировоззрение И. Н. Ульянова как последователя педагогических идей революционных демократов. Д. А. Балика в работе "Педагогические положения и дидактические взгляды И. Н. Ульянова" (1951), сопоставляя его идеи с учением Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, устанавливает факт их совпадения, в частности, концепции о воспитании новых людей, сильных духом, умом и волей, которая была общей для них. Съезды народных учителей, руководимые И. Н. Ульяновым, отмечает А. И. Кондаков в монографии "Директор народных училищ" (1964), "были подлинно демократическими". В общественной и личной жизни Илья Николаевич стремился к одной и той же цели — воспитанию патриотов родины. Основой всей системы образования является глубокое уважение к личности ребенка. Подчеркнуто, что И. Н. Ульянову были известны и близки мысли Л. Н. Толстого, который признавал, как и Руссо, Кант и Дистервег, совершенство природы ребенка и отрицал возможность насилия над ним. К сожалению, автор не раскрывает философского основания педагогической теории Руссо, во многом утопической, в особенности, когда речь идет о свободном воспитании, о вере в примат чувств, в их доминирующее для этики значение и о вере в карающее божество.

Существенный вклад в научный анализ идейного наследия И. Н. Ульянова, его родных внес Ж. А. Трофимов своей трилогией "Великое начало" (М., 1990), выходившей ранее отдельными изданиями. Весьма обстоятельный материал об эволюции мировоззрения просветителя содержится также в его трудах "И. Н. Ульянов в Пензе" (1973) (в соавторстве с О. М. Савиным), "Гимназист Владимир Ульянов" (1976), "Ульяновы" (1978), "Илья Николаевич Ульянов" (1981) (в соавторстве с Ж. Б. Миндубаевым), "Отец Ильича" (1981), и др. Достоинство их

работ состоит в объективной оценке сложной и противоречивой эпохи 60-х годов, историческом подходе к характеристике идейно-политических взглядов И. Н. Ульянова, его борьбы с реакционными помещиками и духовенством и его выдающейся роли как представителя естествознания (физики, астрономии) и математики и как демократа и просветителя в формировании научного мировоззрения своих детей.

Правда, часть исследователей была склонна поддержать мнение Б. Н. Жаданова, высказанное в его работе "Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова и воспитание детей в его семье" (1956), и в публикациях других авторов о том, что формирование материалистического мировоззрения, разоблачение религиозных предрассудков, защита научного познания И. Н. Ульяновым были связаны с его исследованиями в области физики, астрономии и математики[14]. В 60-х годах они стали трактовать мировоззрение Ильи Николаевича как материалистическое. Для обоснования своих концепций они ссылаются обычно на исследования И. Н. Ульянова в области естественных наук. Более того, некоторые авторы и в 70-е годы, и позднее пытались причислить народного просветителя к представителям философского и даже диалектического материализма. "В противоположность господствовавшему идеализму, — утверждает Д. И. Антонюк, — И. Н. Ульянов становится на сторону мыслителей диалектического материализма, хотя в силу известной ограниченности он не поднялся до уровня цельного материалистического понимания явлений природы и общества"[15]. Если следовать логике наших авторов, то можно заключить, что у И. Н. Ульянова было два мировоззрения, что противоречит законам логического мышления. Доказано же, что религиозная вера И. Н. Ульянова проявлялась не только в представлениях о сверхъестественном, но и на практике, в соблюдении им обрядов. Бесспорно и другое, отмечает И. А. Крывелев, Илья Николаевич в отношении к религии "был свободомыслящим человеком" (см.: гл. II). Но свободомыслие и материализм — не одно и то же.

Логика материала диктует некоторым исследователям причудливую форму априорных умозаключений и даже не без примеси фантастики. Они полагают, что поскольку естественно-научный материализм обусловлен объектом

научного исследования, у естественника не может быть второго мировоззрения: ни религиозного, ни идеалистического. В результате приходят к выводу, что все естествоиспытатели буржуазного общества — материалисты. Утверждалось о том, что И. Н. Ульянов — материалист. Данный тезис принимался в качестве постулата, без доказательства. В трактовке взглядов просветителя, таким образом, была допущена другая крайность, противоположная той, против которой предостерегала Н. К. Крупская.

Для определения философских взглядов естественника нередко берутся аргументы, которые сами требуют обоснования. Причисляют к материалистам и И. Ньютона, физические воззрения которого противоречили его личной религиозности. Отказ от проникновения в сущность явлений, стремление ограничиться математической характеристикой связей вещей приводили к враждебным науке утверждениям, что нужно отречься от теоретического, следовательно, и философского, мышления в пользу эмпирического описания фактов. В свое время Ньютон это отречение выразил предостережением: "Физика, берегись метафизики!". Здесь обнаружилась несостоятельность метафизики.

Отход от философских принципов, забвение и игнорирование законов диалектики могут привести исследователя к порочным выводам, в основе которых лежат ложные основания. Презрение к ним не остается безнаказанным. Не случайно вокруг данного вопроса не прекращаются яростные споры. Имеется в виду и метафизическое отрицание духовного богатства И. Н. Ульянова. Некоторым нашим ниспровергателям Ленинианы не дает покоя недобрая слава Герострата. У всех честных людей вызывают чувство протеста нападки на Ульяновых, необъективное, пристрастное освещение философского наследия самого В. И. Ленина.

История исследований жизни и деятельности И. Н. Ульянова показывает, что в ходе творческого освоения идейного наследия демократа-просветителя был накоплен фактический материал, что позволяет создать более полную картину формирования и развития мировоззрения И. Н. Ульянова. Все это дает возможность показать значение его прогрессивных взглядов в воспитании революционеров.

3. Легенды и мифы. Западные исследования

Победа социалистической революции в России вызвала в стане наших противников волну антисоветизма. Буржуазные идеологи не замедлили выступить в поход и против отца В. И. Ленина. Несмотря на выход в свет воспоминаний родных, краткой научной биографии Ильи Николаевича Ульянова и ряда других исследований советских авторов, на Западе вокруг имени демократа-просветителя до сих пор не прекращается идейная борьба.

Жизнь и общественно-педагогическая деятельность И. Н. Ульянова были и остаются предметом особого внимания советологов. За рубежом опубликовано немало трактатов, посвященных семье Ульяновых. В них, как в калейдоскопе, представлены различные точки зрения относительно политических, нравственных и религиозных воззрений И. Н. Ульянова. На массового читателя обрушивается мутный поток тенденциозной литературы о В. И. Ленине и его родных. Книги, брошюры и статьи в периодической печати нередко маскируются под научную информацию и сбивают с толку неискушенных в политике и философии людей.

Вместе с тем примечательно, что некоторые западные историки и общественные деятели стремились и стремятся к серьезному объективному исследованию жизни и деятельности отца В. И. Ленина. Так, в "Британской энциклопедии" и в американской "Энциклопедии общественных наук", в которой опубликована статья Гарольда Ласки, дана правильная оценка деятельности И. Н. Ульянова и воспитания в его свободолюбивой семье на демократических традициях. Г. Ласки, в частности, отмечает: "Все шестеро детей этой семьи были преданы русской революции"[16]. К числу авторов, которые подвергают резкой критике многие положения традиционной буржуазной историографии, относится английский исследователь Н. Хардинг. Он верно пишет о формировании взглядов молодого В. И. Ульянова (Ленина), подчеркивая роль демократически настроенной семьи, в воспитании революционных убеждений детей Ульяновых. Именно в семье, отмечает Хардинг, "Ленин впервые знакомится с

радикальной литературой 1860—1870 годов", с трудами Чернышевского, "начиная с его бескомпромиссных статей в "Современнике" и кончая его романом "Что делать?"[17]. Автор говорит, что Ленин не остановился на учении революционных демократов, а обратился к теории Маркса.

Более или менее объективно стремятся осветить роль семьи Ульяновых в воспитании революционеров и некоторые другие авторы. Так, английский историк Тони Клифф пишет: "Семья Ульяновых была очень сплоченной, и отношения ее членов друг к другу были очень теплыми. Для того, чтобы уберечь всех, Александр держал в секрете свое участие в заговоре (против царя Александра III. — К. П.)"[18]. В своем исследовании Т. Клифф опирается на марксистские работы о семье Ульяновых.

Однако многие зарубежные авторы, анализируя революционную деятельность детей Ульяновых, далеко отходят от истины, когда характеризуют их отца — демократа И. Н. Ульянова. Западные социологи нередко строят свои версии на зыбкой основе субъективизма и приходят в противоречия со своими же умозаключениями. Ряд исследований, опубликованных за рубежом, написаны с позиций антисоветизма. В них отсутствует объективная оценка той ближайшей среды, в которой рос и воспитывался молодой В. И. Ульянов (Ленин). Как справедливо отмечала еще в 60-х годах советский историк З. А. Левина, западные идеологи изображают взгляды И. Н. Ульянова в ложном свете, стремятся принизить значение педагога-демократа в воспитании своих детей, опираясь при этом на субъективные мнения из мемуаров меньшевиков и троцкистов, представляя последние в качестве наиболее авторитетных источников.

Так, Н. В. Валентинов, на мемуары которого так много ссылаются советологи, писал, что дети И. Н. Ульянова "стали революционерами только после его смерти и вопреки его воспитанию"[19]. Советские ученые на основе достоверных данных опровергли это утверждение об отце В. И. Ленина, показали, что И. Н. Ульянов не только являлся создателем передовой педагогической системы, но именно он заложил основы революционного мировоззрения у своих детей.

Влияние И. Н. Ульянова в семье было огромным, авторитет отца в ней был очень велик. Кроме больших

способностей и одаренности, которыми обладали его дети, у них имелись благоприятные условия для развития. "Отец и мать наши были люди культурные и идейные, самый пример которых влиял развивающим и гуманизирующим образом"[20], — писала М. И. Ульянова. Илья Николаевич "влиял и на умственное развитие детей, — отмечала она, — знакомил их с лучшими произведениями русских и иностранных классиков, указывая, в частности, на те стихи своего любимого поэта Некрасова, в которых звучали гражданские мотивы"[21]. В семье был большой интерес к передовой науке и искусству. "Ленин принадлежал к поколению, которое росло под влиянием Писарева, Щедрина, Некрасова, Добролюбова, Чернышевского, революционно-демократической поэзии 60-х годов", — подчеркивала Н. К. Крупская. В семье высоко ценились "произведения поэтов "Искры", та литература, те стихи, которые с детства слышал Ильич от отца, от старшей сестры и старшего брата"[22]. Свободолюбивые идеи, содержащиеся в этих произведениях, критика дворянской и буржуазной морали, старых, отживших нравов и всего уклада жизни России имели большое влияние на детей. Эта литература давала зарядку, звала к действию, к поискам новых путей борьбы против духовного и социального угнетения.

Лучшие качества человека и гражданина дети усвоили от отца. "Его личный пример, — отмечала А. И. Ульянова-Елизарова, — было то самое большое, неизмеримое по воспитательному значению, что получали от него дети"[23]. Н. К. Крупская писала: "Ильич шел по стопам отца: в старшем классе гимназии он целый год занимался с товарищем чувашом, отставшим по русскому языку, чтобы подготовить его к поступлению в университет, и подготовил... Все знают, какую громадную роль проделал Ленин, закладывая основы дружбы народов СССР"[24]. Под влиянием отца дети воспитывали в себе высокие идейно-нравственные качества, чувства любви к родине и народу, усваивая демократические традиции российского освободительного движения.

От него они восприняли любовь к естественным и гуманитарным наукам, приверженность к передовым идеям в этих науках. И. Н. Ульянов, которому свойственны были пытливость ума и неортодоксальность мышления, конечно, видел, что накапливавшиеся факты в развивающемся

естествознании приводили ученых к обобщениям, вступавшим в конфликт с религиозным миросозерцанием. Вполне сознательно он встал на сторону того направления в науке, которое подрывало укоренившиеся догмы, библейскую картину мира. Его естественно-научные представления во многом согласовались с материалистическим учением. Этот взгляд на окружающий мир усваивался и его детьми.

Одним из средств формирования у детей правильных взглядов на природу была наглядность. Например, для объяснения сложной структуры Вселенной, движения в космосе Илья Николаевич использовал прибор теллурий. "Он выписал астрономический прибор, состоящий из лампы, которая играла роль Солнца и освещала Землю и Луну — маленький глобус (Земля) и серебристый шарик (Луна). Глобус приводился во вращательное движение вокруг собственной оси и по эклиптике вокруг Солнца при помощи особого часового механизма. В определенных фазах Луны прибор демонстрировал солнечное или лунное затмение, полное или частичное, в зависимости от того, в тень или полутень входила Земля, — вспоминал Д. И. Ульянов. — Прежде чем демонстрировать прибор в школах, он показывал его своим детям у себя в квартире"[25]. Эти занятия по астрономии оставили в сознании младших Ульяновых глубокие следы, запомнились на всю жизнь, способствовали дальнейшему углубленному изучению материальной действительности и позволяли им отходить от привычных представлений. Познание закона всемирного тяготения и других причинно-следственных связей имело большое значение в формировании их научного мировоззрения.

Под влиянием естественно-научных взглядов отца постигал тайны мироздания Владимир Ульянов. Не случайно впоследствии он делает выписки из работ Ф. Даннемана и др. авторов о создании картины мира с древних времен. Но, обнаруживая у него небрежности, прямо-таки мечет громы и молнии, издевается над его банальностями. Замечает, что тот "намечает философские вопросы пошло": "В Египте ясные ночи облегчали занятия астрономией. Наблюдали за звездами и их движением". Как будто в Вавилоне не было учебника по астрономии, составленного за три тысячелетия до н. э. В Китае два астронома не могли предсказать затмение в 2137 году до н. э.

и за это поплатились жизнью. Существенно другое. Что вызывает больше всего удивления? Разве одни звезды над нами? И нравственный закон внутри нас, писал Кант.

Зная толк во всем, что происходит во Вселенной, важно для человека из данных наблюдений делать философские выводы о сущности и происхождении бытия, природы и человека, материального и духовного, их значении в мировом процессе.

Беседа В. И. Ленина с А. М. Коллонтай в 1918 г. и его воспоминания о том, что он "в ранней юности очень хорошо знал все созвездия", еще не прибавляют нам знаний философии астрономии. Другое дело, критикуя махистов, отвергавших понятия причинности, необходимости, субстанции как не данные в "опыте", Ленин дал научное обоснование практики, включив в нее "также практику астрономических наблюдений, открытий и т. д."[26].

Философия Просвещения апеллировала не к богословию и мистике, а к разуму и науке. Она осветила путь И. Н. Ульянову и его детям. О том, что в его семье был повышенный интерес к космографии и дети увлекались наукой не только под воздействием отца, свидетельствуют современники, дававшие им популярные издания, от которых Ульяновы были в восторге. Так, в письме к своей гимназической подруге А. Щербо от 3 августа 1889 г. Ольга Ульянова писала: "Ты очень любила астрономию и давала мне книгу "Небесные светила" К. Фламмариона. Не могу вспомнить равнодушно об этой книге — какая прелесть! Я с тех пор читала многие другие, более подробные, но нигде не было такого увлечения и такой поэзии, особенно мне нравится первая страница, где говорится, что ночь не опускает покров на Вселенную, а поднимает его... А знать хотелось бы мне следующее: любишь ли ты теперь астрономию и интересуешься ли ею по-прежнему? Спрашиваю потому, что в случае утвердительного ответа могла бы поделиться с тобою своими восторгами"[27]. Ульяновы узнавали не только происхождение названий планет и созвездий, способы нахождения невооруженным глазом того или иного светила на небосводе. Посредством астрономических знаний они постигали истину об окружающем мире и понимали безграничные возможности разума, все больше убеждались в том, что человек, опираясь на его силу и могущество, овладеет глубже тайнами бытия.

Тем не менее, претендуя на окончательную истину в последней инстанции, западные исследователи искажают взгляды И. Н. Ульянова, его гуманистические идеалы. Так, одним из распространенных выводов является тот, что в основе его мировоззрения лежало религиозное отношение к окружающему миру, якобы подчиняющее себе всю систему взглядов и убеждений Ильи Николаевича. Например, Д. Шуб (США) представляет И. Н. Ульянова фанатически "преданным членом русской православной церкви"[28]. При этом в качестве доводов авторами приводятся ссылки на внешние факты биографии педагога — в частности, систематическое соблюдение им церковных обрядов ("ходил на богослужение в кафедральный собор в Симбирске")[29].

Мировоззрение И. Н. Ульянова во многом формировалось тогдашним русским обществом, в котором религиозные устои были еще крепки. Для него соблюдение религиозного культа не было данью моде, имело свои основания. Христианство оставалось источником этических ценностей, привлекало своей эстетической функцией. Оно было призвано, по его замыслу, улучшить нравственное воспитание в школе. И. Н. Ульянов являлся верующим, у которого религиозная ориентация была подчинена другим направлениям его деятельности, прежде всего распространению научных знаний.

Материалистическая тенденция в его мировоззрении противоречила "Священному писанию" и теологии, обвинявшей естествоиспытателей в извращении роли науки, которая якобы должна изучать мудрость создателя в его творениях.

Над всем этим не грех бы задуматься тем нынешним авторам, которые, пользуясь тенденциозно подобранными аргументами, тщетно стараются "обогатить" биографию В. И. Ленина и заодно "пролить свет на жизнь его предков". "Советологи" не желают понять, что, несмотря на силу церкви как опоры царского трона, крестьяне, из которых вышел отец И. Н. Ульянова, не отличались особой набожностью, нередко высмеивали служителей культа. Народ давно сказал: "Мужик не перекрестится, пока гром не загремит".

В противовес философам православия, в трактовке которых русский крестьянин постиг и усвоил истины божественного откровения, В. Г. Белинский считал, что

он — плохой теист и не очень последовательный приверженец христианства. "Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? — писал радикальный демократ. — Про попа, попадью, попову дочку и попова работника... Приглядитесь по пристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ"[30].

Из того, что И. Н. Ульянов был верующим и в проповедях Христа Спасителя находил некоторое утешение и поддержку в нравственном воспитании, — еще не следует, что его взгляды на мир, как это пытаются изобразить необъективные авторы, были консервативными. Под влиянием демократической литературы, научных занятий И. Н. Ульянова и всей российской действительности происходила секуляризация религиозного сознания его детей; предметы, действия и тексты "Священного писания" переставали быть для них сакральными. В его семье западали зерна сомнения в слепую веру, во все, что обычно преподносилось людям именем и авторитетом Бога. Илья Николаевич не навязывал никому религиозных убеждений, благодаря толерантности, терпимости к различным религиозным убеждениям он обрел высокий авторитет в обществе. Не случайно его дети со временем переставали исполнять культовые обряды и порывали с религией. Так, разрыв Владимира Ульянова с религиозной верой произошел, когда ему было 16 лет, еще при жизни отца, о чем свидетельствует "Биографическая хроника": "1885 — ранее 12(24) января 1886. Ленин порывает с религией"[31].

И. Н. Ульянов был не просто свободно мыслящим человеком в делах веры. Надо учитывать характер его веры. Как известно, в сознании многих передовых людей совмещались религиозные верования и научные взгляды. Как ученый педагог он верил в результаты наблюдений и экспериментов, в справедливость естественно-научных представлений. Эта вера имеет большое значение в формировании индивидуального мировоззрения и не имеет ничего общего со слепой религиозной верой — ее природа совершенно иная. Она основана на подтверждении практикой научных выводов. Естествознание, которое развивал и проповедовал И. Н. Ульянов, подрывало церковный авторитет, так как противоречило догматам вероучений как абсолютно неизменной истине.

От народной школы И. Н. Ульянов требовал, чтобы она, развеяв массу предрассудков, дала крестьянам положительные научные знания, научила их пользоваться дарами окружающей природы и развила бы в народе гражданственность, чувство человеческого достоинства, которое веками унижалось и подавлялось в нем. Христианство же включало в свой моральный кодекс лишь некоторые общечеловеческие нормы нравственности, используя их для укрепления своих устоев.

Идеи Просвещения служили обоснованием общечеловеческих норм, которые были выработаны народными массами в борьбе с социальным злом, с несправедливостью. Это рано начали понимать дети Ильи Николаевича. Нравственный идеал гражданина достижим в борьбе классов, о которой Владимир Ульянов знал уже в гимназии. Так, 15 апреля 1887 г., за несколько дней до казни брата Александра, директор Симбирской классической гимназии Ф. М. Керенский, возвращая Владимиру Ильичу его сочинение на тему "Причины благосостояния народной жизни", недовольно спросил: "О каких это угнетенных классах вы тут пишите, причем это тут?"[32].

Деятельность И. Н. Ульянова как просветителя и как педагога-естественника объективно была направлена против мистики. Вместе с тем это не означает, что его взгляды в других областях, прежде всего в истории, философии, были свободными от заблуждений. Это естественно. Илья Николаевич, по словам Н. К. Крупской, являлся "сыном своей эпохи". Он оставался верующим, однако нигде не проводит мысли о божественном происхождении государства, права, морали, искусства. Религия у него не является источником, основой нравственности.

Носителями его передовых идей выступали народные учителя, воспитанники педагогических курсов и учительской семинарии. "Большинство из нас поехали воевать с попами, писарями и другими воротилами сел и деревень, — писал один из них, А. С. Кабанов. — Я принадлежал к этой партии"[33]. Под "партией" имелись в виду выпускники курсов, созданных И. Н. Ульяновым.

И. Н. Ульянов, будучи свободомыслящим человеком, не являлся ревностным сторонником православия, как это стремятся представить буржуазные авторы. Выше уже говорилось, что научные взгляды и религиозные чувства в сознании педагога никогда не имели прочной внутрен-

ней связи, не образовывали единства: Илья Николаевич предпочитал научные знания и не ограничивал разум в пользу религиозной веры, считая, что истину надо искать в данных опыта и наблюдений, а не в потемках схоластики или цитатах "Священного писания". У него рано зародилось сомнение в божественном творении мира, и он считал ложной веру в чудеса. Он учил, что наука дает человеку средства оградить себя от разрушительных действий стихийных сил природы, борется с суевериями и побеждает их аргументами. Вместе с тем он уважал чувства верующих.

С другой стороны, как отмечают Ж. А. Трофимов и Ж. Б. Миндубаев, Илья Николаевич, "отвечая за народное образование в губернии, не мог и не хотел закрывать глаза на недобросовестность некоторых преподавателей-священников, их непристойное подчас поведение, пресекал их попытки вмешиваться в дела школы"[34]. Он не одобрял фанатизма тех пастырей, которые насаждали религию и воспитывали детей в страхе Божьем. Его прогрессивные воззрения на мир неизбежно вступали в противоречия с идеологией православия, защитники которой объективно отстаивали нищету, забитость, темноту народа, проповедуя так называемое "смирение". Опасаясь дальнейшего наступления передовой науки, казанский архимандрит Гавриил писал: "Россиянин богобоязлив, до бесконечности привержен вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности"[35]. Разумеется, с подобной характеристикой русского народа И. Н. Ульянов не мог согласиться.

Для тенденциозной западной советологии в целом характерно, что ее представители все реже выступают с открытым забралом и чаще оперируют отдельными достоверными положениями биографии В. И. Ленина, по-своему их трактуя. Так, английский исследователь Ф. Вили пишет: "Нет оснований утверждать, что семья Ульяновых была настоящим местом воспитания революционеров. Напротив, отец Ленина Илья Ульянов, по-видимому, представлял из себя довольную и консервативную личность, иначе он вряд ли бы так преуспевал на государственной службе"[36].

В качестве доказательства приводится его "преуспевание на государственной службе". Очевидно, имелась в

виду прежде всего служебная карьера И. Н. Ульянова, ибо, если по-настоящему серьезно анализировать его деятельность на поприще народного образования, нетрудно убедиться, что профессиональный путь педагога-демократа был отнюдь не безоблачным.

Истории известно немало случаев, когда передовые умы, принадлежавшие к правящему классу, сознательно покидали позиции своего класса и верно служили народу. С другой стороны, мы знаем мыслителей и общественных деятелей, придерживавшихся прогрессивных взглядов, которые занимали высокие государственные посты. Так, Т. Мор, убежденный гуманист, автор знаменитой "Утопии", — выходец из буржуазной среды, занимал в Англии высший государственный пост лорд-канцлера. Таким образом, общественное положение человека само по себе не может служить весомым аргументом для характеристики его убеждений.

И. Н. Ульянов происходил из беднейших мещан и получил личное дворянство в 1861 году по указу Сената от 31 августа, которым он был произведен в чин титулярного советника, давшего ему право на это. При этом само возведение в звание дворянина явилось следствием достоинства его официального положения, которого он добился благодаря своей самоотверженной педагогической и общественной деятельности, незаурядному уму и высоким организаторским способностям.

Важнейшее значение при анализе его идеала имеет отношение к объективности знаний. А между тем на Западе материалистическая философия трактуется в рамках традиционной для буржуазной историографии методологии ("западничество", "нигилизм", "народничество"). Выявляя проблему, исследователи гипертрофируют ее, объявляя единственно истинной. Не странно ли! Не отказываясь от субъективизма, волюнтаризма и произвольного толкования русских просветителей, они недооценивают роль диалектики в философии радикальных демократов. А русских монархов представляют в качестве центральных фигур Просвещения в России, их правление как попытку обосновать императорскую власть на философских принципах, а не на санкции православия.

Московские цари же подобно восточным деспотам, замечал Степняк-Кравчинский, могли угнетать и изводить людей сколько их душе угодно (см.: Степняк-Крав-

чинский С. М. Россия под властью царей. Соч. Т. I. М., 1987, с. 58). И назвать их просвещенными как и египетских фараонов могли лишь на Руси проповедники кнута, апостолы невежества, поборники абскурантизма и мракобесия.

Царское правительство не сразу обнаружило, с кем оно имеет дело в сфере народного образования, вынуждено было считаться с бесспорными заслугами педагога. Вместе с тем власти не одобряли новые прогрессивные методы обучения и воспитания, с подозрением следили за усилиями И. Н. Ульянова по расширению курса естествознания в народной школе.

Борьба педагога против механического заучивания детьми уроков, за сознательное, логическое понимание содержания естественно-научного материала как в институте и гимназиях, где он преподавал в 50—60-х годах, так и в народных училищах, не могла остаться незамеченной законоучителями, которые ревностно оберегали авторитет церкви и с тревогой заявляли об усилении лагеря "нигилистов", искали крамолу у преподавателей естествознания.

Так, опасаясь усиления влияния на учеников уроков И. Н. Ульянова и его единомышленников по физике, космографии и другим предметам, законоучитель Д. Страхов с откровенной враждебностью писал, что "тлетворный ветер материализма всюду носится, всюду крепнет и увлекает за собой всякого, кто недовольно опытен для того, чтобы распознать и различать этот дух заблуждения духа истины, или недовольно силен для того, чтобы бороться с ним"[37]. Помещики и духовенство были обеспокоены ослаблением в низах религиозной веры.

Особенно встревожены они были проходившим в 1881 г. в Симбирске под руководством И. Н. Ульянова съездом инспекторов народных училищ, который решил, вопреки мнению Св. Синода и местного духовенства, сократить число уроков по Закону Божьему в школах. Отцы церкви не замедлили выступить в "Симбирской земской газете" (1882, 28 марта) с жалобой о том, что вышеупомянутый съезд "нашел возможным исключить из программы 11 уроков во 2-м году и в 3-м году с 26 урока до конца, без всяких мотивов, и в таком обрезанном виде рекомендовал программу эту законоучителям к руководству". Они сетовали на то, что "практическая сторона законоучительства

год от года... стала слабеть и падать", что "из училищ метлой вымело все часословы и псалтыри"[38], на изучении которых настаивали священнослужители.

Власти с недоверием относились к директору народных училищ, опасаясь дальнейшего усиления его позиций в школе. Они проявляли недовольство тем, что он близко стоял к народу и смело внедрял в практику обучения прогрессивные для своего времени педагогические идеи. В 80-е гг. усилились гонения на учителей и детище И. Н. Ульянова — земскую и министерскую школы в Симбирской губернии, плод его многолетних трудов. С 1884 г. отдается предпочтение церковно-приходским школам, свертывается строительство народных школ, в заведовании которыми главная роль отводится духовенству. Рекомендуется "не задаваться побочными целями, например, сообщением учащимся разнообразных сведений из окружающего мира (мироведения)". Результаты деятельности И. Н. Ульянова оказались под угрозой уничтожения реакционными силами. Это был удар по светлым надеждам демократа, который в народном просвещении видел смысл своего существования.

В последнее десятилетие своей жизни Илья Николаевич все чаще подвергался нападкам со стороны помещиков и духовенства.

Общественно-педагогическая "деятельность И. Н. Ульянова стала подпадать под подозрение"[39], — отмечала впоследствии А. И. Ульянова-Елизарова. На него последовали доносы. Предводители дворянства и духовенство требовали смены состава дирекции народных училищ, отстранения Ильи Николаевича от руководства народной школой. Складывалась сложная обстановка неприязни к И. Н. Ульянову, которая превращалась в затаенную вражду к нему как одному из организаторов светского народного образования в многонациональном Поволжье. О том, что власти фактически готовились расправиться с ним, и он мог быть уволен по политическим мотивам за свои прогрессивные взгляды и ожидал приказа об отставке в любое время, до истечения срока выслуги, писали современники. И лишь потому, что министр просвещения А. А. Сабуров умер, И. Н. Ульянов был оставлен на очередное пятилетие, которое ему не пришлось дослужить. "Я только позже поняла, — писала А. И. Ульянова-

Елизарова, — как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку"[40].

Факт обострения противоборства И. Н. Ульянова с политикой царизма и его "раннюю трагедию" признают и на Западе реалистически мыслящие исследователи. Так, по мнению американского социолога Дж. Чарнока, "представление о скорой отставке, ожидаемой им, подорвало его сердце и, вероятно, явилось одной из причин его внезапной кончины"[41]. Идейная позиция И. Н. Ульянова шла вразрез с официальной доктриной "самодержавия, православия и народности". В конечном счете противоречия между принципами его педагогической деятельности, с одной стороны, и догматами церкви и политикой правящих кругов, с другой, переросли в конфликт, который в рамках царской России разрешался нередко трагически, как случилось с И. Н. Ульяновым, преждевременно скончавшимся в расцвете творческих сил.

Наиболее тенденциозные западные авторы нередко прибегают к прямым фальсификациям, возвеличивая слабые стороны и замалчивая сильное и позитивное в воззрениях И. Н. Ульянова. Так, из того, что он весьма "преуспевал" на государственной службе (цену этого "преуспеяния" мы уже знаем) или был верующим, они прямолинейно делают выводы относительно "консервативности" его взглядов. Уже упомянутый Л. Фишер, например, приходит к прямо-таки невероятному "открытию", утверждая, что И. Н. Ульянов приложил немало усилий к тому, чтобы "внешние силы не вторгались в эту миролюбивую семью" и "только вопреки воле отца дети смогли пойти своим путем"[42]. Подобные утверждения свидетельствуют либо о невежестве автора в исследуемой области, либо о заведомом извращении воззрений демократа И. Н. Ульянова. Английский "исследователь" Д. Мэкстон причисляет И. Н. Ульянова к тем деятелям, которые якобы "полагали целесообразнее" "вообще не иметь никаких политических взглядов"[43]. Абсурдность этого заявления вполне очевидна: **школа не могла быть вне политики. А ни одно классовое общество не обходилось без того, чтобы дать юношеству минимум политических знаний.** И. Н. Ульянов, являясь руководителем земских и министерских школ, вполне сознательно воплощал в практику педагогические идеи революционных просветителей. Перед глазами детей был пример отца, "отдававшего свои силы с огромным упорством и настойчивостью своему любимому делу —

делу всей его жизни — просвещению вчерашних рабов"[44], — писала М. И. Ульянова.

Если буржуазные профессора упрекают И. Н. Ульянова в "консерватизме", то они обязаны привести в качестве доказательства достоверные факты, которые служили бы основанием для такого вывода. Аргументов, которые бы подтверждали выдвинутый тезис, у них не обнаруживается.

Некоторые западные философы даже утверждают, что в современном мире естествознание и вера примиримы и гармонично дополняют друг друга. Здесь мы имеем дело с такими же априорными суждениями, когда желаемое принимается за действительное. Вера, в том числе и религиозная, включена в процесс познания. Первостепенное значение в ее сфере приобретает ее предмет, ее содержание.

Случайно ли забывают наши критики о том, что вера "меняет свое значение"? Нет, конечно. Более того, богословы стремятся причислить ученых-естественников к защитникам религии, к союзу с ними. Цель этого альянса — показать возможность "конструктивного" партнерства религиозной веры и научного знания для борьбы с материализмом, разрушения его как "специфически особой философской точки зрения".

Итак, если в отечественной историографии некоторые авторы строят умозаключения, с большой долей фантазии, о принадлежности И. Н. Ульянова к последнему, то западные исследователи проявляют особый интерес к его "ортодоксальной вере", упуская из виду его стремление к познанию законов природы, большей свободы действий, обойтись без божественного творения и откровения.

Было бы ошибочным полагать, что его религиозное мировоззрение свободно от противоречий. В особенности, когда речь идет об идеале, который может быть раскрыт и понят только через борьбу веры и знания. Трансцендентные силы же доступны вере, на которой не основана ни одна научная истина.

Над этим бы не грех поразмыслить исследователям, занимающимся изучением мировоззрения "верующих" ученых, учесть, что теологи объявляют человеческий разум неспособным не только к богопознанию, но и истинному миропониманию без опоры на веру. Это для того, чтобы дать ему более объективную оценку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение определенного круга первоисточников позволило нам охарактеризовать взгляды И. Н. Ульянова как представителя естествознания, педагога, крупного общественного деятеля и просветителя в сфере народного образования России. Необходимо было дать критический анализ концепций отечественных и западных исследователей, неадекватно оценивающих мировоззрение отца В. И. Ленина. Мы не стремились (как это делалось нередко в прошлом в философии) "выпрямить" и освободить от противоречий мировоззрение И. Н. Ульянова, представить его "последовательным материалистом", каковым он в действительности не был, оставаясь религиозным человеком, хотя и далеким от ортодоксальной веры. Произвольным являлось и толкование его учения как сознательного диалектика. Не следует и думать, что воспитание детей И. Н. Ульянова было основным фактором приобщения их к революционным идеям.

Здесь не было прямой преемственности, ибо просветитель и революционер не одно и то же. Вместе с тем, не надо данную связь понимать метафизически. История философии знает, как некоторые просветители воспитывали революционеров. Не был исключением в этом смысле И. Н. Ульянов. Находясь под влиянием передового естествознания и идейного наследия просветителей 60-х гг., он оказал воздействие на умственное и нравственное развитие народных учителей и своих детей.

Его прогрессивные идеи, просветительская деятельность как "единственного двигателя земства" в крупнейшей губернии Поволжья, развитие им народного образования как социального института, демократические и гуманистические идеалы сыграли большую роль в формировании научного мировоззрения молодого поколения.

Это вынуждены были признать и реалистически мыслящие западные исследователи. Но, отдавая дань и должное влиянию И. Н. Ульянова на воспитание революционеров, некоторые авторы вместе с тем либо сознательно представляют в ложном свете его заслуги в народном просвещении и воспитании детей, либо неспособны объективно оценить его историческую роль. Это тем более,

что речь идет о содержании религиозного мировоззрения.

Истоки противоречия И. Н. Ульянова с правительством и церковью лежат в том, что он, занимая в губернской администрации высокое положение, по долгу службы был вынужден проводить в жизнь политику, неугодную царю и Св. Синоду и не соответствующую его демократическим убеждениям. За то, что И. Н. Ульянов стремился к созданию светской педагогической системы, выступал против вмешательства церкви в деятельность учителей и проводил демократические идеи в народном просвещении, он подвергался ожесточенным нападкам со стороны реакционных помéщиков и духовенства.

Таким образом, диапазон мировоззренческих убеждений И. Н. Ульянова был весьма широк, и именно попытка интегрировать эти убеждения и превратила его в крупную фигуру своего времени, оставившего глубокий след в истории просветительства в России, формировании русской школы и национальных школ для нерусских народов. Вполне очевидно, что в этом личностном качестве И. Н. Ульянов был способен оказывать существенное влияние на свою семью, на Владимира Ульянова и других своих детей, обеспечил их достойное воспитание, заложив и развив славную духовную традицию, которая оказала свое воздействие и на последующие поколения народных учителей.

Как видно, его мировоззрение являлось сложным и противоречивым. Было бы отступлением от исторической истины не учитывать факт религиозности Ильи Николаевича. Однако приобретенные в детстве его верования под натискóм развивающейся науки претерпевали изменения. В воззрениях педагога вызревала и развивалась стихийно-материалистическая тенденция, идущая вразрез с исходными установками религиозного мировоззрения. Существует, по его мнению, объективный мир как единое, связное целое. Отсутствует у него идея творения.

Его религиозная вера и знание относились к различным предметам, так как первая не была непосредственно связана с естественно-научными знаниями. Исследование природы он ведет своим естественным путем, обходится без религии. Его взгляд на сущность вещей был секулярным, отвечал требованиям развивающейся науки и просветительской практики.

Человек как предмет воспитания стоял в центре его педагогической системы, вступившей в конфликт с крепостнической системой воспитания. Кроме умственного, И. Н. Ульянов уделял пристальное внимание нравственному воспитанию, формированию у человека высоких моральных качеств. Его личность, проникнутая верой в добро, действовала гуманизирующим образом на общество. Данная концепция воспитания была направлена против авторитарной педагогики, сыграв выдающуюся роль в подготовке нового типа личности.

Взгляды И. Н. Ульянова на нравственность покоятся на рациональной основе. Однако он не предполагал, что период первоначального накопления капитала в России породит профессиональный критинизм, и его мечта о гармонически и всесторонне развитой личности окажется утопией. Тем не менее его борьба против догматизма и схоластики имеет большое значение в обучении и воспитании. Развивая прогрессивные методы в педагогике и опираясь на науку, он учил и воспитывал народных учителей и своих детей на традициях русской демократической культуры. Умственное, нравственное и эстетическое воспитание служило великой цели — просвещению народа во имя его благополучия и процветания. Проникнутое гуманизмом, верой в научное познание мира, наследие демократа И. Н. Ульянова является ценным достоянием не только нашего общества. Оно не утратило своего значения для других народов современного мира.

История учит, что невозможно справиться с задачами развития духовных богатств, созданных И. Н. Ульяновым, если теория и практика не учтут такой стороны общественного сознания как единые законы развития материального мира и отражения его в сознании человека. В этой связи философия должна следовать достоверности и объективной истине.

Только с применением научной методологии возможны правильное определение характера религиозного мировоззрения И. Н. Ульянова, анализ содержания его веры, выяснение того, есть ли стимулы к его развитию, подрыву догматов. Дать ответ на вопрос, почему И. Н. Ульянов не стал сознательным материалистом. Суть философской работы состоит в разрушении схоластики и в высвобождении содержания тех ценностей, которые оказались закованы в догматическую броню, ибо философия после

кончины его великого сына (Ленина) становилась апологетикой существующего порядка вещей.

Существенно обнаружить и изучить то общее, что сближает И. Н. Ульянова и Владимира Ильича. Высокое чувство долга, энергия, простота, скромность, строгое отношение к себе, доброта к людям труда, способность трезво реалистически мыслить, беспристрастно оценивать события, критически относиться к действительности — эти черты характера восприняты Владимиром Ульяновым от отца, авторитет которого в семье "был велик".

Большое значение имеют мысли И. Н. Ульянова о воспитании. Обращая внимание на развитие мышления детей, народный просветитель считал, что **школьный порядок держится не страхом наказания, но авторитетом преподавателя.** А наказание, отмечал он, показывает, что нравственное влияние учителя на детей слабо и его авторитет поколеблен.

По его убеждению, из системы воспитания должны быть исключены физические наказания, создающие у человека наклонности к слепому подчинению, не способные повысить сознание ребенка. В то же время он предъявлял высокие требования к наставникам, не прощал бездеятельности, равнодушия, безответственного отношения к делу. Его толерантность, любовь к людям труда, гуманизм ничего не имели общего со всепрощенчеством, с призывом к непротивлению злу насилием.

Впоследствии В. И. Ленин напоминал о необходимости сочетания принуждения и убеждения. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, писал он, а потом принудить. В идеале он видел строй, в котором люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и подчинения.

Лучшие элементы этого строя вызревали уже при его жизни — это передовые рабочие, просвещенные, писал Ленин, "За которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — **не побоялись признаться ни в какой трудности** и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели". (Полн. собр. соч., т. 45, с. 391—392). Все это не грех бы помнить современным фальсификаторам истории жизни и деятельности Ульяновых.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение (с. 1—7)

[1] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых. М., Политиздат, 1978, с. 211.

[2] Этот тезис пытается опровергнуть, например, М. И. Шахнович. См.: Ленин и проблемы атеизма. М., 1961, с. 9.

[3] См.: Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981; Ульянова-Елизарова А. И. Краткая биография Ильи Николаевича Ульянова. — В кн.: Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925). Пенза, 1925; Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. Сборник. Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М.—Л., 1927; *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых. М., 1978; *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1979; Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 тт. М., 1969—1979; *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. М., 1984.

[4] Назовем лишь основные: *Кондаков А. И.* Директор народных училищ. М., 1964; *Иванский А. И.* (сост.). Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М., 1963; *Карамышев А. Л.* (соавт. и ред.). Педагог и просветитель И. Н. Ульянов. Саратов, 1965; Известен всей России. И. Н. Ульянов. Статьи, документы, материалы. Авт.-сост. А. Л. Карамышев. Саратов, 1974; *Савин О. М., Трофимов Ж. А.* И. Н. Ульянов в Пензе. Пенза, 1973; *Шагинян М.* С. Семья Ульяновых, М., 1969; *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969; *Трофимов Ж. А.* Ульяновы. Саратов, 1978; *Трофимов Ж. А., Миндубаев Ж. Б.* Илья Николаевич Ульянов. М., 1981; *Карамышев А. Л., Томуль А. И.* Воспитание в семье Ульяновых. Саратов, 1982; И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. Сборник. Сос. А. Л. Карамышев. Саратов, 1968; *Трофимов Ж. А.* Великое начало. М., Мол. гвардия, 1990.

[5] См.: *Молебнов М.* Жизнь и деятельность И. Н. Ульянова в Пензе. — В кн.: Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925). Пенза, 1925; *Радзиевский В. В., Балика Д. А.* И. Н. Ульянов — астроном и метеоролог. — Земля и Вселенная, 1965, № 5; *Кузнецов Ф. Г.* Некоторые вопросы методики преподавания физико-математических дисциплин в педагогической системе И. Н. Ульянова. Автореферат диссерт. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Казань, 1969; его же. Деятельность И. Н. Ульянова в области естествознания. — Уч. зап. Ульяновск. гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова, т. XXVI, вып. 3, 1970;

Трофимов Ж. А. Отец Ильича. Саратов, 1981; *Карамышев А. Л.* Педагогическая и культурно-просветительская деятельность И. Н. Ульянова и педагогов-ульяновцев в дореволюционной России. — Автореферат диссерт. на соиск. учен. степени доктора пед. наук. Л., 1981 и др.

[6] *Балика Д. А.* Психологические воззрения И. Н. Ульянова. — Тезисы докладов научной конференции. Горький, 1968, с. 90; *Карамышев А. Л.* И. Н. Ульянов — выдающийся педагог и просветитель. — В кн.: Известен всей России, с. 33 и др.

Глава I (с. 8—36)

[1] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1947, с. 535.

[2] Несмотря на развитие ярмарочно-караванной торговли, деятельности подвижных скупщиков, прасолов и коробейников, являвшихся уже профессиональными торговцами, российские фабриканты и промышленники нуждались в новых рынках.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184—185.

[4] Эти слухи, докладывал Александру II шеф жандармов В. А. Долгоруков, "распространялись по всей империи и привели в напряженное состояние как помещиков, так и крепостных людей" (Крестьянское движение в 1827—1869 гг., вып. 1. М. — Л., 1931, с. 109—110, 113—114).

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.

[6] Под разночинцами в 50-х гг. XVIII в. подразумевали людей "разных чинов и званий" недворянского происхождения. В XIX в. понятие "разночинец" наполнилось новым содержанием и включало в себя существенный признак — тесную связь с народом.

[7] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

[8] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч., т. 1. М., 1861, с. 12—13.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 304.

[10] *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1979, с. 25.

[11] *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения, т. 6. М., 1980, с. 286.

[12] Метафизика — противоположный диалектике философский метод, исходящий из количественного понимания развития, рассматривающий вещи и явления неизменными и независимыми друг от друга, отрицающий внутренние противоречия как источник развития в природе и обществе.

[13] См.: *Кедров Б. М., Огурцов А. П.* Марксистская концепция истории естествознания. XIX век. М., 1978, с. 399.

Что касается религиозной идеологии, то русская церковь уже во времена Московского государства имела малую автономию по отношению к самодержавной власти. При Петре I она становится прямым звеном государственной бюрократии.

[14] *Владимир Ильич Ленин.* Биография, т. 1. М., 1985, с. 1.

[15] См.: *Иванский А. И.* (сост.). Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам, с. 8.

[16] См.: *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 215.

[17] *Карамышев А. Л.* И. Н. Ульянов — выдающийся русский педагог и просветитель. — В кн.: Известен всей России. И. Н. Ульянов, с. 17. Мечты о свободе жили в народе веками. "Земля и воля" среди других губерний, охваченных крестьянским движением, выделяло волжские, где "Разин и Пугачев навсегда заложили семена ненависти к существующему строю" царской деспотии (Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М.— Л., 1934, с. 257—258).

[18] Астраханские губернские ведомости, 1847, 4 октября.

[19] Антология мировой философии. В 4-х тт. Т. 1, ч. 2. М., 1969, с. 706. Возможно, от рассмотрения "Слова" Даниила Заточника к изложению сатиры А. Д. Кантемира И. Н. Ульянов следует не случайно: умственное невежество, дикие нравы, лень и пр., царящие в русском обществе, изображаемые в них, противостояли мудрости — идеалу совершенного знания и правильного образа жизни (См.: Сочинения, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира. СПБ, 1867).

[20] *Ульянов И. Н.* О вдохновении. — В кн.: Известен всей России, с. 120.

[21] *Шагинян М. С.* О науке наук. — Наука и жизнь, 1963, № 8, с. 9. Именно влияние философии русских просветителей на И. Н. Ульянова обнаруживается и в других его ранних работах, проводниками идей которой были его учителя, воспитанники Казанского университета.

[22] *Кузнецов Ф. Г.* Некоторые вопросы методики преподавания физико-математических дисциплин в педагогической системе И. Н. Ульянова. — Автореферат диссерт. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. Казань, 1969, с. 5—6.

[23] Философский смысл астрономии М. А. Ковальского заключается в том, что в его концепции отсутствует акт творения Вселенной. В ней разработаны методы анализа звездных движений и теория вращения Галактики вокруг центра массы. В работе "О законах собственного движения звезд каталога Брадлея" (1859), основываясь на том, что "наша сила, без сомнения, — всемирное тяготение, объединяет весь видимый мир", показал, что звездная система как единое целое не может иметь одного центрального Солнца в качестве динамического центра, т. е. управляющего движением всей системы (см.: Ковальский М. А. Избр. работы по астрономии. М. — Л., Гостехиздат, 1951, с. 68).

[24] Лекции Ковальского по небесной механике И. Н. Ульянов слушал студентом 4-го курса университета.

[25] *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* Нижегородские годы семьи Ульяновых. Горький, 1981, с. 17.

[26] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 220.

[27] Цит. по кн.: *Савин О. М., Трофимов Ж. А.* И. Н. Ульянов в Пензе. Пенза, 1973, с. 58.

[28] См.: *Огарев Н. П.* Избр. социально-полит. и философские произведения. Т. 1. М., 1952, с. 189.

[29] В честь 150-летия со дня рождения И. Н. Ульянова. — Материалы научной сессии 23 июля 1981 года, организованной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Вопросы истории КПСС, 1981, №10, с. 155.

[30] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 350.

[31] *Ульянов И. Н.* Письмо Н. П. Петерсону от 9 декабря 1864 г. Публикация Б. Клейна. — Народное образование, 1968, № 4, с. 94. Некоторые исследователи усматривают в стремлении Петерсона переселиться в Нижний Новгород попытку установить более тесную связь с И. Н. Ульяновым, который был близок ко всему кружку передовой разночинной молодежи, "с новыми людьми в дополнение к тем, которых уже имело московское подполье в этом городе" (там же). Но материалами следствия это не подтверждается.

[32] См.: *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969, с. 108—109.

[33] См.: И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. Сборник. Сост. А. Л. Карамышев. Саратов, 1968, с. 102.

Нигилизм — отрицание общепринятых ценностей: норм, принципов, законов, идеалов. В России нигилистами называли революционных демократов. Однако теория и деятельность революционных просветителей шире, богаче и глубже нигилизма, они характеризуются материалистической философской основой, оптимизмом и выдвижением на первый план борьбы за революционное изменение общества.

[34] См.: Календарь Симбирской губернии. Симбирск, 1877, с. 60.

[35] См.: Календарь Симбирской губернии. Симбирск, 1881, с. 57, 60, 61, 64.

[36] См.: *Трофимов Ж. А.* Демократический Симбирск молодого В. И. Ленина. Саратов, 1984, с. 26—27.

[37] См.: Календарь Симбирской губернии. Симбирск, 1878, с. 90.

[38] См.: Календарь Симбирской губернии. Симбирск, 1881, с. 66.

[39] См.: Энциклопедический словарь. Т. XXIX. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПБ, 1900, с. 905.

[40] См.: Список населенных пунктов Симбирской губернии. Симбирск, 1884, с. 3.

[41] *Мартынов П. Л.* Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1896, с. 184.

[42] *Сапожников Д. И.* Сожжение в Симбирске. Симбирск, 1898, с. 4.

[43] Симбирские губернские ведомости, 1878, 4 марта. Местный архиерей был явно обеспокоен: "Ряд возмутительных и преступных деяний,... с целью поколебать существующий в России строй государственного управления, достиг 4-го августа крайней степени злодеяния совершением, в застольной столице, убийства шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцева" (Симбирские епархиальные ведомости, 1878, № 17, с. 299). В этот день в Петербурге ударом кинжала С. М. Кравчинский убил Мезенцева.

[44] Летопись Симбирского земства. Вып. 1. Симбирск, 1877, с. 10—21.

[45] *Родичев Ф. И.* Из воспоминаний. — В кн.: Современные записки. Т. LIII. Париж, 1933, с. 286. А. Д. Пазухин еще в Симбирске уверял, что земства, построенные на принципе представительства разрядов собственности, не будут способны к плодотворной работе, "а другие под влиянием литературных веяний составляют проекты, не нужные для народа" (Симбирская земская газета, 1881, № 240). Лукавил земский зубр. Сознавая угрозу вытеснения дворянства из земств, он выдвинул программу утверждения его руководства в обществе. Это был целый панегирик в адрес

помещиков и царя. "Только возвратив дворянству его право,... — писал он, — можно укрепить связи между правительством и дворянством и между дворянством и землей. Дворянство станет опорой престола. Прекратятся все недоразумения между дворянством и крестьянством, а на элементы бессословной России будет наложена узда, которая остановит дальнейшее развитие в нашем отечестве смуты" (Русский вестник, 1885, № 1, с. 55—56).

[46] *Суперанский М. О.* Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, с. 87.

[47] Известен всей России. И. Н. Ульянов, с. 185.

[48] Журнал и постановления Карсунского уездного земского собрания (1875). Симбирск, 1876, с. 24; Журнал Симбирского земского собрания (1875), Симбирск, 1876, с. 94. Даже совесть Л. Н. Толстого — "эта искра божья", вечная истина в его моральной философии разгорелась в пламя, когда он узнал, что некоторые дворяне в земствах равнодушны к обучению крестьян. Нападая на либералов, шедших на компромисс с самодержавием, с горечью говорил: "Вот и сын мой Сережа принял участие в земской деятельности... Не успел он принять в ней участие, как сразу же пришлось ему сделать три гадких дела: присутствовать на молебне с многолетием царствующему дому, затем послать телеграмму с верноподданическими чувствами"... и сделал еще что-то третье, в таком же роде" (Минувшие годы. — 1908. — № 9, с. 316).

[49] *Назарьев В. Н.* Современная глушь. — В кн.: И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 55.

[50] Путешествия по Дому в поисках истины. — Симб. курьер. — 1993. — 11 июня.

[51] Образование в конце XX века (материалы "круглого стола"). — Вопросы философии. — 1992. — № 9, с. 8. С какой сказочной быстротой дьявольски разрушается не только "классическая" система народного образования, но и философская основа науки, показывает В. Н. Порус в рецензии на книгу канадского исследователя Дэвида Бэкхарста "Сознание и революция в советской философии: от большевиков до Эвальда Ильенкова" (1991). В то время, когда на Западе поклоняются дарованию нашего философа, поражаются глубиной анализа проблем личности, теории познания, идеала, на его родине, в России оплевывают марксизм. Не странно ли? Слава Богу, что за океаном "имя философа-марксиста Э. В. Ильенкова чуть ли не канонизировано" (Вопросы философии. — 1993, № 2, с. 156).

[52] *Ушинский К. Д.* Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Соч., т. 8. М.— Л., 1950, с. 617.

[53] *Аристотель.* Никомахова этика. Соч. в четырех томах. Т. 4. М., 1984, с. 78. Аристотель прямо-таки издевается над теми, кто полагает, что человек может стать добродетельным, занимаясь лишь мудрствованием. Целью человека, по его убеждению, является благо. Надо развивать добродетели, которые не даны нам от природы. Необходимо воспитание, которое совершается с помощью законов. Привычка же закрепляется практической деятельностью.

[54] *Гегель Г. В. Ф.* Философия духа. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977, с. 90. Среди современных исследований, в которых

раскрываются исторические предпосылки теории, смысл, ценность и необходимость самовоспитания, формирования мировоззрения личности, выделим книгу С. М. Ковалева "Воспитание и самовоспитание". М., 1986.

[55] Образование в конце XX века. — Вопросы философии. — 1992. — № 9, с. 18.

[56] *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986, с. 55. Заметим, что часть либералов стремилась ограничить централизацию административную, "пресечь по возможности произвол бюрократии".Западники и славянофилы, несмотря на различие общественных взглядов, требуя свободы мнений, "участвовали в создании утопии о возможной будто бы гармонии самодержавия и полноправных органов местного самоуправления" (Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977, с. 57, 61).

[57] *Ульянов И. Н.* О состоянии начального народного образования в Симбирской губернии за десять лет, с 1869 по 1879 гг. — В кн.: Известен всей России. И. Н. Ульянов, с. 173, 178.

[58] *Герасименко Г.* Земства и Советы. — Свободная мысль. 1993, № 4, с. 106.

Глава II (с. 37—71)

[1] *Крывелев М. А.* Ленин и религия. М., 1960, с. 3.

Фанатизм религиозный — страстная, слепая, доведенная до крайней степени приверженность религиозным идеям, неукоснительное следование им на практике и нетерпимость иноверцам.

Догматизм — некритическое мышление застывшими, неизменными категориями. В богословии — положения вероучения, признаваемые непререкаемыми истинами, вечными установлениями, без доказательств принимаемые на веру. Кстати, русский крестьянин больше склонен к суевериям, чем к православной религии, писали просветители.

Иное дело — культ ислама. Согласно исследованиям В. А. Ауновского, татары стойко хранили свои верования — учение монотеизма. Их "умственные силы заняты отсталой, почти окаменевшей мудростью восточной" (Симбирский сборник. Т. 2. Симбирск, 1870, с. 157). Муллы даже девочек 11—12 лет принуждали читать Коран, заучивать его текст.

[2] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 год. Симбирск, 1881, с. 28—29.

[3] *Ульянова-Елизарова А. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 117.

[4] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 4. Л., 1982, с. 548—549.

[5] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году. Симбирск, 1881, с. 34—35.

[6] Указ его императорского величества, самодержца Всероссийского, из святейшего правительствующего Синода, преосвященному Варсанофию, Епископу Симбирскому и Сызранскому. — Симбирские Епархиальные ведомости. — 1883, № 24, с. 537.

[7] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах. — В кн.: Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925), с. 23. Имеются и

другие издания трудов И. Н. Ульянова, книги: Известен всей России. И. Н. Ульянов. Саратов, 1974; Ульянов И. Н. Избранное. Саратов, 1983. К сожалению, они неполно излагают его сочинения, в них обнаруживаются ошибки, пропущенные тексты, меняющие философский смысл умозаключений автора.

Субстанция — неизменная первооснова, сущность всех вещей и явлений, в отличие от конкретных изменяющихся предметов, явлений.

Заметим, что уже М. В. Ломоносов писал: "Материя есть то, из чего состоит тело и от чего зависит его сущность" (Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 1. М.— Л., 1950, с. 173).

Н. И. Лобачевский, подписавший приказ о назначении И. Н. Ульянова в Пензу, в свое время учил: "Спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы ваши будет отвечать вам непременно и удовлетворительно", приведя при этом слова Ф. Бэкона (Модзалевский Л. Б. Материалы для биографии Н. И. Лобачевского. М.— Л., 1948, с. 512).

Св. Троица — по христианскому вероучению, три лица, ипостаси единого Бога — Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Самое известное из тройственных предписаний в Евангелии от Матфея. (28, 19): "Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа".

[8] *Лопухин А. П.* Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986, с. 1.

[9] Программы И. Н. Ульянова. — В кн.: *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969, с. 108.

[10] Понятие скважности означало в то время наличие отверстий, пор, делающее вещество проницаемым.

[11] Недеятельность — пассивное состояние как свойство материи, приписываемое ей представителями механистического мировоззрения.

[12] *Ленц Э. Х.* Руководство к физике. СПб, 1839, с. 12. Ленц установил факт превращения энергии и явился одним из первооткрывателей закона сохранения и превращения энергии.

[13] Опыт православного догматического богословия, т. 3. Киев, 1885, с. 68, 70, 71.

[14] См.: Известен всей России, с. 27, а также: гл. II, § 2.

Если кому-нибудь доставляет удовольствие применять большие слова к простым вещам и видеть И. Н. Ульянова философом, то можно сказать, чтобы они ознакомились хотя бы с работами М. А. Антоновича. В статье "О единстве сил природы" Максим Алексеевич писал, что "строго говоря... есть только движущаяся материя" (Антонович М. А. Избр. философские соч., М., 1945, с. 9).

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 277.

[16] *Ульянов И. Н.* Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года. — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 11, д. 5, л. 5.

[17] 21—22 февраля 1855 г. в испытательном комитете Казанского университета И. Н. Ульянов держал экзамен на звание старшего учителя математики. Его лекция "Аналитическое изложение конических сечений" получила высокую оценку. В протоколе заседания комитета сказано: "Ясно и основательно" (Материалы к биографии И. Н. Ульянова. — Исторический архив, 1958, № 2, с. 30).

[18] *Лобачевский Н. И.* Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 170.

[19] Творения Григория Богослова. Ч. II, изд. 3. М., 1889, с. 34.

[20] *Кузнецов Ф. Г.* Некоторые вопросы методики преподавания физико-математических дисциплин в педагогической системе И. Н. Ульянова, с. 7.

[21] Деление вещества на два рода, весомые и невесомые тела рассматривалось идеалистами как "доказательство" нематериальности деятельных невесомых тел и зависимости, производности от них материи. К середине XIX в. было установлено, что таинственной тепловой "жидкости" не существует, а имеется эквивалентность механической работы и количества теплоты, переданного телу. Принцип сохранения теплорода был заменен общим принципом — законом сохранения и превращения энергии.

[22] См.: Известен всей России, с. 27.

[23] Там же, с. 28.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 64, 372.

[25] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 43.

[26] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 30. Не случайно К. Лукреций в поэме "О природе вещей" спрашивал, зачем Юпитеру требуется разрушать храмы, посвященные ему же самому. Отсутствие логики в действиях Всемогущего было вполне очевидным. В XVIII в. в течение 33 лет молния поразила во Франции 386 колоколен и убила 121 звонаря. Сила атмосферного электричества обрушивалась и на церкви, в которых совершались богослужения (см.: Колоколов В. П. Грозы идут по планете. Л., 1965, с. 8). В подвалах церкви Сен-Назар (Италия) хранилось сто тонн пороха. Молния в 1769 г. ударила в храм божий. В результате мощного взрыва была уничтожена шестая часть города и погибло три тысячи человек (см.: Шонланд Б. Полет молний. Пер. с англ. М., 1970, с. 16). События в других местах земного шара были даже более трагичными.

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 514. Несмотря на религиозное воспитание и образование в школе Ордена Бенедиктинцев в Кане, Лаплас был убежденным атеистом. Когда Наполеон спросил его, почему в своем трактате "Небесная механика" (1799, 1805), посвященном Бонапарту — гражданину Первому Консулу, героическому умиротворителю Европы, Лаплас даже не упоминает имени творца мира, ученый ответил: "Ваше Величество, я не нуждаюсь в этой гипотезе" (см.: там же, с. 727; Жизнь науки. Антология. М., 1973, с. 133).

Напротив, Макс Планк — физик и математик по образованию, хотя и был приверженцем материалистических тенденций в естествознании, отдал дань религии. Признавал, что верующий естествоиспытатель путем индуктивного восхождения пытается приблизиться к Богу и Его миропорядку как к высшей, вечно недостижимой цели. "При этом для религии Бог стоит в начале всякого размышления, а для естествознания — в конце. Для одних он означает фундамент, а для других — вершину построения любых мировоззренческих принципов" (Планк Макс. Религия и естествознание. — Вопросы философии. 1990, с. 35).

Для чего же нужна была ему вера во Всевышнего? Оказывается, по его мнению, обращение к Богу способно дать человеку, ищущему утешение, надежное чувство счастья. Короче, "для того, чтобы действовать", для этики, вопрос которой не входит в компетенцию естествознания.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 29. Характерно, что в отношении к "наивному реализму" философский идеализм враждебен, использует клевету, пытаясь подделаться под реализм, оторвать "наивный реализм" от философского материализма.

[29] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 29, 30.

[30] *Араго Д.* Гром и молния. Пер. с фр. СПБ, 1859, с. 128.

[31] М. Фарадей сделал вывод, что электричество — форма движения материи. Он поставил задачу "получить электричество при помощи обыкновенного магнетизма" (Фарадей М. Экспериментальное исследование по электричеству. Т. 1. М., 1947, с. 12).

[32] Программы И. Н. Ульянова, с. 103.

[33] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 29.

[34] *Араго Д.* Гром и молния, с. 213.

[35] *Алексеев П. В.* Наука и мировоззрение. М., 1983, с. 186.

[36] Программы И. Н. Ульянова, с. 118.

[37] *Ульянов И. Н.* Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов. Симбирск, 1875, с. 107.

[38] Постулат — суждение, не отличающееся самоочевидностью, но все же принимаемое в качестве исходного положения без доказательств.

[39] Программы И. Н. Ульянова, с. 103, 106—107, 113, 114.

[40] См.: *Григорьев Н. Ф.* Отец. — В кн.: Семья Ульяновых. М., 1982, с. 18.

[41] См.: *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде, с. 103.

Априоризм (лат. a priori — изначально) — в философии термин, означающий утверждение о знании, которым человечество располагает независимо от опыта, основывающегося лишь на отвлеченных соображениях "чистого" ума. Сознавая, что он противопоказан науке, Н. И. Лобачевский явился противником кантовского определения математических истин как сути синтетических суждений о свойствах априорных же форм созерцания пространства и времени, свободных от опыта.

[42] История математики, т. 3. М., 1972, с. 218.

[43] *Ульянов И. Н.* Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года, л. 12.

[44] По достоинству оценивая опыт астрономических наблюдений в прошлом и настоящем, И. Н. Ульянов обратился к данным современных ему наблюдений за кометой, которую в июне 1853 года открыл ассистент Геттингенской обсерватории Э. Клинкерфюс. 27 июля, 2 и 8 августа 1853 года "косматую звезду" наблюдали астрономы Гамбургской обсерватории.

[45] См.: Программы И. Н. Ульянова, с. 110.

[46] *Талызин М. И.* Руководство к математической и физической географии. СПБ, 1848, с. 33.

[47] *Ульянов И. Н.* Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года, л. 5.

[48] Программы И. Н. Ульянова, с. 109, 118.

[49] *Лейбниц Г. Ф.* Письмо к Якобу Томазио о возможности примирить Аристотеля с новой философией. — Соч. в четырех томах. М., 1982, с. 86—87.

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 367.

[51] *Талызин М. И.* Руководство к математической и физической географии, с. 1.

[52] Программы И. Н. Ульянова, с. 109.

[53] Доказательством вращения Земли вокруг своей оси было качание маятника Фуко, применение которого впервые относится к 1851 году.

[54] *Ульянов И. Н.* Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года, л. 7.

[55] Программы И. Н. Ульянова, с. 109. Отметим, что первая модель мира принадлежит древнегреческим мыслителям. Согласно учению Гераклита, Пифагора, Аристотеля, в центре мира помещалась Земля, вокруг нее вращались сферы других планет. Однако им уже тогда противостояла система Аристарха из Самосы, полагавшего, что Земля движется по окружности вокруг Солнца, которое находится в центре пространства. В борьбе против этой теории победу одержала система мира Птолемея (II в. н. э.) и была общепринятой до середины XVI века.

[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 347. В 1520 г. Лютер, отказавшись явиться на церковный суд в Рим, публично сжег папскую буллу об отлучении его от церкви.

Заметим, что в то время учение Коперника представляло для церкви грозную опасность. Поняв ее, Ватикан в 1616 г. определил его как "глупое, философски ложное , решительно противоречащее Священному писанию и прямо еретическое". Книга Коперника была сожжена и включена в Индекс запрещенных изданий (с примечанием "Впредь до исправления"). Запрет был снят лишь в 1835 году.

[57] Программы И. Н. Ульянова, с. 109.

[58] *Ульянов И. Н.* Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года, л. 5. Это движение "косматых звезд" наводило на людей страх. Еще в царствование Людовика XIV философ и астроном П. Гассенди утверждал, что "кометы, действительно, страшны, но только вследствие нашей глупости" (цит. по кн.: Чурюмов К. И. Кометы и их наблюдение. М., 1980, с. 12).

Глава III (с. 72—104)

[1] Программы И. Н. Ульянова, с. 117.

[2] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 52.

[3] Если Ньютон вводил понятие силы как действия, в результате которого телу сообщается ускорение, трактовал ее как причину движения, то Фарадей представляет ее уже как свойство материи и в своем учении об электромагнетизме свободен от деизма.

[4] См.: *Балика Д. И.* Психологические воззрения И. Н. Ульянова. Тезисы докладов научной конференции. Горький, 1969, с. 90; Вопросы истории КПСС, 1981, № 7, с. 99 и др.

[5] Весьма примечательно, что при анализе действий электричества И. Н. Ульянов не упоминает силу. Это вполне объяснимо: если раньше под силой понимали причину движения, то теперь на первый план выступало само движение.

[6] *Перевощиков Д. М.* О косности. — Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических, 1828, № 1, ч. 2, с. 49.

[7] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 53.

[8] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах. с. 29.

[9] См.: наст. издание, гл. II, §§ 2,3. Ульянов логически приходит к выводу о том, что орбиты комет могут быть по своим качествам различными: в виде эллипса, параболы и гиперболы.

[10] *Ульянов И. Н.* Программа естественной истории. — В кн.: Ульянов И. Н. Избранное, с. 54.

[11] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 24.

[12] См.: наст. издание, гл. II, § 2.

[13] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 40.

[14] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 48.

[15] Исаия, 29, 13—15. Исаия — библейский пророк, которому приписывается авторство одной из пророческих книг Библии.

[16] *Иванский А. И.* (сост.). Молодые годы В. И. Ленина. М., 1957, с. 135.

[17] *Ульянов И. Н.* Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов. Симбирск, 1875, с. 86.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 383—384.

[19] *Булгаков С. Н.* Свет невечерний. Созерцание и умозрение. 1917, с. 21, 25.

Детерминизм — философское учение о всеобщей, закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений.

Заметим, что это понятие развивалось вместе с наукой. Механический детерминизм в его лапласовском истолковании утверждал, что значение координат и импульсов всех частей во Вселенной в данный момент времени однозначно определяет ее состояние в любой прошедший или будущий момент. Такой взгляд вел к фатализму и фактически смыкался с верой в божественное предопределение. Развитие же науки в XIX в. его отвергло.

[20] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 23.

[21] *Франклин Б.* Опыты и наблюдения над электричеством. Пер. с англ. М., изд-во АН СССР, 1956, с. 169, 170.

[22] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 23. Что касается гипотезы, то она в силу вероятностного характера требовала проверки. Ее имел в виду И. Н. Ульянов, когда изучал спор о форме и размерах громоотвода, возникший в XVIII в. "Вообще предполагают, — писал он, — что громоотвод может защитить круглое пространство, описанное радиусом, равным двойной высоте громоотвода, и проверяется это правило на практике" (там же, с. 36).

[23] *Толстой Л. Н.* Педагогические сочинения. М., 1953, с. 78.

[24] *Ульянов И. Н.* О состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1869 год. — Симбирский сборник, т. II. Симбирск, 1870, с. 54. Г. И. Успенский писал о старой школе, что практической пользы в хозяйстве не могло быть ровно ни от какого чтения, например, псалтыря. "Всякий знал, — отмечал он, — что из этих рыданий псалмопевца не сошьешь шубы, а долбили и плакали, и наказывали за неумение выдолбить" (Полн. собр. соч., т. V. СПб, 1908, с. 163—164).

[25] Извлечение из "Отчета о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1882 год". — В кн.: Иванский А. И. (сост.). И. Н. Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М., 1963, с. 158—159.

[26] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году. Симбирск, 1881, с. 36.

[27] *Ульянов И. Н.* Предписание смотрителю Буинского уездного училища 12 сентября 1878 г. — В кн.: Алпатов Н. И. Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. М., 1956, с. 172—173.

[28] *Христофоров И. Я.* Съезд учителей и учительниц народных училищ Симбирского и Сенгилеевского уездов. 1874. — В кн.: И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 61.

[29] *Ульянов И. Н.* Программа естественной истории. — В кн.: Известен всей России, с. 137.

[30] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 год. Симбирск, 1881, с. 29, 30. Бесспорно, Ульянова привлекал обильный материал из естественной истории в книгах К. Д. Ушинского. Он писал: "Во всех этих случаях лучшие учителя заботятся о верности, неторопливости и наводящими вопросами доводят их до надлежащего уразумения прочитанного" (Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году, с. 36). По Ушинскому, педагогика — наука философская, требующая единства идей. Однако его философское учение осталось в своей основе дуалистическим.

[31] *Ушинский К. Д.* Собр. соч., т. 9. М., 1950, с. 311.

[32] *Ишерский И. В.* Выступление при открытии Курмышского городского училища 7 августа 1878 года. — Гос. архив Ульяновской области, ф. 99, оп. 3, ед. хр. 2, л. 78.

Примечательно, что Ишерский, будучи богословом по образованию, в трактовке сознания обходился без участия божественной воли, придавая особую роль разуму. Философия просвещения все более овладевала сознанием передовых людей. Ум начинается там, где кончается здравый смысл, считал Гельвеций. В сложных вещах здравый смысл лишен проницательности. Тем не менее, являясь противовесом, оторванным от жизни, умозрительным построениям идеализма, он совпадает с позицией материализма, предохраняет науку от домыслов.

[33] *Ульянов И. Н.* Записка об учительских семинариях и училищных советах. — В кн.: Известен всей России, с. 204.

[34] *Ульянов И. Н.* Отчет о занятиях съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирской губернии. Симбирск, 1874, с. 87.

[35] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 51.

[36] *Герцен А. И.* Собр. соч. в 8 тт., т. 4, М., 1975, с. 109. Заметим, что еще большее "благоговение перед естествознанием" испытывал Д. И. Писарев, также почитаемый в семье Ульяновых, в особенности Александром Ильичем.

[37] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 47.

[38] Материалы к биографии И. Н. Ульянова. — Исторический архив, 1958, № 2, с. 28.

[39] *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч., т. 20, с. 138.

[40] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 28.

[41] Программы И. Н. Ульянова, с. 109.

[42] *Ульянов И. Н.* О грозе и громоотводах, с. 27.

[43] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 121.

[44] *Ульянов И. Н.* Ответы на вопросы по поводу предположения о введении обязательного обучения в начальных училищах. 1877. — В кн.: Известен всей России, с. 156.

[45] *Ульянов И. Н.* Сведения об учителях. 1877. Гос. архив Ульяновской области, ф. 92, оп. 2, ед. хр. 741, л. 11.

[46] Цит. по кн.: Кондаков А. И. Директор народных училищ. М., 1964, с. 145.

[47] *Ульянов И. Н.* Отчет по обозрению Сенгилеевского и Сызранского уездных училищ. — В кн.: Известен всей России, с. 165.

[48] См.: Ульянов И. Н. Отчет по осмотру Сенгилеевского уездного училища. 1883 год. — Там же, с. 210.

[49] См.: Ульянов И. Н. Программа естественной истории. — В кн.: Известен всей России, с. 137.

[50] *Ульянов И. Н.* Отчет по обозрению Сенгилеевского и Сызранского уездных училищ в сентябре 1879 года. — В кн.: Известен всей России, с. 165.

[51] *Ушинский К. Д.* Собр. соч., т. 5, М. — Л., 1949, с. 340—341.

[52] Математические софизмы. Сост. В. И. Обреимов. СПб. 1884.

[53] Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., 1981, с. 14. О том впечатлении, какое предположительно оказала брошюра "Математические софизмы" на молодого Владимира Ульянова, писали Ю. А. Ахапкин и К. Ф. Богданов (там же); *Трофимов Ж. А.* Гимназист Владимир Ульянов, с. 96—97.

Софизм (гр. — измышление, хитрость) — умышленное ложное рассуждение, которое замаскировано формально кажущейся правильностью и выдается за истинное.

Парадокс (гр. — неожиданный, странный) — в философии и частной науке — рассуждение, доказывающее как истинность, так и ложность некоторого предложения.

[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 67.

[55] Апория (гр. — безвыходное положение) — понятие, означающее в древнегреческой философии трудноразрешимую проблему, которым закрепляли непостижимые для философов противоречия в понятиях движения, пространства и времени.

[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 231. Ленин изучал апории Зенона в основном по сочинениям Аристотеля и Гегеля.

Ахилл — в греческой мифологии один из героев Троянской войны. В поэме Гомера "Илиада" один из предводителей греков.

Глава IV (с. 105—130)

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 26. "Методами Добролюбова воспитывал Ильича отец", — отмечает она (там же, с. 27, 30). Было бы, разумеется, натяжкой говорить о "подлинно революционно-демократических основах всей деятельности И. Н. Ульянова как просветителя", о которых пишет М. Ф. Шабаева (Советская педагогика, 1981, № 7, с. 38—39).

[2] Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1877 год. Симбирск, 1879, с. 246—247.

[3] См.: Семья Ульяновых. М., 1982, с. 24.

[4] См.: *Шагинян М. С.* Семья Ульяновых. М., 1963, с. 21.

[5] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. М. — Л., 1927, с. 55. Существенно заметить, что А. И. Ульянова-Елизарова верно отразила отношение отца к монархии. **Считая Александра II реформатором, царем-освободителем, И. Н. Ульянов впоследствии при другом императоре — Александре III не только не строил иллюзий о благоденствии России и не видел духовного преимущества монархии, но и обнаруживал ее опасность для народного просвещения, не считал возможным ее идеализировать**, особенно в результате наступившей после жестокой расправы с народовольцами реакции 80-х годов, открывшей путь к пропасти обреченному в агонии деспотическому режиму.

[6] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 263.

[7] *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения. Т. 6. М., 1980, с. 286.

[8] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 7, 16, 17.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 519.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 18.

[11] *Иванский А. И.* (сост.). Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М., 1963, с. 96—97.

[12] См.: *Ильинский Л.* Семейство Ульяновых. Изд. Симбирского губкома РКП(б), 1923, с. 67. К сожалению, подобные толкования идейной позиции И. Н. Ульянова как противника революционного движения вызвали еще в 30-х годах возражения со стороны Н. К. Крупской, подвергнувшей их резкой критике (см.: *Шагинян М. С.* Лениниана. Семья Ульяновых. М., 1977, с. 729). Движение "разночинной интеллигенции" же, в среде которой рос В. И. Ленин, определяется им как "демократическое" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 562).

[13] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 133. Реформа патриарха Никона (1650) касалась деталей церковных обрядов, но не затрагивала основ православия. Была направлена на централизацию церкви, борьбу с автономией местных епархий, ликвидацию принципа соборности.

Апокалипсис (гр. — откровение) — здесь согласно положению (догмату) Св. Иоанна Богослова, содержатся пророчества о "конце света", о борьбе между Христом и Антихристом, "Страшном суде", тысячелетнем "царстве Божьем". Антихрист — "человек греха", посланник сатаны и воплощение зла, явится в конце времени и возглавит борьбу против Христа.

[14] *Матф., 5, 3.* Матфей — согласно христианскому преданию, ближайший ученик апостола Павла, автор первого Евангелия.

Апостол (гр. — посланец) — странствующий проповедник нового учения. Церковная традиция закрепила это название лишь за 12 учениками Христа.

Евангелия (гр. — благая весть) — священные книги христиан, входящие в Новый Завет, рассказывающие о легендарной жизни Христа.

[15] *Ульянов И. Н.* Отчет о занятиях съезда законоучителей, учителей и учительниц Симбирской губернии. Симбирск, 1874, с. 71—73.

[16] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 93—94.

[17] *Введенский С. И.* Исторический очерк раскола, старообрядчества и сектантства в Симбирской губернии. Симбирск, 1907, с. 44.

Согласно же распространенному учению в секте скопцов можно достичь совершенства и побороть свои страсти с помощью "огненного крещения" — кастрации (см.: там же, с. 123—125). Почва для этого изуверства была подготовлена раскольниками, их проповедью против брака. Сектанты ссылались даже на первородный грех Адама и Евы, пришедший якобы из-за плотской любви. Произвольно обращаясь с фактами Священной истории, толкуя Евангелие от Матфея (19, 12), апостола Павла, выдавали себя за истинных последователей Христа. Для достижения рая и "царства небесного" де мол все дозволено. Называя себя братьями, в то же время считали ложь и обман возможными в отношении к другим людям, если они приносят пользу.

[18] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 129.

[19] Бывшие симбирские архипастыри. Симбирск, 1901, с. 65. В 1869 г. в состав Симбирского губернского училищного совета, возглавляемого епископом Евгением, входили члены совета: губернатор барон А. Ф. фон-Гойнинген, директор гимназии И. В. Вишневский. От земства в совете состояли два деятеля, среди них В. П. Языков.

[20] *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии. Т.1. М., 1976, с. 35. Философ прав там, где отвергает апологию здравого смысла, но он неправ, когда порочит его за то, что тот стремится вывести истину из чувственной реальности, самой природы. В его интерпретации Св. Троица предстает как триада. "Царство Отца" — бытие Бога до сотворения мира, "царство Сына" — сотворенный мир (природа и дух). Христос воскресает в "царстве духа", который является синтезом первых двух "царств".

В христианском учении по этому вопросу шла борьба. Если в нем Христос соединяет в себе божественную и человеческую природу, то еретики представляли Христа как подчиненное божество. Выше здравого смысла в толковании Троицы шло **учение, основанное Арием, учлекшее в свое время Ньютона. Оно логически отстаивало монотеистическую трактовку понятия трансцендентного Бога. Христос не был рожден Богом, но создан им, то есть возник во времени**. Следовательно, он подобен ему. Поэтому нельзя признавать существование Сына вечным.

Константинопольский патриарх Несторий (умер около 450 г.) признавал Христа человеком, ставшим мессией.

Мессия (др.-евр. помазанник, греч. перевод Христос) — мифический Спаситель, образ которого возник ок. VIII в. до н. э. в период распада общин в Иудее, идеальный царь, посредник между Богом и людьми, принесший с собой новое исправленное состояние мирового бытия.

Эсхатология (гр. — последний + учение) — догма в христианстве о конечных судьбах мира. Содержит главным образом представления об Антихристе, втором пришествии Христа и Страшном суде.

[21] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 268. Заметим, что в этике В. С. Соловьева личность Христа — свидетельство и гарантия торжества добра в мире. Однако Бог проявляется в человеке как нравственная его сущность в форме долга (см.: *Соловьев В. С.* Оправдание добра. Собр. соч., т. 9. СПБ, 1913). Философ отдавал дань категорическому императиву Канта.

Рисуя борьбу добрых и злых сил, писатели нередко обращаются к образам из мифологии и религии. Сатана, согласно Св. писанию, дракон, змей (искуситель), денница (Люцифер), т. е. принимавший вид зари, утренней звезды, ангела света, но оказавшийся князем бесов. Подобно ящику Пандоры он несет несчастье народам. В сочинениях А. С. Пушкина бесы не раз противостоят мужику как нечистая сила, но не всегда берут верх над ним: умный Балда, например, одерживает победу. Напротив, соблазненная сатаной Мария задумывается над его "шалостями" и признается: "Перенесла тревогу: досталась я в один и тот же день лукавому, архангелу и Богу" (*Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10 томах. Т. 3. М., 1981, с. 111).

[22] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 44.

[23] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 231, 263.

[24] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 44.

[25] *Ульянов И. Н.* Избранное, с. 110, 175.

[26] См.: *Яковлев Е. В.* Жизни первая треть. М., 1985, с. 40.

[27] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1988, с. 116.

Маммона (сирийск., гр. — богатство) — божество богатства у некоторых древних народов, слово означало и земные блага.

Библейская энциклопедия. М., 1981, с. 449.

[28] Деяния Св. апостолов, 20, 35. Напротив, И. Н. Ульянов возвышает труд. Отличаясь "большой трудоспособностью", он оказал влияние на детей, жадно слушавших "рассказы отца о деревне". А они рано осознали, что в России наемный труд будет также "отчужденным от самого себя", труд, которому созданное богатство противостояло как чуждое богатство.

[29] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 год. Симбирск, 1881, с. 26—27.

[30] *Ульянов И. Н.* Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1872 год. Казань, с. 22—23.

"Я желал бы, — писал И. Н. Ульянов, — чтобы телесные наказания были совсем выведены — с той целью, чтобы дети боялись наказания, а не привыкали к нему" (*Ульянов И. Н.* Отчет о занятиях съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирской губернии и уезда 1873 года. Симбирск, 1874, с. 162). **Он рекомендовал выяснять причины проступка и в последующем обсуждать его в коллективе. Применял на практике теорию К. Д. Ушинского**, который в своем труде "Человек как предмет воспитания" (1868) рассматривал человека как часть природы и не противопоставлял его ей. В ней все развивается и надо объяснять причины развития личности. **Автор "Опытов педагогической антропологии" упрекал Д. Локка, который не развил свою мысль о том, что душа посредством чувства обогащается идеями, получает материал для развития, думает. Философ даже предлагал прибегать к средствам, которые способствуют подавлению воли и воспитывают бесприкословное повиновение авторитету: к розге, карцеру и т. д. Разве мог согласиться с этим Ушинский?** Он критически оценивает и мысли Руссо, который период развития ребенка до 12 лет назвал "сном разума". Вооружаясь против требований Локка, чтобы с детьми рассуждали, французский философ говорил, что из всех способностей "рассудок... развивается всех труднее

и всех позднее" (Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 8. М. — Л., 1950, с. 444). Тем не менее Ушинскому импонировали его идеи о развитии в последующие периоды жизни человека умственного, трудового и нравственного воспитания, протест против феодальной системы воспитания, призыв к формированию нового человека для жизни в свободном обществе на основе гуманизма, уважения к личности, ее самодеятельности. Решение задач воспитания добрых чувств, суждений и воли, и по Ушинскому, возможно не моральными рассуждениями, сентенциями, а добрыми примерами, делами. Дисциплина, по его убеждению, в наших руках, она держится не на страхе наказания. Последнее, думал он, уже не безвредное средство, исцеляющее болезнь. Чем меньше нуждаются школа и семья в этих ядовитых средствах, тем лучше. "И пусть педагог не забывает, — замечал Ушинский, — что если поощрения и наказания остаются до сих пор необходимыми для детей, то это показывает только несовершенство искусства воспитания" (там же, т. 6. М.— Л., 1949, с. 259). А разве И. Н. Ульянов не писал об этом почти дословно, предупреждая учителей о вреде наказания, как химеры, пришедшей к нам из недр средневековья. Его концепция близка и к учению Л. Н. Толстого, типичным для школы которого было отсутствие насилия над человеком и полная свобода, вера в творческие силы детей. Правда, И. Н. Ульянов не мог согласиться с его положением о ничем не ограниченной свободе воли ребенка.

[31] *Ульянов И. Н.* Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов, с. 161.

[32] Извлечение из протоколов съезда инспекторов народных училищ, бывшего под председательством И. Н. Ульянова. — Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1881, № 10, с. 298.

[33] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 246.

[34] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 26.

[35] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 269.

[36] *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988, с. 258. Старшая дочь пишет: "Отец, одушевленный лучшими идеями конца 60-х и начала 70-х годов, **рано направлял в смысле общественных идеалов Сашу, своего старшего сына, лучшую надежду и несомненного любимца". Правда, она отмечает, что в конце 70-х годов "следующим детям он никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал"** (там же, с. 45, 46). Однако "всех русских классиков мы прочли в средних классах гимназии, — сообщает она. — Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширяло наш горизонт... Нам стали казаться неинтересными и пошлыми разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники" (там же, с. 49).

[37] *Иванский А. И.* (сост.). Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. М., 1963, с. 202.

[38] *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 45. А. Н. Плещеев — поэт, петрашевец, приговоренный к расстрелу, замененному ссылкой в линейный батальон. А. И. Ульянова имеет в виду его стихотворение, бытовавшее как революционная песня:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

* * *

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется.
И, верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

[39] *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 45.

[40] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет. М., 1984, с. 53. Как отмечает И. А. Крывелев, "традиции свободомыслия Владимир Ильич мог в детстве воспринимать... от отца" (*Крывелев И. А.* Ленин о религии. М., 1960, с. 3). К этой точке зрения склоняются и другие авторы, согласно которым И. Н. Ульянов считал, что "вера в бога — дело совести каждого" (*Григорьев Н. Ф.* Отец. М., 1969, с. 188). Но в условиях, когда классовый и национальный гнет в стране сочетался с религиозным, не могло быть и речи о свободе совести. Лишь религиозный фанатизм духовенства и реакционных помещиков, "крайности" царизма в преследовании лиц, "отступивших от православия", "полицейский произвол и инквизиторская травля сектантства", писал В. И. Ленин, приводили к тому, что даже "предводители дворянства заговорили горячо о свободе совести" (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 337).

[41] *Ульянов И. Н.* Обозрение начальных народных училищ Симбирской губернии в 1871 году. Казань, 1872, с. 46.

[42] Там же, с. 46.

[43] *Ульянов И. Н.* Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов. Симбирск, 1875, с. 62—63.

[44] *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* Нижегородские годы семьи Ульяновых. Горький, 1981, с. 56.

На совете гимназии 3 февраля 1865 г. голоса разделились. За классическую гимназию оказалось на два голоса больше — 11 против 9.

[45] *Ульянов И. Н.* Сведения об учителях. 1877. Госархив Ульяновской области, ф. 99, оп. 2, ед. хр. 741, л. 12.

[46] *Ульянов И. Н.* Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов, с. 63—64, 67.

[47] См.: Известен всей России, с. 36.

[48] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 9485, л. 795—796.

[49] См. об этом в гл. II, §§ 2,3 наст. издания.

[50] *Ульянов И. Н.* Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов, с. 67—68.

[51] Известен всей России, с. 58.

[52] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 249.

Несмотря на преследования властями "крамольных элементов", когда даже упоминание имен радикально настроенных мыслителей западной и русской философии было запрещено царской цензурой, в обществе тайно читали их произведения. Разночинная молодежь все больше сознавала, что слепая вера является не только принципом заблуждений, иллюзий и

обмана, но также источником смут и расколов среди людей. Но она еще не видела социальных корней религии. Не случайно властитель ее дум Н. Г. Чернышевский, нападая на некоторых просветителей за их "шуточки над религией", говорил: "Религия — слишком важное и серьезное дело, чтобы от нее отделываться шуточками. Такие шуточки не дают массе ничего, кроме легкомыслия" (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 139).

[53] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 126—127.

[54] *Иванский А. И.* (сост.). Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам, с. 110.

Глава V (с. 131—161)

[1] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 74.

[2] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 212.

[3] *Назарьев В. Н.* Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. — Симбирские губернские ведомости, 1894, 18 мая.

[4] *Ульянова-Елизарова А. И.* К статье г. В. Назарьева "Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета". — В кн.: *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых, с. 257.

[5] Там же, с. 258. К сожалению, Назарьев не избежал ошибок в оценке миросозерцания И. Н. Ульянова. Вопреки логике он приписывает порой демократу И. Н. Ульянову то, чего у него не было. "И как мог, с другой стороны, — пишет А. И. Ульянова-Елизарова, — такой горячий и верующий педагог, каким выставляется мой отец в статье г. Назарьева, оставить без внимания воспитание собственных детей?! Разве это не внутреннее противоречие, если бы даже он не был таким любящим отцом?" (там же). Возникает вопрос, почему писатель умолчал о воспитании детей Ульяновых, зная о том, что в их семье атеизм не культивируется. Вероятно, он не только уважал И. Н. Ульянова, но, оберегая его от нападок духовенства и властей, не решался писать о его свободомыслии. И. Н. Ульянов и его единомышленники выступали за развитие светского образования, за освобождение школы от опеки религии. Этим то и были встревожены церковники. "По нашим школьным делам в Симбирске не все спокойно, — не без оснований писал инспектор народных училищ, ближайший помощник И. Н. Ульянова А. А. Красев. — Местное духовенство, особенно же известный его деятель П. П. Никольский... обнаруживают необыкновенное раздражение в отношении к правам и деятельности местных инспекторов народных училищ, уличают нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства и вообще набрасывают на нас такие тени, от которых может очень не поздоровиться всем нам в настоящее время" (И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 69—70). Знал ли Назарьев об этом? Безусловно, знал. Он писал об И. Н. Ульянове, изображая его деятельность с позиций либерального помещика, а не демократа.

[6] Цит. по кн.: *Алексеев В. Н., Швер А.* Семья Ульяновых в Симбирске. М.— Л., 1925, с. 21.

[7] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 213—214.

[8] Ленин и Симбирск, с. 78. Следует, конечно, учитывать политический момент и время написания Ф. Керенским характеристики. Только что закончился политический процесс по делу 1 марта 1887 года. Наиболее активные участники заговора, подготовившие покушение на царя, в том числе А. И. Ульянов, 8 мая 1887 г. были казнены.

[9] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1. М., 1968, с. 26.

[10] *Трофимов Ж. А.* Великое начало. М., Мол. гвардия, 1990, с. 137.

[11] *Сенчев Н. В.* Привет от Керенского. — Правда, 21 октября 1990 г.

[12] М. М. Стасюлевич и его современники. Т. 3. СПБ, 1912, с. 697.

[13] Ленин и Симбирск. Документы, материалы, воспоминания. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1970, с. 438.

[14] См.: *Жаданов Б. Н.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова и воспитание детей в его семье. Автореферат дисс. на соиск. ученой степени канд. пед. наук. АПН, 1956, с. 9.

[15] *Антонюк Д. И.* Илья Николаевич Ульянов. — Вопросы истории КПСС, 1981, № 7, с. 99.

Герострат — честолюбивый грек, который, по преданию, чтобы увековечить свое имя, сжег в 356 г. до н. э. храм богини Артемиды, одно из семи чудес света.

[16] The Encyclopaedia Britannica. Fourteenth edition. Vol. 13. London, 1932, p. 911; Encyclopaedia of the Social Sciences. Editor-in-Chiff Edwin R. A. Seligman. Vol. 15. New York, 1962, p. 140; see also: Charnock J. Red revolutionary. A life of Lenin. New York, 1970, p. 12.

[17] *Harding N.* Lenin's Political Thought. Vol. 1. London, 1977, p. 14—15.

[18] *Cliff T.* Lenin. Vol. 1. Pluto Press. London, 1978, p. 2—3.

[19] См.: *Левина З. А.* Против извращения биографии В. И.Ленина. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 4, с. 64; см. также: *Решин И. Л.* На путях в революцию. — Молодой коммунист, 1967, № 4, с. 33. Какова же степень объективности этих публикаций? Надо критически относиться и к ним.

Заметим, что в книге Н. Валентинова "Встречи с В. И. Лениным" содержатся исторические факты, которые используют советские исследователи, полагая, что "Валентинов передает беседу (с Владимиром Ильичом. — К. П.) в Женеве в общем, видимо, объективно", особенно сведения о влиянии Н. Г. Чернышевского на формирование революцион-ных убеждений В. И. Ленина (см.: *Рюриков Б.* Ленин о Чернышевском и его романе "Что делать?" — Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 130; Вождь. Ленин, которого мы не знали. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1992, с. 19—85).

[20] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1979, с. 179.

[21] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 307.

[22] *Крупская Н. К.* О Ленине, М., 1979, с. 297; ее же. О Ленине. М., 1960, с. 83.

Под обаянием Д. И. Писарева находился и Александр Ильич Ульянов. Он увлекся естественными науками, создал во флигеле своего дома лабораторию, в которой производил опыты по физике, химии и биологии. Его занятия привлекли внимание Владимира; он присутствовал при

производстве этих научных опытов, интересовался книгами старшего брата. Этот интерес к естествознанию сохранился у детей Ульяновых на всю жизнь.

[23] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года, с. 33.

[24] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 30. Семью Ульяновых отличала атмосфера любви, нравственной цельности, чистоты и высокой культуры. "Ильичу, — писала Крупская, — было чему поучиться у отца" (Педагогические сочинения, т. 2. М., 1958, с. 695).

[25] *Ульянов Д. И.* Очерки разных лет, с. 38.

В доме, где жила семья Ульяновых в 1878—1887 гг. (ныне Дом-музей В. И. Ленина), хранится много книг, журналов, имеются географические карты, глобус, теллурий, принадлежавшие Илье Николаевичу и его детям.

[26] Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 3. М., 1979, с. 170; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 143; т. 29, с. 355.

Заметим, что В. И. Ленин придавал особое значение этому вопросу. Так, делая замечания на книгу А. Рея "Современная философия", он по поводу характера научных истин выписывает следующие слова: "Интересно было бы постараться проверить эту общую теорию путем анализа некоторых знаменитых заблуждений. Например, система Птолемея показывает нам опыт, загроможденный индивидуальными представлениями, зависящими от земных условий астрономического наблюдения: это звездная система, как она видна с Земли. **Система Коперника — Галилея гораздо более объективна**, так как она упраздняет условия, зависящие от того факта, что наблюдатель помещается на Земле" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 514). Подчеркнутыми словами Владимир Ильич отметил единственно правильный путь решения вопроса об истинности систем мира, отделяя истину от заблуждения.

[27] Письмо О. И. Ульяновой А. Ф. Щербо от 3 августа 1889 г. — Фонды Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Опись документов в папке № 9, л. 42.

[28] *Shub D.* Lenin. New-York, 1969, p. 33.

[29] *Fischer L.* Die ungleichen Bruder Unbekanntes aus der Jugend Lenins. "Der Monat", Heft 203, August, 1965, Berlin, S. 12—15.

[30] *Белинский В. Г.* Избр. философские сочинения, т. 2, с. 516.

[31] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., 1970, с. 17—18.

[32] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 33.

[33] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 64.

[34] *Трофимов Ж. А., Миндубаев Ж. Б.* Илья Николаевич Ульянов, с. 158.

[35] *Архимандрит Гавриил.* История философии, ч. VI. Казань, 1840, с. 5.

[36] *Veale F.* The man from the Volga. Constable. London, 1932, p. 31—32; See also: Fischer L. Die ungleichen Bruder Unbekanntes aus der Jugend Lenins, s. 12—15; The Lenin antology. Edited by Robert C. Tucker. Princeton University. New-York, 1975, p. XIII—XIV.

Вместе с тем на Западе становится меньше исследователей, которые верят этой Кассандре. Так, американский историк Рональд Кларк в работе "Ленин. Человек без маски" признает преданность И. Н. Ульянова делу просвещения. И. Н. Ульянов, по его мнению, представлял тех, кто

предпочитал эволюционные изменения революционным. "Что остается несомненным, — пишет он, — так это интеллектуальные способности родителей Ленина, в особенности его отца, за которым в 1854 году Лобачевский закрепил должность учителя физики и математики Пензенского Дворянского института" (Clark Ronald W. Lenin. The man Behind the Mask. London. Boston, 1988, p. 4—5). Кларк симпатизирует им.

Говоря о роли И. Н. Ульянова в воспитании великого сына, автор представляет его имя в ласковой форме "Володя" как нечто сакральное: **Владимир был назван в честь святого. Это имя, превращенное в православной церкви во "Влади-мир"** (т. е. владыку, верховного правителя, Господа) **"означает управляй миром"** (р. 3). Кларк убежден в восхождении его отца по служебной лестнице и в способности увлечь своими профессиональными знаниями большого числа молодежи как следствии влияния Казанского университета: здесь он получил поддержку "пионера неэвклидовой геометрии". Правда, Владимир-Красное Солнышко, так прозвал русский народ своего духовного родоначальника и в этой оценке все: и признание, и благодарность за дарованное тепло, за радость и саму жизнь.

Если следовать логике профессора, то можно заключить, что **предок Ленина был назван в честь святого Ильи-пророка**, повествование о котором на основе исторических фактов относится к 8 в. до н. э., имеется в Ветхом Завете (3 Царств. 18, 43—46). **В Евангелии Илья вместе с Моисеем является апостолам и беседует с Христом (Матф. 17, 3—13).** Он — один из христианских прорицателей, почитаемых на Руси, так как от него зависило ниспослание грома, дождя, а следовательно, плодородия, лета и урожая.

Кассандра — в греческой мифологии дочь Приама и Гекубы, выступала как пророчица, предсказаниям которой никто не верит. По преданию, даром провидения наделил эту женщину домогавшийся ее любви Аполлон. Когда Кассандра отказалась отвечать ему взаимностью, тот в отместку ей сделал так, что ее вещие слова не стали принимать всерьез.

[37] См.: *Балика Д. А.* И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде (1863—1869). — Ученые записки Ульяновского гос. пединститута им. И. Н. Ульянова, т. XVII. Вып. 4. Ульяновск, 1962, с. 26.

[38] *Суперанский М. Ф.* Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906, с. 90.

[39] И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников, с. 14. Анна Ильинична подчеркивает, что, "несмотря на выдающуюся работу, он был оставлен по выслуге 25 лет не на пять лет, как обычно, а лишь на один год министром народного просвещения Сабуровым. Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича" (там же).

[40] Там же, с. 25.

[41] *Charnock J.* Red revolutionary. A life of Lenin. Hawthorn. Books, inc. publisher, New-York, 1970, p. 12.

[42] *Fischer L.* Die ungleichen Bruder Unbekanntes aus der Jugend Lenins, s. 12—15.

[43] *Maxton J.* Lenin. Distributed by Heron books. London, Ltd, a published year ins't marked, p. 14—15.

[44] *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче Ленине и семье Ульяновых, с. 306.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Тезисы о Фейербахе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Там же, т. 20.

Энгельс Ф. Диалектика природы. Там же.

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? — Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18.

Ленин В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. О народничестве. — Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25.

Ульянов И. Н. Избранное. Саратов, 1983.

Ульянов И. Н. Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года. — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, т. 11, оп. 1, д. 5.

Ульянов И. Н. Проведение касательных к коническим сечениям. Там же, д. 8.

Ульянов И. Н. О скрытом и удельном теплороде. Там же.

Ульянов И. Н. О грозе и громоотводах. — В кн.: Юбилейный сборник памяти И. Н. Ульянова (1855—1925). Пенза, 1925.

Ульянов И. Н. Программа по физике для учениц Нижегородского мариинского женского училища 1-го разряда. — В кн.: *Анисенкова А. К., Балика Д. А.* И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде. Горький, 1969.

Ульянов И. Н. Программа по математике, физике и космографии от 15 февраля 1865 г. — Там же.

Программы И. Н. Ульянова, составленные им в Нижнем Новгороде в 1864—1868 гг. Программа алгебры, геометрии, тригонометрии, физики, математической и физической географии. Программа естественной истории. — Там же.

Ульянов И. Н. Отчет о занятиях съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных народных училищ Симбирской губернии 1873 года. Симбирск, 1874.

Ульянов И. Н. Отчет о съезде народных учителей Симбирского и Сенгилеевского уездов 1874 года. Симбирск, 1875.

Ульянов И. Н. Предписание смотрителю Буинского уездного училища 12 сентября 1878 г. — В кн.: *Алпатов Н.И.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. М., Учпедгиз, 1956.

Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 год. Симбирск, 1881.

Дело директора училищ Симбирской губернии (11 декабря 1871 года). — Гос. архив Ульяновской области, т. 932, оп. 1, ед. хр. 227.

Ульянов И. Н. Отчет по обозрению Сенгилеевского и Сызранского уездных училищ директором народных училищ в 1879 г. — В кн.: Известен всей России. И. Н. Ульянов. Саратов, 1974.

Ульянов И. Н. Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1877 год. Симбирск, 1879.

Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1879 год. Симбирск, 1881.

Ульянов И. Н. Письмо Н. П. Петерсону. 9 декабря 1864 г. Публикация Б. Клейна. — Народное образование, 1968, № 4.

Ульянов И. Н. Письмо Н. Н. Ильминскому от 22 февраля 1873 г. Публикация А. Савицкого. — Ульяновская правда, 1948, 7 июля.

Ульянов И. Н. Письмо И. Я. Яковлеву от 5 апреля 1873 г. Публикация О. А. Яковлевой. — Записки отдела рукописей Гос.библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 18, М., 1956.

Ульянов И. Н. Речь при открытии Курмышского городского училища 7 августа 1878 года. — Гос. архив Ульяновской области, т. 99, оп. 3, ед. хр. 2, лл. 75—76.

Владимир Ильич Ленин. Биография, т. 1, М., Политиздат, 1985.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1. М., Политиздат, 1970.

Воспоминания о В. И. Ленине в 5 томах. М., Политиздат, 1969—1979.

Крупская Н. К. О Ленине. М., Политиздат, 1981.

Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник. Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. — М.—Л., Госиздат, 1927.

Ульянова-Елизарова А. И. Краткая биография Ильи Николаевича Ульянова. — В кн.: Юбилейный сборник памяти И. Н. Ульянова (1855—1925). Пенза, 1925.

Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., Политиздат, 1988.

Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., Политиздат, 1978.

Письмо О. И. Ульяновой к А. Ф. Щербо от 3 августа 1889 г. — Фонды Ульяновского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Опись документов в папке № 9, л. 42.

Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., Политиздат, 1984.

Алексеев В. Н., Швер А. В. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). М. — Л., Госиздат, 1925.

Алексеев П. В. Естественно-научный материализм и материалистическая диалектика. М., Высшая школа, 1981; его же: Наука и мировоззрение. М., Политиздат, 1983.

Алпатов Н. И. Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. М., Учпедгиз, 1956.

Андреев Н. А., Сергеев Т. С., Ханбиков Я. И. И. Н. Ульянов — выдающийся борец за просвещение и культуру народов Поволжья. — Советская педагогика, 1981, № 7.

Анисенкова А. К., Балика Д. А. Нижегородские годы семьи Ульяновых. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1981.

Араго Д. Гром и молния, пер. с фр. СПБ, 1859.

Балика Д. А. Психологические воззрения И. Н. Ульянова. — Тезисы докладов научной конференции по психологии. Горький, 1968.

Белинский В. Г. Письмо к Гоголю. 3 июля 1847 г. — Полн. собр. соч. Т. X. М., изд-во АН СССР, 1954.

Богатов В. В. Философия П. Л. Лаврова. М., изд-во МГУ, 1972.

Всеобщая и частная естественная история графа де Бюффона в 10 томах. Пер. с фр. СПБ, 1789—1808.

Архимандрит Гавриил. История философии. Ч. VI. Казань, 1840.

Герцен А. И. Письма об изучении природы. — Собр. соч. в восьми томах. Т. 2. М., изд-во "Правда", 1975; его же: Былое и думы. Там же, т. 4.

Григорьян Г. Г. Противоположность религиозного и научного мировоззрения. М., изд-во МГУ, 1973.

Добролюбов Н. А. О значении авторитета в воспитании. — Собр. соч. в 9 томах. Т. 1. М. — Л., Худож. лит., 1961.

Евграфов В. Е., Щипанов И. Я., Маслин А. Н. и др. Философские, социологические и эстетические учения революционных демократов и просветителей. Зарождение народнической идеологии. — В кн.: История философии в СССР. В 5 т. Т. 3. М., 1968.

Жаданов Б. Н. Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова и воспитание детей в его семье. М., АПН, 1956.

Известен всей России. И. Н. Ульянов. Статьи, документы, материалы, воспоминания. Авт-сост. А.Карамышев. Саратов, Приволж. кн.изд-во, 1974.

Илья Николаевич Ульянов. По воспоминаниям современников и документам. Сост. А. И. Иванский. М., Политиздат, 1963.

И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. Сборник. Сост. и автор предисл. А. Л. Карамышев. М., Сов. Россия, 1989.

Ильенков Э. В. Проблема идеала в философии. Вопросы философии. 1962, № 10, 1963, № 2.

История естествознания в России. Т. 1, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1957.

Карамышев А. Л. Педагогическая и культурно-просветительская деятельность И. Н. Ульянова и педагогов-ульяновцев в дореволюционной России. Автореферат дисс. на соиск. ученой степени доктора пед. наук. Л., 1981.

Ковальский М. А. О законах собственного движения звезд каталога Брадлея (1859). — Ковальский М. А. Избр. работы по астрономии. М. — Л., Гостехиздат, 1951.

Кондаков А. И. Директор народных училищ И. Н. Ульянов. М., Просвещение, 1964.

Коперник Н. О вращении небесных сфер.Пер. с лат. М., Наука, 1964.

Крывелев И. А. Ленин о религии. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Кувакин В. А. Мировоззрение В.И. Ленина. М., Изд-во МГУ, 1990.

Кузнецов Ф. Г. Деятельность И. Н. Ульянова в области естествознания. — Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та им. И. Н. Ульянова, т. XXVI, вып. 3. Ульяновск, 1970.

Лаплас П. Изложение системы мира. Пер. с фр. Т. 1—2. СПБ, 1861.

Левина З. М. Против извращения биографии В. И.Ленина. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 4.

Ленц Э. Х. Руководство к физике. СПБ, 1839.

Лобачевский Н. И. Новые начала геометрии с полной теоремой параллельных. — Полн. собр. соч. Т. II. М. — Л., Гостехиздат, 1949.

Малинин В. А. К вопросу о философских идеях революционного народничества. — Вопросы философии, 1977, № 6.

Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., Высшая школа, 1977.

Марков А. С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград, Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1970.

Маслин М. А. Современные буржуазные концепции истории русской философии. М., 1988.

Математические софизмы. Сост. В. И. Обреимов. СПБ. Изд. Ф. Павленкова, 1884.

Материалы к биографии И. Н. Ульянова. — Исторический архив, 1958, № 2.

Назарьев В. Н. Современная глушь.: (О старых школах Симбирской губернии). — Вестник Европы, 1876, т. 2. То же в сокр. в кн.: И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. М., Сов. Россия, 1989.

Назарьев В. Н. Из весенних воспоминаний члена Симбирского уездного училищного совета. — В кн.: И. Н. Ульянов в воспоминаниях современников. М., Сов. Россия, 1989.

Никишов С. Путь к духовной свободе. — Наука и религия, 1966, № 7.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Пер. с лат. — В кн.: Крылов А. Н. Собр. трудов. Т. VII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1936.

Опыт православного догматического богословия архимандрита Сильвестра. Т. III. Киев, Изд. Киевск. духовной академии, 1885.

Павлов А. Т. Исследование философии русских революционных демократов в СССР (1917—1987). М., Изд-во МГУ, 1989.

Пантин И. К., Плимак Е. Г. Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783—1883. М., Мысль, 1986.

Пермяков К. М. Предпосылки формирования мировоззрения молодого В. И. Ленина. — Сборник научных трудов Всесоюзного юр. заочн. ин-та. Социалистическое государство и право в условиях дальнейшей демократизации советского общества. М., 1989.

Пермяков К. М. Илья Николаевич Ульянов как демократ-просветитель и гуманист. — Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1990, № 6.

Писарев Д. И. Схоластика XX века. — Соч в 4-х т. Т. 1. М., Худож. лит., 1955.

Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. Сборник. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1961.

Радзиевский В. В., Балика Д. А. И. Н. Ульянов — астроном и метеоролог. — Земля и Вселенная. 1965. № 5.

Рождественский Б. П. И. Н. Ульянов об эстетическом воспитании. — Народное образование, 1968, № 4.

Савин С. М., Трофимов Ж. А. И. Н. Ульянов в Пензе. Пенза, Приволж. кн. изд-во, 1973.

Семья Ульяновых. Сост. Н. С. Гудкова. М., Политиздат, 1984.

Скибицкий М. М. Мировоззрение, естествознание, теология. М., Политиздат, 1986.

Сытин С. Л. Бесценное наследие. — Призвание, 1986, 4 июня.

Сытин С. Л. И. Н. Ульянов и его дело. — Ульяновская правда, 1991, 9, 11 июля.

Сытин С. Л. Пели возмутительные песни. — Нар. газета. — 1993. — 19 октября.

Трофимов Ж. А. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1976.

Трофимов Ж. А. Ульяновы. Саратов, Приволж.кн. изд-во, 1978.

Трофимов Ж. А. Отец Ильича. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1981.

Трофимов Ж. А., Миндубаев Ж. Б. Илья Николаевич Ульянов. М., Мол. гвардия, 1981.

Трофимов Ж. А. Демократический Симбирск молодого Ленина. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1984.

Трофимов Ж. А. Великое начало. М., Мол. гвардия, 1990.

Угринович Д. М. Психология религии. М., Политиздат, 1986.

Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Собр. соч. в 11 т. Т. 8—9. М., Изд-во АПН РСФСР, 1950.

Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., Наука, 1981.

Фишер Л. Ленин. Лондон, 1970.

Франклин Б. Опыты и наблюдения над электричеством. Пер. с англ. М., Изд-во АН СССР, 1956.

Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. Полн. собр. соч. в 15-ти т. Т. VII. М., Худож. лит., 1950.

Шабаева М. Ф. Революционно-демократические традиции в педагогической деятельности и семье И. Н.Ульянова. — Советская педагогика. — 1981. — № 7.

Шагинян М. С. Лениниана. М., Мол. гвардия, 1980.

Яковлев И. Я. Воспоминания. Чебоксары, Чувашск. кн. изд-во, 1983.

Яковлев И. Я. Письма. Чебоксары. Чувашск. кн. изд-во, 1985.

Berlin I. Russian Thinkers. The viking Press. New York, 1978.

Charnock J. Red revolutionary. A life of Lenin. Hawthorn Books, inc. Publisher. New York, 1970.

Clark R. Lenin. The man Behind the Mask. London — Boston. 1988.

Cliff T. Lenin. Vol. I. Pluto Press. London, 1878.

Fischer I. Die ungleichen Bruder Unbekanntes aus der Jugend Lenins. "Der Monat", Heft 203, August, 1965, Berlin.

Harding N. Lenin's Political Thought. Vol. I. London, 1977.

Laski Harold J. Ulyanov Vladimir Ilyich-In: Encyclopaedia of the social Sciences. Editor-in-Chiff Edwin R. A. Seligman. Vol. 15. New York, 1962.

Lenin, Vladimir Ilyich Ulyanov. — In: The Encyclopaedia Britannica Fourteenth edition. Vol. 13. London, 1932.

Pipes R. The origins of Bolshevism, the intellectual Evolution of young Lenin in R. Pipes [ed]. Revolutionary Russia (London, 1986).

Pipes R. Struve. Liberal on the Left. Harward University Press Cambridge (Mass.), 1970.

Shub D. Lenin. New York, 1969.

Theen R. Nicolai Valentinov's contribution to the Study of Lenin. Canadian-American. Slavic Studies. Vol. 6, №. 1. 1972. See also about it: Article by G. E. Munro. Historical Abstracts. California. Vol. 22. 1976.

Valentinov N. The early years of Lenin, translated and adited by Rolf H. W. Theen. Ann Arbor, 1969.

Veale F. The man from the Volga, London, 1932.

Wetter G. A. Sowietideologie heute. Frankfurt am Main-Hamburg, 1962.

Maxton J. Lenin. Distributed by Heron Books. London. A published year isn't marked.

Weber G. Weber H. Lenin. Life and works. Facts on File Chronology Series. New York, 1980.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аввакум Петрович (1621—1682) — протопоп, идеолог русского старообрядчества, один из руководителей раскола. В 1666 г. церковным собором был предан анафеме, сослан в Пустозерский острог и в 1682 г. по указу царя вместе с ближайшими сподвижниками сожжен в срубе. В 1667 г. был осужден на заточение там же и в 1681 г. сожжен протопоп Симбирский Никифор — 117.

Агафонов И. С. — педагог, воспитанник Порецкой учительской семинарии Симбирской губернии. За революционную работу среди солдат был сослан — 149.

Александр II (1818—1881) — русский император с 1855 г. — 113, 156, 159, 197.

Александр III (1845—1894) — русский император с 1881 г. — 55, 113, 153, 166, 197.

Алексеев Петр Васильевич (род. в 1932 г.) — доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — 70, 192.

Аммосов Константин Михайлович (1846—1912) — педагог, окончил Казанскую духовную академию, с 1880 г. — инспектор народных училищ Симбирской губернии, один из ближайших помощников И. Н. Ульянова; надворный советник (1882) — 116, 152.

Анаксагор (ок. 500—428 до н. э.) — древнегреческий натурфилософ, непоследовательный материалист; по обвинению в безбожии был приговорен к смертной казни, спасся, покинув Афины — 42.

Анатолий (в миру Андрей Максимович, 1766—1844) — первый архиепископ Симбирский и Сызранский (1832—1842) — 30.

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — известный критик, либерал, "западник", знакомый Маркса, оставил замечательные воспоминания об основоположнике научного социализма — 29.

Араго Доминик Франсуа (1786—1853) — французский физик и астроном, академик, почетный член Петербургской академии наук — 69, 70, 192.

Арий (ок. 256—336) — священник из г. Александрии; доказывал, что вечным оказывался только Бог-Отец, а не Сын (Логос), творящий Духа Святого (318). В 325 г. на Никейском соборе его учение было осуждено как еретическое — 198.

Аристарх Самосский (ок. 320—250 гг. до н. э.) — древнегреческий астроном и математик, в философии пифагореиц; основоположник теории вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца. Был обвинен в безбожии — 193.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и энциклопедический ученый, основатель науки логики и других отраслей знания — 43, 77, 110, 188, 192, 193, 196.

Арнольд Владимир Густавович (1849—1920) — русский офицер, воспитатель в Симбирском кадетском корпусе, ученик И. Н. Ульянова — 25.

Ауновский Владимир Александрович (1835—1875) — физик, математик и этнограф Симбирского края, соратник И. Н. Ульянова — 25, 148, 189.

Балика Дмитрий Андреевич (1894—1971) — советский библиотековед и библиограф — 85, 162, 185, 187, 192, 193, 205.

Баратынский Алексей Иванович (1824—1894) — протоиерей с. Бурундук Буинского уезда, председатель уездного училищного совета Симбирской губернии (1866—1874) — 146.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — русский литературный критик, публицист, философ, революционный демократ — 13, 20, 53, 112, 170, 204.

Бергман Торберн Улаф (1735—1784) — шведский химик, профессор — 105.

Бичер-Стоу Гарриэт (1811—1896) — американская писательница реалистического направления — 140.

Больцани Иосиф Антонович (1818—1876) — русский физик и математик, профессор Казанского университета, ученик Н. И. Лобачевского — 22.

Брадлей Джеймс (1693—1762) — английский астроном — 186.

Брехов Степан Михайлович — помещик Нижегородской губернии — 16.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — русский мыслитель, экономист и философ, был легальным марксистом, под влиянием главным образом идей В. Соловьева обратился к религиозной философии — 93, 194.

Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский философ, восстановивший материалистическую традицию и развивший основы научной индукции — 190.

Бюффон Жорж Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, автор "Естественной истории" (1749—1789), один из основоположников учения о развитии природы, член Академии наук — 63.

Валентинов Н. (Вольский Николай Владиславович, 1879—1964) — русский публицист, философ-махист, с 1930 г. — эмигрант — 166, 203.

Варсанофий (в миру Иаков Охотин, 1830—1895) — епископ Симбирский и Сызранский (с 1882 г.) — 55, 189.

Введенский Петр Васильевич (1855 — год смерти неизв.) — учитель, выпускник Порецкой учительской семинарии, преподавал в Буинском уезде Симбирской губернии — 148.

Введенский Серафим Иванович (ок. 1860 — год смерти неизв.) — протоиерей, преподаватель богословия, истории и обличения русского раскола в Симбирской духовной семинарии, кандидат богословия — 123, 198.

Веретенников Николай Иванович (1871—1955) — преподаватель физики и математики, двоюродный брат В. И. Ленина — 92.

Вили, Фридерик Джон Партингтон — английский историк и социолог — 173, 204.

Вишневский Иван Васильевич (1812—1905) — директор Симбирской классической гимназии (1864—1879), действительный статский советник — 198.

Владимирский Александр Поликарпович (1821 — ум. после 1895 г.) — протоиерей, магистр Казанской духовной академии; с 1850 г. — профессор богословия, логики и психологии Казанского университета — 111.

Волков Алексей Александрович (1858—1941) — учитель Промзинского училища Симбирской губернии, воспитанник И. Н. Ульянова — 107, 128.

Волкогонов Дмитрий Антонович (род. в 1928 г.) — доктор философских, доктор исторических наук, член-корр. РАН, генерал-полковник. В

1989 г. уволен из института военной истории за "очернение советской истории" — 150.

Гавриил (Воскресенский Василий Николаевич, 1795—1868) — теолог, профессор философии Казанского университета — 173, 204.

Галилей Галилео (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном, один из основателей механистического материализма — 78, 93, 204.

Гассенди Пьер (1592—1655) — французский философ-материалист, математик и астроном, священник, профессор ряда университетов — 193.

Гаусс Карл Фридрих (1777—1855) — немецкий математик и астроном, независимо от Н. И. Лобачевского подходил к идее неэвклидовой геометрии, почетный член Петербургской академии наук — 73.

Гевелий Ян (1611—1687) — выдающийся польский астроном, основатель селенографии; дал первое систематическое изложение истории всех наблюдавшихся к тому времени комет в трактате "Кометография" (1668), открыл четыре новых кометы — 82.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — крупнейший представитель немецкой классической философии, объективный идеалист, разработал идеалистическую диалектику 12, 43, 124, 188, 196, 198.

Гельвеций Клод Адриан (1715—1771) — французский философ-материалист, идеолог революционной буржуазии — 195.

Гераклит (ок. 540—480 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, стихийный материалист — 191.

Гербарт Иоганн Фридрих (1776—1841) — немецкий философ-идеалист, педагог, профессор — 97, 98.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — революционер-демократ, философ-материалист, писатель — 12, 24, 40, 101, 195.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — русский писатель-сатирик — 20, 53, 140.

Гойнинген-Гюне Александр Федорович (1824 — год смерти неизв.) — барон, управляющий делами бывшего IV отделения собственной Его Величества канцелярии, симбирский губернатор (1869), тайный советник — 198.

Гончаров Николай Александрович (1808—1874) — преподаватель русского языка Симбирской классической мужской гимназии, брат писателя И. А. Гончарова — 29, 132.

Гораций (Квинт Гораций Флакк, 65— 8 до н. э.) — римский поэт — 145.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — русский писатель и дипломат — 140.

Григорий Богослов (ок. 330—390) — греческий поэт и прозаик, церковный деятель, представитель патристики — 191.

Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, почетный член Петербургской академии наук — 69.

Гус Ян (1371—1415) — чешский мыслитель и реформатор, профессор, в 1409—1410 гг. — ректор Пражского (Карлова) университета — 24.

Даниил Заточник — автор "Моления" или "Слова" (I четверть XIII в.), послания к князю Переяславля-Северного Ярославу Всеволодовичу. Принадлежал к кругу молодого княжеского дворянства "милостьников" — 18.

Даннеман Фридрих (1859 — год смерти неизв.) — немецкий историк естествознания — 168.

Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель, основоположник эволюционной биологии, член-корреспондент Петербургской академии наук — 15, 145.

Де ла Рив О. А. (1801—1873) — швейцарский физик, профессор, автор работ по теории электромагнетизма — 69.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — один из выдающихся русских поэтов, сатириков, родоначальников сентиментализма — 19.

Дефо Даниель (ок. 1660—1731) — английский писатель и публицист — 140.

Джованьоли Раффаэлло (1838—1915) — итальянский писатель, сподвижник Дж. Гарибальди — 140.

Джоуль Джеймс Прескотт (1818—1889) — английский физик — 66.

Дистервег Фридрих Адольф Вильгельм (1790—1866) — немецкий педагог-демократ, крупный деятель в области народной школы — 161.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — русский литературный критик, публицист, революционный демократ — 13, 24, 112, 116, 138, 150, 161, 167, 196.

Долгово-Сабуров Николай Павлович — симбирский губернатор (1837—1886), действительный статский советник — 149.

Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868) — военный министр (с 1853), шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения (1856—1866), — 185.

Евгений (Сахаров-Платонов Макарий Дмитриевич, 1814—1888) — магистр богословия (1838), профессор, ректор Московской духовной академии; с 1858 г. епископ Симбирский и Сызранский — 123, 198.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — один из крупнейших русских поэтов, основоположник романтизма. В 1817 г. по желанию императрицы становится придворным преподавателем русского языка, а с 1825 г. — воспитателем наследника престола, Александра Николаевича — 54, 127, 128, 131.

Захаров Владимир Иванович (1832—1904) — учитель русской словесности Пензенского дворянского института, Пензенской гимназии, Нижегородского дворянского института; проводил идеи революционной демократии — 23—25, 160.

Зенон из Элеи (ок. 490—430 до н. э.) — древнегреческий философ, стихийный материалист, ученик Парменида — 110, 196.

Зинин Николай Николаевич (1812—1880) — русский химик-органик, академик — 15.

Зотов П. — воспитанник Порецкой учительской семинарии Симбирской губернии, учитель — 149.

Ишерский Иван Владимирович (1845—1918) — русский педагог, с 1872 г. — кандидат богословия с правом на магистра без новых устных испытаний; преподаватель философии, психологии и педагогики в Вятской духовной семинарии; с 1877 г. — инспектор, с 1886 г. — директор народных училищ Симбирской губернии, испытавший влияние И. Н. Ульянова. Однако после его кончины не сумел отстоять его демократические традиции в народном просвещении. Действительный статский советник (1896) — 98, 195.

Ишутин Николай Андреевич (1840—1879) — революционер-народник, руководитель тайного общества в Москве, инициатор создания центров "Организация" и "Ад" (1863—1866) — 23.

Кабанов Андрей Сергеевич (1854—1917) — преподаватель ряда школ Симбирского уезда, учитель в семье Ульяновых — 99, 172.

Калашников Василий Андреевич (1855—1935) — преподаватель чувашской школы в Симбирске, затем в образцовом училище в с. Усолье; учитель в семье Ульяновых — 120, 131.

Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкого классического идеализма — 15, 161, 168, 198.

Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — русский поэт-сатирик, мыслитель и дипломат; представитель "ученой дружины", сторонник реформ Петра I, в философии придерживался деизма, сын Д. Кантемира — 18, 19, 186.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866) — русский революционер, ишутинец; 4 апреля 1866 г. в Петербурге совершил неудачное покушение на Александра II, приговорен к казни — 23, 45.

Карамышев Александр Леонтьевич (род. в 1926 г.) — советский педагог, профессор. Исследовал деятельность И. Н. Ульянова в области народного просвещения — 57, 114, 162, 185, 186.

Карно Никола Леонар Сади (1796—1832) — французский физик и инженер, один из основателей термодинамики — 66.

Кашкадамова Вера Васильевна (1858—1931) — народная учительница, преподавала в женском училище в Симбирске (с 1880 г.), друг семьи Ульяновых — 116.

Кеплер Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном, физик, математик и философ; открыл законы движения планет вокруг Солнца — 71, 74, 82.

Керенский Федор Михайлович (1837—1912) — русский педагог, после окончания Казанского университета защитил диссертацию, посвященную древне-русским отреченным верованиям и календарю Брюса. В 1870 г. получил степень кандидата наук. Преподаватель и инспектор гимназий в Казани, Вятке, затем директор Вятской, с 1879 г. — Симбирской классической гимназии, он же преподаватель словесности и логики, председатель совета Братства во имя Преподобного Сергия Радонежского. Действительный статский советник (1887). Говоря об истории астрологических суеверий, отмечал стойкость преданий языческой старины и медленное вхождение христианства в жизнь русского человека. Церковь и светские власти пытались парализовать эти верования, считая их бесовской ересью, как не имеющие под собой оснований. Древние христолюбцы вооружились против поганых обычаев, писал Керенский, чтобы сбросить с себя богомерзские обряды и начать жить по учению новой религии. Неслучайна его апелляция к Максиму Греку (1475—1556), к его исповеди: "Мы же злы и неблагодарны к тебе, человеколюбивому Богу и Владыке... Долго ли от нас будет таковое безумие": У русского мыслителя исходным пунктом философских воззрений был христианизированный Аристотель. Сам же Федор Михайлович вводил в гимназии жесткую дисциплину, утверждая в учениках религиозные и нравственные понятия, живую христову "веру в Промысел Божий, охранявший Россию от врагов внешних и внутренних в самые тяжелые годины". Отличался благочестием, долей ригоризма, завистливостью, доносами на достойных педагогов и верноподданическим отношением к монархии — 132, 153—155, 172, 203.

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — русский философ, идеалист, один из основоположников славянофильства — 11, 12, 185.

Кириллов Феофилакт Степанович (1863—1939) — народный учитель. Воспитанник И. Н. Ульянова. После окончания Порецкой учительской семинарии работал в Жадовском училище (с 1884 г.) — 149.

Кларк Рональд — американский историк, известный автор книги о В. И. Ленине — 204, 205.

Клинкерфюс Эрнст Вильгельм (1827—1884) — немецкий астроном, открыл несколько комет; с 1855 г. — доктор астрономии, с 1868 г. — директор Геттингенской обсерватории — 22, 61, 190, 192, 193.

Клиф, Тони — английский историк, в 30-х годах член социалистической рабочей партии; проявлял симпатии к Л. Д. Троцкому — 166.

Ковальский Мариан Альбертович (1821—1884) — русский астроном, профессор Казанского университета, в звездной динамике проводил материалистические идеи; член-корреспондент Петербургской Академии наук, член научных обществ за рубежом (Лондонского королевского астрономического общества, немецкого астрономического общества, общества физических и естественных наук г. Бордо (Франция). Научный руководитель И. Н. Ульянова — 22, 78, 79, 103, 186.

Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952) — деятель российского и международного революционного движения, в РСДРП с 1906 г., советский дипломат — 169.

Кондаков Анатолий Иванович — советский педагог, доцент — 161.

Коперник Николай (1473—1543) — польский астроном и мыслитель, создатель учения о гелиоцентрической системе мира — 78, 81, 105, 193, 204.

Корф Николай Александрович (1834—1883) — русский педагог, организатор земских школ — 33, 37.

Котельников Петр Иванович (1809—1883) — русский физик и математик, доктор философии и магистр свободных наук, заслуженный профессор Казанского университета; сотрудник Н. И. Лобачевского — 71.

Кравчинский, псевдоним Степняк, Сергей Михайлович (1851—1895) — революционер-народник, писатель — 174—175, 187.

Красев Александр Алексеевич (1844—1921) — по окончании Санкт-Петербургской духовной академии (1871) преподаватель Казанской духовной семинарии, кандидат богословия с правом на получение степени магистра без новых устных испытаний. В 1878 г. был приглашенИ. Н. Ульяновым на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, один из его последователей. Колл. советник (1885) — 39, 200.

Кропоткин Петр Алексеевич (1842— 1921) — русский революционер-народник, один из теоретиков анархизма — 134, 199.

Крупская Надежда Константиновна (1869—1938) — выдающийся партийный и государственный деятель, марксистка, в период революции 1905—1907 годов секретарь ЦК партии в России, организатор просвещения в СССР, доктор педагогических наук, жена и соратник В. И. Ленина, распространяла его философское наследие — 13, 14, 112—114, 160—162, 164, 167, 172, 196, 197, 204.

Крывелев Иосиф Аронович (род. в 1906 г.) — совесткий философ, доктор философских наук — 163, 189, 201.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — русский писатель, баснописец — 109.

Лагранж Жозеф Луи (1736—1813) — французский математик и механик — 76.

Ламберт Иоганн Генрих (1728—1777) — немецкий философ, математик, физик и астроном, член Берлинской академии наук — 74, 82.

Лаплас Пьер Симон (1749—1827) — французский астроном, математик, физик, почетный член Петербургской академии наук — 15, 76, 78, 191.

Ласки, Гарольд Джозеф (1893—1950) — английский социолог, политический деятель, лидер и идеолог лейбористской партии — 165.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий математик, философ-идеалист — 74, 77, 192.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — гениальный мыслитель, теоретик марксизма, организатор и вождь Компартии России и международного коммунистического движения, основатель советского государства — 3—5, 12, 31, 40, 41, 52, 60, 68, 77, 92, 109, 110, 114, 115, 141, 152—154, 157—162, 165—173, 179, 182, 183, 185, 192, 194, 196, 197, 200, 201, 203, 204, 205.

Ленц Эмилий Христианович (1804—1865) — русский физик, академик, один из первооткрывателей закона сохранения и превращения энергии — 15, 58, 59, 75, 190.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — русский поэт и писатель — 140.

Ливанов Николай Агафонович (ок. 1808—1885) — протоиерей церкви "Никола-Гостинная" в Астрахани (с 1830 г.) — 16.

Лобачевский Николай Иванович (1792—1856) — русский математик и мыслитель-материалист, создатель неэвклидовой геометрии, профессор; в 1827—1846 гг. ректор Казанского университета — 15, 18, 20—22, 61—63, 71—74, 144, 190, 191, 205.

Локк Джон (1632—1704) — английский философ-материалист, сенсуалист в теории познания; автор книг "Опыт о человеческом разуме", "Мысли о воспитании" и др. сочинений — 199.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — великий русский ученый-энциклопедист и мыслитель — 66, 71, 87, 190.

Лукреций (Тит Лукреций Кар, ок. 88—55 гг. до н. э.) — римский поэт, философ-материалист — 191.

Лукьянов Николай Яковлевич (1853 — ок. 1920) — учитель, заведующий 4-м Симбирским приходским училищем, воспитанник И. Н. Ульянова — 144.

Лютер Мартин (1483—1546) — деятель бюргерской реформации в Германии, доктор богословия; выступил против догматов и претензий католической церкви и духовенства, которые, по его мнению, не являются посредниками между человеком и Богом — 193.

Малеев Петр Павлович (1855 — ок. 1922) — учитель Сельдинского мужского училища, воспитанник И. Н. Ульянова — 99, 100, 121, 134, 146.

Маркс Карл (1818—1883) — основатель научного социализма, философии диалектического и исторического материализма и научной политической экономии, великий мыслитель и вождь мирового пролетариата — 151, 191, 193, 195.

Мартынов Александр Федорович (1823—1906) — учитель истории, географии и латинского языка Нижегородской гимназии — 24.

Мартынов Павел Любимович (1847—1921) — симбирский историк-краевед, с 1917 г. — председатель губернской ученой архивной комиссии, товарищ председателя суда — 187.

Медведков Сергей Степанович (1848—1917) — преподаватель Симбирской духовной семинарии и Чувашской учительской школы, знакомый семьи Ульяновых — 129.

Мезенцев Николай Владимирович (1827—1878) — генерал-адьютант, начальник штаба корпуса жандармов, член Государственного совета, с 1876 г. — шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения — 187.

Мельников Михаил Иванович (1807—1885) — математик, магистр, преподаватель Казанского университета, ученик Н. И. Лобачевского — 71.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский химик, профессор Петербургского университета — 15.

Милютин Николай Алексеевич (1818—1873) — русский государственный деятель, товарищ министра внутренних дел (1859—1861). В 1866 г. — главный начальник канцелярии по делам царства Польского. По убеждениям принадлежал к либеральной буржуазии — 31.

Мор Томас (1478—1535) — английский гуманист, государственный деятель, один из основателей утопического социализма — 174.

Мэкстон Джеймс — английский историк — 177, 205.

Навродский Николай Тимофеевич — учитель русской словесности и географии Астраханской гимназии (1841—1845) —. 18.

Назарьев Валериан Никанорович (1830—1902) — писатель, мировой судья, член Симбирского уездного училищного совета, соратник И. Н. Ульянова по народному просвещению — 36, 38—41, 133, 152, 153, 188, 202.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император — 191.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — русский поэт, революционный демократ — 14, 54, 55, 109, 112, 140, 167, 189.

Никольский Павел Прокофьевич (1823—1898) — протоиерей Владимирской церкви, кафедральный протоиерей Симбирского собора, член губернского училищного совета и духовной консистории — 200.

Никон (Никита Минов, 1605—1681) — Патриарх Московский и Всея Руси. Для укрепления позиций православия провел реформу, вызвавшую к жизни движение за сохранение старых обрядов, что привело к церковному расколу — 117, 123, 195.

Ньютон Исаак (1643—1727) — великий английский математик, механик, физик и астроном — 71, 76, 82, 164, 193, 198.

Обреимов В. И. — русский математик — 109.

Обручев Николай Николаевич (1830—1904) — русский генерал от инфантерии (1887), почетный член Петербургской академии наук, профессор Академии генштаба. В 60-х гг. был близок к Н. Г. Чернышевскому — 12.

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — русский революционный демократ, поэт, публицист - 29, 40, 186.

Озембловский Юлиан Онуфриевич — учитель физики и математики Астраханской гимназии — 20.

Ольберс Генрих Вильгельм (1758—1840) — немецкий астроном, исследовал движение комет, разрабатывал методы определения их орбит. Высказал космологический парадокс — 22, 61, 74, 190, 192, 193.

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — русский писатель-драматург — 140.

Остроградский Михаил Васильевич (1801—1862) — русский математик, академик, известен исследованиями в области механики, математической физики, вариационного исчисления и др. — 72.

Пазухин Алексей Дмитриевич (1845—1891) — председатель уездной земской управы, алатырский (Симбирской губернии) предводитель дворянства, затем директор канцелярии министерства внутренних дел — 35, 187, 188.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — русский писатель и журналист; с 1847 г. совместно с Н. А. Некрасовым издавал журнал "Современник" — 112.

Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — русский писатель, в 1862—1863 гг. — участник тайной революционной организации "Земля и воля"; отбывал десятилетнюю ссылку в Сибири; впоследствии книгоиздатель — 184.

Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880) — русский астроном, математик, академик — 87.

Персиянинов Лев Васильевич (1832—1897) — земский врач в Буинском уезде Симбирской губернии, друг и единомышленник И. Н. Ульянова — 40, 41.

Петерсон Николай Павлович (ок. 1840 — год смерти неизв.) — член тайного революционного общества, организованного Н. А. Ишутиным (1863), преподаватель Бранницкого уездного училища, бывший ученик И. Н. Ульянова, по приглашению Л. Н. Толстого учительствовал в одной из его школ, арестован по делу Д. В. Каракозова — 25.

Петров Василий Владимирович (1761—1834) — русский физик, электротехник, академик — 15.

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — русский публицист, критик, философ-материалист, революционный демократ — 13, 167, 195, 203.

Пифагор (585—504 гг. до н. э.) — древнегреческий математик, философ-идеалист — 193.

Планк Макс (1858—1947) — немецкий физик-теоретик; в науке проводил принципы материализма, в вопросах морали оправдывал существование религии — 191.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — русский поэт, петрашевец, революционный демократ — 140, 200.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — русский историк и публицист, академик — 11.

Попов Александр Федорович (1815—1878) — русский математик и астроном, с 1846 г. — профессор Казанского университета и преемник Н. И. Лобачевского на кафедре математики — 22, 71.

Преображенский Степан Николаевич (1838 г. — год смерти неизв.) — домашний учитель арифметики и геометрии Симбирской дирекции народных училищ, надзиратель при гимназии — 146, 147.

Птолемей Клавдий (ок. 90—160) — древнегреческий математик, астроном, оптик и географ; создатель геоцентрической системы мира — 81, 193.

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг. — 117, 184.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1838) — великий русский поэт и писатель — 29, 109, 140, 199.

Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг. — 184.

Родичев Федор Измайлович (1856—1938) — уездный предводитель дворянства Тверской губернии, лидер либерального земства — 35, 187.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — французский писатель и философ, придерживался деизма; просветитель — 48, 161, 199.

Сабуров Андрей Александрович (1838—1881) — министр народного просвещения (апрель 1880 — март 1881) — 176, 205.

Садоков Константин Иванович — учитель латинского языка и законоведения гимназии, с 1864 г. — директор народных училищ Нижегородской губернии, тайный советник — 145.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — русский писатель-сатирик, публицист, революционный демократ — 13, 140, 167.

Сенека (Луций Анней Сенека) — ок. 4—65) — римский философ-стоик, воспитатель Нерона, государственный деятель. Обвинен в заговоре против императора, приговорен к смерти, покончил жизнь самоубийством — 19.

Сергий Радонежский (до принятия монашества — Варфоломей Кириллович, ок. 1321—1391) — игумен Троицкого монастыря (см. Троице-Сергиева лавра) — русский церковный и политический деятель. Канонизирован в 1422 г. — 132.

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) — русский физиолог, профессор, с 1904 г. — почетный член Петербургской академии наук — 145.

Симонов Иван Михайлович (1794—1902) — русский астроном, профессор Казанского университета — 22, 87.

Скалдин (Еленев) ***Федор Павлович*** (1827—1902) — русский публицист, буржуазный либерал — 115.

Слагаев Абубятыр Сулейманович (1831 — год смерти неизв.) — учитель Старо-Тимошкинского училища Сенгилеевского уезда Симбирской губернии (с 1861 по 90-е гг.) — 148.

Слепцов Александр Александрович (1835—1906) — русский революционный демократ, один из основателей общества "Земля и воля" (1861) — 12.

Смирнов Алексей Лукьянович (ок. 1760 — год смерти неизв.) — астраханский мещанин, дед И. Н. Ульянова (по матери) — 17.

Сократ (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников идеалистической диалектики — 108.

Стасюлевич М. М. (1826—1911) — профессор истории Петербургского университета, редактор журнала "Вестник Европы", — органа либеральной буржуазии — 156, 203.

Стахевич Сергей Григорьевич (1843—1918) — революционер, член первой "Земли и воли". Осужденный на шесть лет каторжных работ, с 1866 г. отбывал их вместе с Н. Г. Чернышевским — 25.

Степанов Николай Михайлович (1812—1880) — учитель физики и математики Астраханской гимназии, ученик Н. И. Лобачевского — 20.

Странден Николай Павлович (ок. 1844 — год смерти неизв.) — член тайного революционного общества, воспитанник И. Н. Ульянова. Осужден по делу Д. В. Каракозова на каторжные работы — 25.

Страхов Дмитрий Иванович — законоучитель Нижегородского Мариинского женского училища, магистр богословия — 175.

Стржалковский Владимир Михайлович (1830—1886) — русский педагог. Окончил Казанский университет (1852). С 1874 г. — инспектор народных училищ Симбирской губернии, ближайший помощник И. Н. Ульянова. Коллежский советник (1879) — 113, 122.

Струве Василий Яковлевич (1793—1864) — русский астроном, академик. Прославился изучением закономерностей движения звезд с целью установления строения Вселенной — 79.

Суперанский Михаил Федорович (1864—1930) — служащий Симбирского крестьянского банка, с 1895 г. — член Симбирской ученой архивной комиссии — 33, 36, 188, 205.

Сциборский Борис Иванович (ок. 1828—1896) — преподаватель русского языка Новгородского кадетского корпуса (1859), дворянского института в Нижнем Новгороде (1867), директор народных училищ в г. Томске (1872), друг Н. А. Добролюбова — 24.

Сытин Сергей Львович (род. в 1925 г.) — ученый-краевед, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова — 40.

Талызин Матвей Иванович (1819 — год смерти неизв.) — русский математик и физик, магистр математических наук, преподаватель Александровского лицея, с 1856 г. — адъюнкт-профессор — 75, 78, 79, 192, 193.

Тимофеев Александр Васильевич (ок. 1818 — год смерти неизв.) — с 1842 г. — старший учитель русской словесности и логики Астраханской гимназии, с 1857 г. — инспектор Пензенского дворянского института, с 1859 г. — директор училищ Нижегородской губернии, с 1864 г. — инспектор Казанского учебного округа — 17.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — великий русский писатель и мыслитель — 33, 95, 138, 140, 161, 188, 194.

Толь Феликс Густавович (1823—1867) — учитель русского языка и географии Астраханской гимназии (ноябрь 1845 — январь 1846); активный петрашевец, в 1849 г. был арестован, приговорен к расстрелу — 18.

Трофимов Жорес Александрович (род. в 1924 г.) — известный автор книг о жизни и деятельности И. Н. Ульянова, В. И. Ульянова (Ленина) и других членов его семьи, кандидат исторических наук, публицист — 23, 26, 41, 154, 162, 173, 186, 187, 203, 204.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — великий русский писатель, либерал — 140.

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — член тайного общества декабристов, один из основателей "Союза благоденствия" в Петербурге — 29.

Тюрго Анн Робер (1727—1781) — французский философ, просветитель, деист; политический деятель, экономист — 94.

Ульянов Александр Ильич (1866—1887) — русский революционер-народоволец, старший сын И. Н. Ульянова. За участие в подготовке покушения на императора Александра III (1 марта 1887 г.) был арестован. Приговорен к смертной казни — 109, 110, 153, 154, 166, 171, 197, 200, 204.

Ульянов Василий Николаевич (1819—1878) — старший брат И. Н. Ульянова, приказчик солянопромышленной фирмы в г. Астрахани — 17.

Ульянов Дмитрий Ильич (1874—1943) — младший сын И. Н. Ульянова, врач, профессиональный революционер — 141, 168, 204.

Ульянов Николай Васильевич (1768—1836) — отец И. Н. Ульянова, мещанин, мастер цеха портных Астраханской ремесленной управы — 16.

Ульянова Анна Алексеевна (1788—1871) — мать И. Н. Ульянова, дочь астраханского мещанина А. Л. Смирнова — 17.

Ульянова Мария Александровна (1835—1916) — жена И. Н. Ульянова, мать В. И. Ленина — 23, 35.

Ульянова Мария Ильинична (1878—1937) — младшая дочь И. Н. Ульянова, с 1897 г. — революционер, один из старейших членов большевистской партии, видный партийный и советский деятель — 114, 126, 130, 139, 147, 148, 153, 159, 167, 176, 178, 197, 198, 199, 200, 201, 203, 205.

Ульянова Ольга Ильинична (1871—1891) — дочь И. Н. Ульянова — 169, 204.

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1864—1935) — старшая дочь И. Н. Ульянова, профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии — 29, 52, 54, 127, 140, 153, 157, 158, 176, 177, 189, 200, 202, 205.

Успенский Глеб Иванович (1843—1902) — русский писатель, революционный демократ — 194.

Утин Николай Исаакович (1841—1883) — русский революционер, ученик Н. Г. Чернышевского — 12.

Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870) — великий русский педагог, профессор Ярославского Демидовского лицея (1846—1849), уволен по подозрению в политической неблагонадежности — 13, 33, 42, 97, 109, 113, 118, 125, 195, 196, 199, 200.

Фарадей Майкл (1791—1867) — английский физик и химик, основоположник учения об электромагнитном поле — 69, 70, 192, 193.

Фармаковский Борис Владимирович (1870—1928) — сын В. И. Фармаковского, русского педагога, товарищ Владимира Ульянова, археолог, член-корреспондент Российской академии наук — 107.

Фармаковский Владимир Игнатьевич (1842—1922) — с 1865 г. — преподаватель Вятской Мариинской гимназии, духовной семинарии, магистр богословия (1867), с 1869 г. — мировой судья; с 1877 г. — инспектор народных училищ Симбирской губернии, друг и сподвижник И. Н. Ульянова по народному просвещению — 107.

Фейербах Людвиг (1804—1872) — немецкий философ-материалист и атеист — 40.

Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782—1867) — московский митрополит, воинствующий защитник крепостного права; автор "Пространного катехизиса" — 124.

Филатов Петр Федорович — русский врач, отец советского окулиста, академика В. П. Филатова, воспитанник И. Н. Ульянова — 131.

Фишер, Луис (ум. в 1970 г.) — американский историк, профессор — 177, 204, 205.

Флавий Иосиф (ок. 37—95) — иудейский писатель, историк и военачальник; во время восстания перешел на сторону римлян — 90, 124.

Фламмарион Камиль (1842—1925) — французский астроном — 169.

Фонвизин Денис Иванович (1742—1792) — русский писатель-сатирик, просветитель — 19.

Франклин Бениамин (1706—1790) — американский физик, ученый-энциклопедист, мыслитель, сторонник деизма, идеолог буржуазной революции, член нескольких академий, в том числе Российской академии наук — 93, 94, 194.

Хардинг, Нейл — английский историк, автор работ о В. И. Ленине, подвергающий критике многие положения традиционной западной историографии — 165.

Христофоров Иван Яковлевич (1836—1892) — педагог, инспектор Симбирской классической гимназии, преподавал греческий язык, классный наставник (1881—1883) во время учебы В. И. Ульянова — 45, 96, 195.

Цицерон Марк Тулий (106—43 до н. э.) — римский государственный деятель, консул, оратор, писатель, философ-эклектик — 19, 145.

Чарнок, Джон — американский историк. Сын Жозефа Джона Томсона, физика и директора Тринити колледжа (Кембридж). Секретарь отца, был связан дружбой с семьями члена совета П. Л. Капицы и др. ученых, посещал Россию — 175, 205.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский социалист-утопист и революционный демократ, философ-материалист, писатель и литературный критик — 12, 13, 23—25, 92, 96, 112, 114, 115, 161, 167, 186, 202, 203.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888—1982) — советская писательница, доктор педагогических наук — 162, 186, 197.

Швер Александр Владимирович (1898—1940) — советский журналист, публицист и общественный деятель — 160, 202 .

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — русский критик, поэт и публицист, профессор Московского университета, академик (1852), один из теоретиков "официальной народности", глава правого крыла славянофилов, пытался примирить философию и религию — 11.

Шекспир Вильям (1564—1616) — великий английский писатель-драматург, гуманист эпохи Возрождения — 140.

Шиллер Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, философ и историк; развил традиции просветительского морализма — 128.

Шопенгауэр Артур (1788—1860) — немецкий философ-идеалист — 97, 98.

Шуб Давид — американский историк, родился в России, с 1903 г. — член РСДРП, меньшевик, за революционную деятельность был арестован (1906) и сослан в Сибирь. В 1908 г. эмигрировал в США — 170, 204.

Щербо Александра Федоровна (1871—1943) — гимназическая подруга О. И. Ульяновой, с 1887 г. — народная учительница — 169, 204.

Энгельс Фридрих (1820—1895) — один из основоположников научного коммунизма, друг и соратник К. Маркса — 66, 68, 81, 104, 106, 191, 193, 195.

Эрстед Г. Ф. (1777—1851) — датский физик — 66.

Юрасов Дмитрий Алексеевич (ок. 1840— год смерти неизв.) — один из лидеров тайного революционного общества ишутинцев. Арестован по делу Д. В. Каракозова, приговорен к каторжным работам — 25.

Юстинов Петр Иванович (1828—1892) — после окончания Казанской духовной академии (1852) преподавал в духовных семинариях Саратова, с 1856 г. — Симбирска; магистр богословия, занимал профессорскую должность. С 1864 г. — законоучитель Мариинской гимназии, с 1866 г. —

классической мужской гимназии и настоятель гимназической церкви. С 1875 г. — одновременно протоиерей Троицкого кафедрального собора, член совета братства Св. Сергия Радонежского. В философии проповедовал "образцы христианской жизни св. отцов", и идею единства веры и знания. П. И. Юстинов часто общался с И. Н. Ульяновым по делам службы и при участии в общественной жизни города — 132, 133.

Языков Василий Петрович (1829 — ок. 1878) — уездный предводитель дворянства, почетный член Карамзинской библиотеки, член губернского статистического комитета, председатель Симбирского уездного училищного совета, племянник поэта Н. М. Языкова — 198.

Языков Николай Александрович (1833—1881) — председатель комитета Карамзинской библиотеки (1872—1881), член совета Симбирского общества сельского хозяйства (1879), член губернского училищного совета, земский деятель, действительный статский советник, племянник поэта — 38, 41, 132.

Языков Николай Михайлович (1803— 1846) — русский поэт, представитель романтизма — 29.

Якоби Борис Семенович (1801—1874) — русский физик, академик — 15.

Яковлев Иван Яковлевич (1848—1930) — чувашский педагог, просветитель-либерал, с 1876 г. — инспектор чувашских школ и директор учительской семинарии в Симбирске, соратник И. Н. Ульянова — 137.

Янишевский Эраст Петрович (1823—1906) — русский математик, профессор Казанского университета, проводник идей неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевского — 72.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

I. УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И. Н. УЛЬЯНОВА 7

1. Изменения в экономической и классовой структуре русского общества второй половины XIX в. 7

2. Идейные истоки становления педагога-демократа. 10

3. Естественно-научные предпосылки развития материалистических идей И. Н. Ульянова. Основные этапы его жизни и деятельности. 14

4. Земское просветительство: ценностная ориентация. 30

II. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И. Н. УЛЬЯНОВА 51

1. Истолкование природы и общих свойств тел по взглядам И. Н. Ульянова. 54

2. Естественные законы. 61

3. Пространство и время. 71

4. Бог и Вселенная. 78

III. ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ И. Н. УЛЬЯНОВА 84

1. Идея развития в природе. 85

2. О познании. 91

3. Способы "постижения сущности". 103

4. Логика в обучении и софизмы. 107

IV. РОЛЬ И МЕСТО И. Н. УЛЬЯНОВА В РУССКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ 112

1. Проблема оснований "философии просвещения " в мировоззрении педагога. 112

2. Человек как субъект морали. Вера перед судом разума. 118

3. Гуманизм и свобода совести. 130

4. Против схоластики и догматизма в обучении и воспитании. 143

V. И. Н. УЛЬЯНОВ В ОЦЕНКАХ КРИТИКИ. 152

1. Современники об И. Н. Ульянове. 152

2. От вымыслов — к истине. Советская историография. 156

3. Легенды и мифы. Западные исследования. 165

Заключение. 179

Примечания. 184

Литература. 206

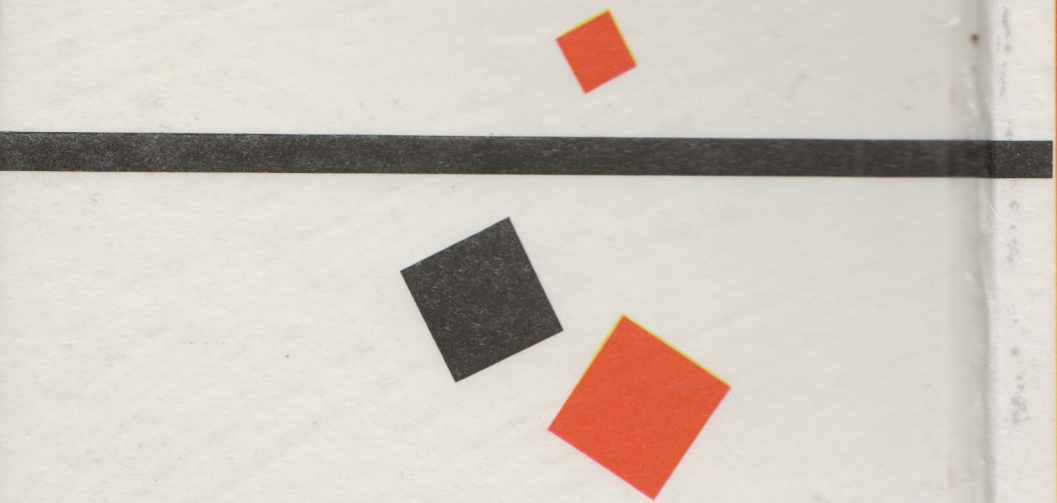
Именной указатель. 211

Пермяков Константин Михайлович

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И. Н. УЛЬЯНОВА

Художник *Ю. Никитина*
Технический редактор *Е. Коломыцева*
Корректоры: *Н. Гранитова, Г. Гульнова, О. Колмакова*

Сдано в набор 23.03.95. Подписано к печати 16.05.95.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага офс. № 1. Гарнитура Тип Таймс. Офсет.
Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,3. Заказ № 635. Тираж 1000 экз.

Областное книжное издательство "Симбирская книга"
432021, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 52.

Областная типография "Печатный двор"
432061, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 13.